

Российская Академия Наук
Институт философии

**СУДЬБА ГОСУДАРСТВА
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Москва
2005

УДК 300.35
ББК 15.51
С-89

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.Н.Шевченко*

Рецензенты
доктор филос. наук *К.Х.Делокаров*
доктор филос. наук *А.А.Крушанов*

С-89 Судьба государства в эпоху глобализации. — М.,
2005. — 200 с.

В монографии обсуждается одна из самых дискуссионных проблем в отечественной науке, которая связана с поиском Россией наиболее жизнеспособного государственного устройства в условиях растущих вызовов и угроз, рождаемых глобализацией.

Авторы исходят из того положения, что главным противоречием эпохи выступает противоречие между быстро растущей глобализацией мировых общественных отношений и национально-государственными образованиями. Россия как великое государство способно сохранить и в эпоху глобализации свой национально ориентированный путь развития. В ходе решения этой задачи в монографии подробно рассматривается взаимосвязь в прошлом и настоящем российского типа традиционной государственности с либеральной (западной) моделью государства. Выясняются перспективы создания оптимальной «синтетической» модели государственного устройства России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей монографии авторский коллектив сектора философских проблем политики продолжил разработку актуальных проблем современного этапа глобализации. Предыдущая работа сектора называлась «Духовные основы современной политики». В качестве предмета нынешнего исследования избран широкий круг вопросов, связанных с перспективами развития национального государства в обозримом будущем. Эта тематика приобрела особую значимость в последние годы в отечественной литературе, поскольку сегодня стали весьма дискуссионными вопросы не просто перспектив развития российского государства, но вообще его дальнейшего существования. Все больше и больше становится публикаций, предсказывающих неизбежность распада Российской Федерации в ближайшее время.

Действительно, объективные процессы глобализации вызывают закономерные, но далеко еще не выявленные изменения в функциях и структуре современного государства. В этой связи авторы коллективной монографии поставили перед собой ряд задач. Прежде всего, выявить содержание и направленность объективных тенденций в изменении положения современного государства на мировой арене; проанализировать опыт других стран, в частности Китая, нашедшего адекватные ответы на угрозы и вызовы глобализации. Но главная цель исследования состоит в том, чтобы показать, существуют ли сегодня перспективные пути модернизации российского государственного устройства с целью повышения его жизнеспособности. И если таковые существуют, то каким образом страна может отвести от себя опаснейшие для нее угрозы и вписаться в растущие процессы глобализации с минимальными издержками и максимальной выгодой для себя.

Особое внимание уделяется духовной ситуации на Западе, дальнейшему отходу его от христианских ценностей и вместе с тем стремительному росту мистики и оккультизма, которые становятся важным идеологическим оружием в борьбе против традиционных ценностей других народов и цивилизаций и, в частности, против духовных традиций, свойственных российской цивилизации.

Исследован в этой связи традиционный тип российской государственности в сопоставлении с либеральным типом государственности. Делается попытка доказать, что ведущей тенденцией в модернизации российского государства выступает формирование «синтетического» типа государственности, протекающее пока в значительной степени стихийно, методом проб и ошибок, нежели целенаправлен-

но. В таком «синтетическом» типе государственности должны органично соединиться традиционные формы институтов государственной власти, либеральные свободы и принципы социальной справедливости. Большое внимание уделено анализу становления гражданского общества в России, объяснению тех трудностей, с которыми здесь сталкивается вся страна — как власть, так и нарождающиеся гражданские структуры.

В работе показывается, в силу каких причин российское государство обязано обеспечить социальную защиту и социальные права населения, а затем уже встраивать в общество необходимые для дальнейшего развития страны либеральные принципы в соответствии, разумеется, с культурно-историческими реалиями страны. В целом, обосновывается иной путь предоставления прав российским гражданам по сравнению с западным обществом, в котором в центре внимания длительное время находились политические права, и только во второй половине XX века началось предоставление важных для достойной жизни западного человека социальных прав. Рассмотрена также проблема формирования сегодня в стране стратегически мыслящего политического субъекта, возникшие здесь объективные и субъективные трудности, в частности, последствия неблагоприятного влияния внешних факторов.

При всей индивидуальной творческой манере авторы работы стремились к тому, чтобы создать целостную монографию. Авторский коллектив объединяет единый замысел и дополняющие друг друга результаты, полученные каждым автором в ходе проведенного им исследования.

В.Н.Шевченко

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Внутренние перемены в российском обществе происходят на фоне крупномасштабных трансформаций, которые получили наименование глобализации. Термин «глобализация» в настоящее время стал настолько распространенным, что практически ни одно серьезное социально-политическое исследование без него не обходится. Для обозначения этого явления в разных странах используются различные слова. Если в англоговорящих странах оно обозначается как глобализация, или глобализм, то во Франции этот феномен называют мондиализацией.

Важнейшие проблемы, которые ставит глобализация, — изменение роли и функций национального государства; соотношение локального и глобального; трансформация основных демократических ценностей. В России, где эти тенденции в развитии общества исторически традиционно сильны, обсуждение перспектив и судеб государства в рамках новой картины мира, создаваемой глобализацией, несомненно, вызывают живейший интерес. Однако при этом до конца неясным остается как само понятие глобализации, так и то, какие социально-политические последствия она несет с собой.

Самое общее значение, которое заключает в себе термин глобализация, — это стремление распространиться по всему пространству планеты на базе какого-либо принципа. В зависимости от того, какой принцип лежит в основании этого процесса, можно выделить на данном этапе несколько смыслов идеи глобализации.

В настоящее время наиболее очевидный, самый мощный, а главное, реальный принцип — финансово-экономический. Сопутствующий ему смысл глобализации, хотя подвергается противоречивым напад-

кам и вызывает острые дискуссии при оценке результатов, все же единодушно определяется как стремление экономико-финансовых надмировых (или транснациональных) структур объять весь мир под предлогом достижения максимальной эффективности производственной деятельности. Эта версия обсуждает плюсы и минусы однополярного мира, создания мирового правительства, функционирования транснациональных корпораций. Надо признать, что именно эта трактовка, часто негативно-политическая, представлена в мировой практике, в то время как другие интерпретации носят скорее гипотетический, сугубо теоретический характер.

Итак, другое толкование глобализации — более глубинное философское — связано с феноменом артифицирования природного мира человеком, приобщения природы социуму, придания ей смысла. Эта трактовка исходит из феномена радикального расщепления мира природы (естественного порядка) и человеческого универсума (который есть мир культуры). Дуализм человеческого бытия состоит в том, что индивид, с одной стороны, есть часть естественного мира по рождению, но существует он только в культуре и через культуру. Именно этот факт отделяет человека от природы, но в то же время позволяет ему гуманизировать природу, дать ей смысл человеческого существования.

Сущность природы и человека в некотором отношении противоположны друг другу. Природа, несмотря на круговорот умирания и возрождения, как бы отвечает за устойчивость, постоянство вещей. Человеческая суть, напротив, как бы призвана отразить текучесть, изменчивость через многообразие эпох, нравов, культур, ситуаций, и одновременно парадоксально обозначить то общее и уникальное, что свойственно человеку. При этом характерно, что именно культура воплощает, собирает, хранит идеальные и материальные продукты творчества человека. Благодаря культуре результаты труда человека бессмертны, устойчивы, хотя сам он смертен, конечен.

Благодаря культуре человек становится социальным животным. Это происходит через создание обычаев, правил, табу, кодов, символов, которые могут быть и становятся основой общепланетарных смыслов. Глобализация, таким образом, понимается как артификация, т.е. приобщение планеты человеку, ее очеловечивание.

Интеграция пространства земного шара требует, прежде всего, выработки единого языка, объединительной кодификации человеческой деятельности. В такой перспективе обмены, ставшие символом современной эпохи — эпохи глобализации, — приобретают положительное значение и резон.

Если рассматривать артификацию планетной среды как глубокий смысл глобализации, то интенсификация обменов всех видов (от материально-технических, главным образом средств транспорта, до инструментов трансляции слов, образов, символов, информации) выглядит как естественное средство реализации артификации среды. Недаром понятие обмен замещается в современном дискурсе словом «коммуникация», означающего в переводе «связь», «соединение». Тем самым предлагается интенция не просто обмена чем-либо, а такого обмена, который создает единое пространство и даже единую субстанцию в масштабах земного шара. Логическим завершением и венцом глобализации считается Интернет — сеть, всемирная паутина, т.е. наитеснейшая взаимосвязь и взаимозависимость.

Реальность, однако, богата парадоксами негативного свойства. На практике вектор власти меняется на противоположный: не гуманизация, не очеловечивание природы управляют отношениями между индивидами, а финансы подчиняют себе человеческие связи и взаимодействия. Более того, новейшие электронные технологии порою становятся непосредственным механизмом кризиса, позволяя напрямую «соединить» пространство и время, переместить капиталы от одного предприятия к другому, от одного региона планеты к другому за считанные секунды. Именно это и произошло в 1987 году, когда, по общему признанию, главным виновником первого общемирового финансового кризиса стал компьютер.

Третий смысл глобализации представлен экологизмом. В нем заложена идея примирения векового раскола двух сущностей человека — естественной и социальной, слияния человека и природы, достижение их предустановленной гармонии. Ностальгическая мечта о земном рае, о воссоединении человека с природой, игнорируя факты цивилизаторской эксплуатации человеком окружающей среды для своих производственных нужд, составляют глубинную смысловую суть экологизма.

Глобализация как идея общей судьбы и общего дома человечества выросла из экологизма, из стремления защитить и сберечь природу как среду обитания человека. Но глобализация XX и начала XXI веков не только превзошла экологизм, она вступила в радикальное противоречие с последним. Принципы, лежащие в основании экологизма и современного глобализма, несовместимы и порою непримиримо враждебны друг другу. В самом деле, в основе экологизма лежит идиллическая картина примирения человека с природой. В своем стремлении сохранить все, что существует (от народностей, находящихся под угрозой вымирания до символов памяти прошлого), он предста-

ет как попытка остановить движение и современную его интерпретацию — «потоки» глобализации (транспортные, экономические, финансовые), уничтожающие все традиционное. Изменения несут с собой неизбежную эрозию прошлого и настоящего, постоянную необходимость обновления, разрушения и нового созидания. Именно сущностное противоречие экологизма и глобализма в конечном счете легло в основу современного противодействия глобализму — движений антиглобализма.

Следует, очевидно, отличать глобализацию как интерпретацию общепланетарности от глобализма как конкретной политической стратегии начала XXI века. Первая имеет географический подтекст единого планетарного пространства. Второй акцентирует связи, взаимодействия между различными отраслями человеческой деятельности. Если первый хотел бы видеть равенство условий выживания, равный доступ для всех и для каждого к хорошей экологии, то второй предполагает учредить перераспределение ответственности (за загрязнение среды, размещение отходов и т.п.) на разных уровнях мировой иерархии (на уровне ячейки гражданского общества, региона, государства, мирового правительства). Но равенство и иерархия в определенном отношении противостоят друг другу. На практике глобализм, используя экологический текст, в конечном счете подрывает смысл экологизма.

К вопросу об уточнении терминологии

Как свидетельствуют западные исследователи, глобализация сегодня приобретает значение парадигмы¹.

В современном контексте глобальное приобретает совершенно новое качество. Пришло время строго отчленив его от понятий интернационального, транснационального, мирового и планетарного.

Когда говорят об интернациональных связях, то подразумевают целый ряд понятий, центральным для которых является идея «нации». Интер-нацио-нальный означает между-нацио (народ)-ный и предполагает необходимость отношений между нациями. Но как раз это-то и отрицает глобализация. Таким образом, интернациональное ни в коем случае не есть глобальное.

Сегодня, очевидно, было бы странным ожидать, чтобы глобализация предстала в виде «Организации Объединенных Наций», как это естественным образом виделось во времена формирования Старого мирового порядка, объединявшего два качественно раз-

ных типа общественных систем. Сегодня ООН несет на себе налет провинциализма, это — несамостоятельная, зависимая, рядовая организация.

Глобализация превосходит интернационализацию и по сути, и по масштабам. Более того, одной из характеристик глобализации является «факт насмешки над интернациональным в строгом смысле этого слова»². Примером тому служит Интернет, благодаря которому каждый может путем элементарного абонирования подсоединиться к «святая святых» государственного (национального) интеллекта — Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, не испрашивая никакого на то разрешения у служащих аппарата.

Таким образом, если бы и можно было оперировать реалией «нации» при анализе такого парадигмально нового процесса, каким является глобализация, то в таком случае следовало бы скорее говорить о «транснационализации», да и то только в том смысле, что некоторые обмены между нациями выходят за рамки национального и межнационального права. И все же термин «транснациональный» также неприемлем, поскольку имеет истоки в 70-х годах XX века и тесно увязывается с феноменом «транснациональных корпораций».

Говоря о глобализации, следует отчленить это понятие от эпитетов «мировой» и «планетарный».

Прежде всего, мир не сводится территориально к пространству планеты Земля. С другой стороны, наш глобус еще не есть весь мир. Когда авторы научно-фантастических романов, откуда и распространилась эта вокабула, говорят о «войне миров», то речь идет об отношениях нашего мира с другими галактиками. «Мировой» и этимологически связанное с ним французское наименование глобализации «мондиализация» несут в себе скрытую коннотацию идеи объединенного мира планеты Земля, противостоящему космическому нашествию. Но это есть процесс экзотерический по сравнению с «внутренними делами» народов и государств планеты Земля, которые отражаются в феномене глобализации.

Глобальное не является также смысловым синонимом «планетарного». Как отмечает Андре-Жан Арно, содиректор Французского национального Центра социологических исследований, «глобальное могло бы означать планетарное, если бы оно в последние годы не приобрело того империалистического «душка», который вобрал в себя этот термин в результате его широкого использования сильнейшими государствами современного мира, политика которых резко контрастирует с политикой более слаборазвитых стран. И поэтому, — продолжает, А.-Ж.Арно, — я высказываюсь за

совершенно определенную, специфическую интерпретацию и употребление термина «глобализация»³. С его мнением, очевидно, нельзя не согласиться.

Современные оценки глобализации

Размышления о глобализации не оставляют никого равнодушным. Этическая перспектива оценки глобализации расколола мир на два непримиримых лагеря — тех, кто считает ее одним из величайших зол, с которым когда-либо сталкивался мир, и тех, кто видит в ней единственную надежду на мировое спасение. Одни полагают, что процесс глобализации — не что иное, как проявления нового культурного империализма — американского. Другие видят в нем прообраз нового мессианства. Спектр политических предпочтений колеблется от адвокатов глобализации, которые открывают в ней гуманистические перспективы, до политических левых, религиозных фундаменталистов и экстремистов, которые ненавидят все, что связано с глобализмом и для которых современные мировые процессы ассоциируются с богохульством и сверхэксплуатацией.

Однако, как рассуждают умеренные социологи, и те, и другие грешат излишней категоричностью и злоупотребляют фактами и аргументацией в определении новых тенденций развития. «Мондиализация, как и всякий другой процесс, порождает усложнение отношений и взаимоотношений, и манихейский подход к исследованию этого феномена совершенно неуместен и нелегитимен ни с практической, ни с научной точки зрения»⁴.

Существует и еще одна, третья, категория исследователей. Они считают, что феномен глобализации присутствовал всегда в рамках капиталистического производства и не представляет из себя ничего радикально нового. При этом высказывается предостережение против ошибочного восприятия глобальной экономики как такой, которая лежит в основании общества в целом и является определяющей для всех остальных его сторон — культурной, социальной, политической. На самом деле, отмечают они, те процессы, которые сегодня обозначают как мондиализацию, появились вовсе не в 70-х годах XX века. История свидетельствует о том, что капиталистическое общество неоднократно переживало периоды интенсивной открытости, которые вполне можно квалифицировать как периоды мондиализации. В качестве примера приводится эпоха конца

XIX века. За этими периодами неизбежно следовали этапы закрытости экономики, о чем свидетельствует временной интервал, начавшийся в 1920 году⁵.

Сходная ситуация наблюдается и в российском научном сообществе. Отношение к глобализации «стало сегодня чуть ли не «основным вопросом» политической социологии, — указывает В.Л.Иноземцев. — Неолибералы, считающие глобализацию процессом объективным и непреодолимым, видят в ней свидетельство расширения и укрепления рыночных отношений, демонстрацию исторического триумфа их идеологии. Социалисты и коммунисты, усматривающие за теми же тенденциями действия мирового капитала, надеются, что нарастающие в ходе глобализации масштабы всемирного неравенства реанимируют протестное движение, которое снова востребует их социальную теорию»⁶.

Несмотря на большие разночтения и антагонистические оценки глобализации, все сходится в одном — в том, что современный период представляет собой период огромной трансформации, который затрагивает практически все аспекты человеческой жизни — от технологии производства и управления до индивидуальных ценностей. И как всякая переходная эпоха, она связана с неопределенностью бытия, неопределенностью выбора форм политического существования, моральных и правовых норм, идеологической зыбкостью. Отсюда такие интерпретации нынешнего состояния мира, как «время неопределенности»⁷ или «разбегающийся мир»⁸.

Несмотря на многообразие точек зрения на истоки глобализации, сегодня уже можно говорить об историческом пути современной глобализации. В ее эволюции можно выделить три этапа. Первый этап охватывает период после окончания второй мировой войны до 70-х годов XX века. Эта эпоха характеризуется господством идеи нации, национального государства, которое есть главный субъект политики, внутренней и внешней. Судьба каждого народа решается, прежде всего, внутри страны. Движение капиталов и товаров остается целиком и полностью под контролем государства, несмотря на то, что факт международной торговли имеет место, активно развивается и является важным фактором национального процветания. Одним словом, для того, чтобы понять все стороны жизни — экономическую, политическую, культурную, международную, — нужно брать за точку отсчета национальное государство.

Второй этап начинается в конце 60-х, середине 70-х годов и ограничивается концом столетия. Мировые процессы в этот период принимают форму мультинационализации (la multinatioalisation).

Транснациональные фирмы перешагивают национальные границы, организуют собственные экономические и коммерческие сети по всей планете с филиалами в различных государствах мира. Национальные государства оказываются не единственными субъектами мировой политики, их суверенитет ставится под вопрос.

Новизну процесса составляет уничтожение идеи «дома», привязанности к месту, территории, которые являются ключевыми для понимания сущности и смысла существования государства. С этой точки зрения характерным и очень важным было распространение синонимов термина «транснациональная корпорация», таких, как «многонациональные» или «мультинациональные корпорации». Все эти понятия означали, что, «перешагивая» границы государств, компании такого рода все же имели «дома», правда, во многих странах. Таким образом, понятие единственности, особенности «дома», «малой родины» размывалось, подвергалось сомнению.

Наконец, с конца XX столетия происходит новый качественный скачок в развитии мировых процессов, который, собственно, и обозначают как глобализацию. Смысл его состоит в том, что сеть интересов планетарных субъектов образует новую единую сущность, которая поднимается над национальными государствами и имеет планетарный масштаб. Народы различных стран фактически теряют суверенитет и оказываются второстепенными субъектами политики. Суть этого этапа состоит в том, что отныне для того, чтобы понять экономическую, политическую и культурную жизнь нации, нужно исходить из мирового уровня анализа.

Коренной проблемой сегодня становится решение вопроса об онтологической стороне глобализации, т.е. о том, что она такое есть — новая экономическая реальность или идеология? Или, если ставить эту проблему под углом зрения генезиса глобализации, она должна быть сформулирована следующим образом: является ли глобализация объективным, природным, естественно-экономическим, независимым от мыслительных конструкций процессом или, напротив, результатом целенаправленной политики каких-либо субъектов, групп, слоев, социальных авторов?

Глобализм как продукт политической воли

Один из известнейших политических философов современности Пьер Бурдьё высказывается по этому поводу совершенно определенно. Он считает, что глобализация вовсе не носит естественноис-

торического, объективного, независимого от политической интервенции характера. Более того, утверждает он, глобализация — это даже не социальный процесс, а функция политики. Пьер Бурдьё пишет: «Мы являемся свидетелями политики мондиализации (я говорю именно о «политике мондиализации», а не о мондиализации как естественном, природном процессе)»⁹.

Более мягко, но фактически в полном согласии с идеями П. Бурдьё, определяет свою позицию ректор и профессор Университета Париж-Сорбонна Жерар-Франсуа Дюмон. Он обосновывает свою точку зрения как бы с противоположной стороны — путем отрицания причастности экономического сектора (фирм и предприятий) к этому процессу. Дюмон полагает, что представление о глобализации как о следствии неумемного аппетита мультинациональных фирм глубоко ошибочно¹⁰. Глобализация никогда не была для предприятий целью, а тем более проектом. Идеал деятельности любого предприятия — получить и сохранить стабильное преимущество на завоеванном и хорошо защищенном конкретном рынке. И если что-то толкает его к изменению этой стратегии поведения, то это только внешние принуждения.

Дюмон считает, что глобализация есть, прежде всего, результат целого ряда политических решений и действий, имевших место, начиная с последней трети XX века. Среди политических изменений, породивших глобализацию, утверждает он, следует различать четыре уровня — мировой, региональный, национальный и локальный, причем последние три способствуют становлению первого, «работают» на его укрепление.

Первым шагом глобального сценария был Римский Договор 1957 года, положивший начало региональному объединению стран Европы. Это событие, указывает автор, носит чисто политический характер, так как инициатива Договора принадлежала французским политикам, действия которых противоречили интересам французских предприятий. Они действовали наперекор главной экономической инстанции Франции в этом вопросе — Национальному Совету французского патроната. Последний безуспешно пытался противостоять введению в действие механизма общего рынка, который запускал Римский Договор. Главным аргументом патроната было то, что французская экономика и французские предприятия неспособны были в достаточной мере противостоять новым конкурентам, которые неизбежно будут привлечены в страну благодаря открытию границ. Они предпочли бы сохранить для себя ситуацию рыночного протекционизма, которым в то время пользовались. Этот эпизод

как нельзя лучше подкрепляет посылку автора о том, что глобализация не есть результат доброй воли предприятий, а продукт политической игры.

Другим фактом, иллюстрирующим политическую аргументацию глобализации, Дюмон называет экономическое соперничество США с Европой, в котором для Америки не было никакой необходимости, кроме стремления к политическому могуществу, скрывающемуся под экономической подоплекой. В самом деле, почему усиление позиции европейской шестерки в международной торговле начинают столь сильно волновать заокеанскую державу, которая в отличие от Европы вовсе не испытывает дефицита ресурсов. США — практически самодостаточная страна с этой точки зрения, в противоположность европейцам, которые находятся в полной сырьевой и энергетической зависимости от других регионов мира и могут развивать свою промышленность только за счет импорта. Что касается Америки, то даже импорт нефти они осуществляют только из стремления экономии своих собственных ресурсов. Таким образом, международная торговая стратегия Америки объяснима, полагает исследователь, только с точки зрения «стратегии могущества». В этом отношении Торговый Акт Кеннеди 1962 года, открывший новый массированный этап развития мировой торговли, является актом рождения мировой глобализации в противовес Римскому Договору, который стал родоначальником региональной глобализации¹¹.

Региональная форма глобализации, в свою очередь, способствует увеличению объема торгового оборота в масштабах планеты и усиливает свободу циркуляции людей и капиталов. Функции региональной глобализации выполняют, прежде всего, Европейское экономическое сообщество, количество членов которого увеличилось с шести в 1957 году до 15 в 1997 году и предполагает вырасти в ближайшем будущем до 27 стран-членов, а также АСЕАН, АЛЕНА, Меркосюр и, наконец, мусульманская «восьмерка», образованная в феврале 2001 года в Каире. Эти организации совершенно не ставят своей целью противодействие процессу мировой глобализации. Возникая на основе желания снизить неблагоприятные воздействия мирового процесса на национальные экономики, они фактически оказывают этому процессу поддержку.

Наряду с пространственным объединением происходит интернационализация права, которая унифицирует юридический контекст обменов, ограничивая возможности влияния на него специфической политики отдельных государств.

Политические инициативы мировой глобализации, пройдя несколько этапов, завершились к 1994 году созданием Всемирной торговой организации, целью которой стало учреждение международных юридических рамок торговых обменов.

Среди национальных политических решений, способствующих процессу мировой глобализации, автор отмечает уничтожение экономических границ, открытие внутренних национальных пространств для иностранных государств и фирм, сокращение поля деятельности внутринациональных монополий, развертывание приватизации, отказ от протекционизма даже в таких традиционно защищенных отраслях национальной инфраструктуры, как электричество, вода, телефон, почта и т.д. Среди глобализационно благоприятных решений автор особо выделяет крах коммунистических режимов, которые почти повсеместно были заменены политическими системами, поощряющими развитие внешней торговли. Одновременно происходят изменения в сфере национального законодательства, легитимирующего открытие национальных рынков.

Продвижению глобализации на локальном уровне способствуют, прежде всего, оффшорные зоны и страны с чрезвычайно гибким администрированием, такие как Нидерланды, Люксембург, Монако и т.п. Все они активизируют движение капиталов. Но самое главное в этом процессе то, что «локальная» глобализация возможна только при попустительстве крупнейших государств планеты, которые хотя и жалуются на незаконное отмывание денег в таких регионах, фактически поощряют их существование. Это объяснимо только с точки зрения политической выгоды такого статус кво, ибо ведущие страны мира понимают, что «локальная глобализация» чрезвычайно полезна для развития мировой глобализации.

Технологическая интернационализация

Политическая составляющая глобализации, подразумевающая, что глобализация есть продукт политической воли, хотя и является главным импульсом этого процесса, не является его единственным основанием. Существенную часть генезиса глобализации составляет совокупность трансформаций в области технологии пространственно-временных коммуникаций, которую обозначают как процесс интернационализации. Именно она создает материально-техническую базу глобализации.

Начиная с 80-х годов XX века, происходит резкая эволюция материальных средств передвижения (скоростные поезда, автобаны) и нематериальных коммуникаций (телексы, факсы, мобильная связь, Интернет). Все эти новации облегчают мобильность людей и капиталов, но, что гораздо важнее с точки зрения анализа предпосылок новой глобалистской идеологии, порождают новую миграционную логику. Понятие пространства радикально меняется. Для экономики становится более важным измерять пространство в единицах времени, нежели в километрах. Вместо традиционно понимаемой дистанции распространяется восприятие удаленности как времени (территория, расположенная в часе езды от столицы и т.п.). Для характеристики жизни индивида используется категория «плюрального города» (*la ville plurielle*). Человеческая деятельность вписывается в «плюральность экономических и урбанистических пространств» (город места жительства, город деятельности, город потребления, город досуга, город второго места жительства и т.д.).

Качественно меняется природа жизненного пространства. Новая реальность — это «киберпространство», термин, ставший в западной научной литературе социологической и политико-философской категорией. Законы развития этого нового социального пространства, которое есть жизнь «on-line», передвижение по «электронным автобанам» и «сервис через теле- и Интернет-магазины» приводят к важным социальным сдвигам. Они означают, в частности, исчезновение огромного количества мелких профессий, которые составляют современную картину занятости. Прежде всего, это — большинство профессий, связанных со сферой услуг, агенты бюро путешествий, библиотекари, работники архивов, мелкие торговцы, сотрудники газет и журналов и т.п.

К объективной стороне этой проблемы прибавляется субъективная, которая связана с трансформацией скорости происходящих изменений, за которой не успевает большинство населения. Адаптироваться к новому ритму жизни, который задается новыми информационными технологиями, может лишь небольшая часть жителей. Изменение больше не является линейным (т.е. с постоянным ритмом), оно развивается по экспоненте (т.е. с возрастающим ритмом). А это означает для западных исследователей неутешительный прогноз с точки зрения роста количества людей, лишенных работы.

Перед обществом маячит перспектива новой волны анемии, атонии, психологической депрессии. Неизбежны рост неуверенности в завтрашнем дне, психической неустойчивости и в конечном счете усиления явлений социального распада.

Глубинный смысл происходящих изменений состоит в том, что нарастает интенсификация обменов всех видов (от материально-технических, главным образом средств транспорта, до инструментов трансляции слов, образов, символов, информации). Они получают название «потоков глобализации» (транспортных, экономических, финансовых)¹².

Разносторонние изменения образа жизни в глобальном обществе синтезируются в новой социологической категории. Современное состояние человеческого сообщества именуется «планетарной», «мировой», «глобальной деревней» («le village mondiale», «le village planetaire», «le village global», «global village»). Практически в каждом втором исследовании, хотя бы вскользь, но встречается эта категория¹³. В мировом сообществе представление о мире как о «глобальной деревне» было широко распространено уже в начале 90-х годов. Задачей эпохи после холодной войны было «определить контуры и правила игры нового мира»¹⁴.

Из размышлений различных авторов на этот счет складывается представление, что мировая или планетарная деревня — это некая воображаемая конструкция, отражающая если не наличное состояние современного мира, то явление, которое ожидает мир в ближайшем будущем. Следует вдуматься в разницу восприятия этого термина в западном менталитете и в российском. Для нас деревня — это символ определенной технической и технологической отсталости и культурной традиционности, что вполне объяснимо в рамках индустриальной парадигмы мышления, которая у нас все еще является преобладающей. На Западе сегодня понятие «планетарной деревни» есть продукт информационной технологической революции в области коммуникаций. Главное достижение последней — это сокращение расстояний, сближение социальных и институциональных акторов в мировом пространстве, а также (что очень важно!) новое качество их взаимодействия — интерактивность.

Привлекательность классической деревни издавна состояла в возможности реализовать естественную свободу. Главными ее недостатками были замкнутость, оторванность от остального мира, изоляция. «Глобальная деревня» благодаря новейшим технологиям, и в частности Интернету, преодолевает эти минусы. Интерактивность — это возможность одновременного общения многих субъектов из географически разных уголков планеты. «Планетарная деревня» претворяет в действительность давний идеал человечества — сочетание естественной свободы и всеобщей коммуникации. К этому следует добавить, что для западного индивида деревня — это мечта, идеал,

вознаграждение за социальный успех; для американца — ферма или ранчо на Диком Западе, для европейца — небольшой собственный домик где-то на солнечном Средиземноморье или в окрестностях Парижа. Таким образом, «глобальная деревня» — это верность национальным традициям, историческому прошлому человечества, с одной стороны, и выстраивание нового мира — идеала, модели, образца существования, с другой стороны.

Термин «мировая деревня» несет в себе подспудно еще одну — идеологическую — нагрузку. Он рождает представление о современном (т.е. еще не ставшим идеалом «глобальной деревни») состоянии мира как о культурологически пестром, но технологически единообразном провинциализме. Такой провинциализм нуждается в сильном организующем начале, внешней принудительной силе, которая привнесет в него строгий рациональный порядок и даст ему импульс прогрессивного развития, (правда, возможно, ценою большого количества жертв, если вспомнить эпизоды исторического обезземеливания крестьян, составившее в свое время материальную базу нового качественного состояния жизни общества — города).

«Планетарная деревня», понимаемая в таком контексте, — бесструктурный материал, состояние нового хаоса, «разбегания» мира, которое есть преддверие нового порядка. Метафора очень емкая, ибо это — состояние покоя или хаоса, которое должно предшествовать новому качеству цивилизации. Альтернатива классической деревни — урбанизация — шла рука об руку с индустриализацией. Соответственно можно предположить, что эволюция идеологии XX века шла в направлении от индустриального общества к постиндустриальному, которое в конце столетия сменилось «информационным обществом» — технологическим символом грядущей глобализации.

Однако единение в рамках интернационализации — не единственная качественная черта нового мира. Особенность интернационализации состоит в том, что, несмотря на сближение различных точек мирового пространства, она не приводит к унификации пространства, поскольку сопровождается процессами новой метрополизации и иерархизации. Метрополизация вызвана необходимостью концентрации в новых крупных и главенствующих центрах и городах разносторонне образованной и высококвалифицированной рабочей силы. Иерархизация возникает на основе разделения территорий, которые отличаются большей или меньшей степенью обладания ресурсами связи с глобальной экономикой (*economie-monde*).

Противоречия глобализации

Информационная революция рассматривается как фундамент глобальных процессов и признается неоспоримой как всякий факт. Проблема возникает относительно форм, которые может порождать этот факт, и отношений, которые выстраиваются на его основании.

Главным технологическим достижением новой реальности является компьютер. Именно он сделал возможным мгновенный контакт между различными частями мира. Однако если идея глобализации в целом разделила или рискует разделить человечество на два оппозиционных лагеря, то тот же антагонизм восприятия касается и главного технологического достижения XX века — Интернета. Одни видят в нем всемогущее божество, нечто сродни Прометею, несущему огонь освободительных знаний угнетенным массам. Другие, напротив, считают его Аргусом и Цербером будущего всемогущего и вездесущего мирового Правления и расценивают его как драматический финал развития мировой истории¹⁵.

В самой идее компьютеризации мира заложено коренное противоречие. С одной стороны, она позволяет объединить мир и, следовательно, повышает степень централизации управления. С другой стороны, компьютеры оказываются во всех точках планеты, на всех уровнях — от локального до мирового, и таким образом смешивают, уничтожают иерархию уровней. С одной стороны, информация по самой своей природе — это связь, и, следовательно, информатизация усиливает взаимозависимость. Недаром в качестве организационной формы она выбирает сеть, мировую паутину. Компьютер открывает мир отдельному человеку и предприятию. С другой стороны, мировое навязывает себя локальному, диктует ему свою волю, предписывает матрицу существования. Усиливается автономия, но одновременно растет и связанность всех со всеми. Автономия перерастает в одиночество, связь — в зависимость.

Социально-исторические перспективы глобализации также неоднозначны. Связь глобализации с технологической революцией, и в частности с новыми информационными и коммуникационными технологиями, имплицитно означает ее неминуемую связь с прогрессивной модернизацией мира. Однако, продолжая осмысливать прогресс через призму логики философии Просвещения, мы с необходимостью приходим к выводу о том, что современная экономика, являющаяся базой глобализации, приводит нас к утрате гуманистического смысла существования. Последний предполагал совместное бытие людей, порождая в качестве глубинной ценности и высшей

цели — стремление к общему благу. Либеральные ценности индивидуальной свободы и предпринимательства, расширяя личное пространство индивида, в конечном счете предусматривали уплотнение социальной ткани, созидание более комфортной для индивида, но все же совместной социальной жизни. Идеал либерализма предполагал сложную игру индивидуальных интересов, которая должна была, в итоге, выработать максимально удобные и рациональные условия жизни людей в обществе. Другими словами, несмотря на все атаки классического либерализма на общинность и институт государства, идеал этот был далек от идеи распада общества.

Реальная логика развития глобализации привела нас к ряду парадоксов, главные из которых — забвение идеи общего блага, шаткость основ демократии и вывод из игры «национального государства». В такой перспективе итоги раздумий о судьбах нового мира свелись к тому, что глобализация рискует превратить новые достижения человечества из потенциального технологического блага в мировое этическое зло. А потому противоречия глобализации породили размышления о необходимости поиска новых социальных противовесов, сдерживающих ее негативное влияние на будущее человечества.

Глобализация и национальное государство

В современной России происходит процесс возвращения на политическую сцену государства как активного социального агента построения демократического и правового общества в нашей стране. Более того, как свидетельствуют современные западные исследования государства¹⁶, существует устойчивый «код развития», определяющий ход и особенности самого процесса модернизации. Как указывает Ш.Эйзенштадт, модернизация не может полностью «перемолоть» традиционность, которая во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, а приверженность общества собственным традициям действует как стабилизирующий фактор, придает модернизации устойчивость и последовательность¹⁷.

Во второй половине 80-х и начале 90-х годов в зарубежной научной литературе провалы и успешность модернизационных действий стали однозначно связываться с тем, насколько эти процессы смогли или нет вписаться в социокультурные особенности каждой страны. Один из крупнейших аналитиков теорий модернизации А.Турен в конце 80-х решительно заявил, что судьба мировой цивилизации отныне зависит от того, будет ли найден компромисс между развитием как универсальной целью и культурой как ценностным выбором¹⁸.

При этом выделяются два типа государств — «сильное» и «слабое». Различают их на основании двух взаимосвязанных критериев: степени их внутренней структурированности и степени их автономии по отношению к окружающей среде, прежде всего к гражданскому обществу. В научной литературе в качестве моделей выделяют два предельно приближающихся к идеальным типам так называемых парадигмальных случая — США как максимально соответствующих эталону слабого государства и Франции как наиболее адекватного образца сильного государства.

Россия по этой классификации и согласно тем же исследованиям попадает в разряд государств сильного типа. Государство, таким образом, остается в ситуации переходного периода важнейшим агентом внутренних трансформаций. И потому глобалистская логика элиминации национального государства воспринимается в России особенно остро. Таким образом, нам сегодня необходимо понять сущность происходящих изменений в глобальном мире, чтобы оценить их последствия для России и выработать адекватную стратегию поведения как внутри страны, так и на внешнеполитической арене.

С разворачиванием процесса глобализации все более выпуклым становится главное противоречие эпохи: между процессом глобализации и государствами. Их столкновение обоюдоострое. Глобализация разрушает фундамент государств по нескольким направлениям. Но в то же самое время государства есть фундаментальное препятствие, о которое спотыкается победное шествие глобализации.

Основное противоречие эпохи глобализации — это противоречие между «глобализационными потоками», а следовательно, движением в самом общем значении слова и укорененностью. Историческая ретроспектива свидетельствует о поэтапном разрушении укорененности. Обезземеливание крестьян лишило их традиционных корней, оторвав их от почвы во всех смыслах слова. Индустриализация разрушила сословность общества, т.е. социальную укорененность людей в стратах, превратив их в конечном счете в граждан, равных перед экономическими законами функционирования капитализма. Урбанизация оторвала индивида от сакрального отношения к земле и бросила его в обезличенную вненациональную, внеконфессиональную, внецеховую (в средневековом понимании) светскую городскую культуру. Наконец, социальные движения XX века выразились в своей самой острой форме — классовый борьбе, революциях, войнах. Эти экстремистские, по своей сути, виды социального движения несли в себе смысл взрыва косного, застойного состояния общества с целью круто изменить направление движения — догнать, модернизировать,

сменить общественную модель развития. Такие экстремистские варианты развития также разрушали укорененность людей, но уже в нации, в исторической традиции народа.

XXI век начался под знаменем глобализации, которая посягает на последний бастион укорененности — территориальную привязанность, поскольку знаменем времени становится коммуникация — ускорение физического перемещения, а также обмена идеями, информацией, ценностями, моделями образа жизни. Базируясь на интенсификации обменов, в том числе нематериальных, таких, как финансовые, информационные, ценностные, глобализация естественным образом нарушает целостность, непроницаемость границ государств, т.е. вторгается в «святая святых» государства: в территориальный фактор. Первейшей функцией государства является «сцепление» им своей территории, ее прозрачность для государственного правления и защита этой территории. Но именно эти функции уничтожаются, в первую очередь, проницаемостью границ в эпоху глобализации. Государство раздирается между двумя противоречащими друг другу задачами: сохранить пространство, за которое оно несет ответственность, и не мешать движению товаров, услуг, финансов, идей, наконец, просто перемещению людей.

Глобализация меняет смысл государства. Государство связано ценностью укорененности не только с территорией, но и с этносом, нацией. Но глобализация ставит под вопрос суверенитет и само государство как неизменную клеточку построения нового глобализованного мира. Глобализованная система мира хочет видеть в качестве своего основания индивида. Именно поэтому распространению глобализации предшествует усиленная индивидуализация планетарного пространства и триумф идей либерализма. Либерализм как социальная философия точкой отсчета делает индивида, его свободу. В либеральной теории институт государства из социальной идеи, вместилища коллективного разума, воплощения и носителя идеи общего блага трансформируется в идею правового государства, в центре внимания которого — права индивида.

Нарушаются главные функции государства, и прежде всего функция безопасности. Социальный договор, со времен Гоббса, Локка и Руссо признаваемый основой легитимности власти и суверенитета государства, определял в качестве высших ценностей безопасность существования граждан, защиту права собственности, свободы. Глобализация, которая суть «потoki», обмены информацией, идеями, взаимопроникновение образов жизни и т.п., разрушает статику государства, которая суть порядок.

Столкновение коренных характеристик современного глобализированного мира — интенсификации потоков и государственной статике — подрывает такую государствообразующую функцию как солидарность. Со времен Локка в политической философии утвердилась формула положительно-охранительной перспективы государства, призванного упрочить состояние мира в обществе в противовес гоббсовской негативно-охранительной интерпретации государства как ограничителя «войны всех против всех». С этого момента социальные внутригосударственные институты развивались в направлении обеспечения максимально возможного равноправия граждан, примирения противоречий между богатством и бедностью, т.е. поддержания солидарности общества и в обществе. Длительное время созидалась и к середине XX века окончательно выработалась концепция «социального государства». Все институты такого общества — налоговая система, система социального обеспечения, система образования, система экономического и финансового перераспределения — строились в соответствии с конечной целью поддержания мира в обществе, т.е. солидарности.

Глобализация и ее сущностная черта — умножение и диверсификация потоков и движений деформируют, подрывают все сложившиеся системы солидарности; общемировым явлением становится кризис национальных идентичностей. Тем самым уничтожается фундамент современного типа государства. Возникает проблема установления нового типа солидарности (регионального, интернационального), — словом, иного, нежели национальная солидарность.

Одним из серьезнейших последствий глобализации становится разрушение фундаментальной основы современных обществ — идеи социального договора. Начиная с Т.Гоббса, эта концепция постепенно оттачивалась, совершенствовалась и привела в конечном счете к созданию современной теории суверенитета. Теория социального договора возникла из насущной необходимости выживания людей в обществе, для чего они вынуждены были делегировать часть своей свободной воли государству в обмен на гарантии обеспечения безопасности, социальной и экономической свобод. Концепция суверенитета, явившаяся последним фундаментальным штрихом в теории социального договора, оформила понимание государства как рациональной сущности, наделенной волей, обладающей правами и обязанностями по отношению к своим гражданам. Глобализация уничтожает сложившуюся концепцию. Если в течение какого-то времени суверенитет сохранится, то смысл его ограничится контролем над территорией при решении некоторых задач, предписанных международным правом.

В связи с этим в современной политологической литературе обсуждается вопрос о вероятности замены социального договора планетарным договором. Но здесь возникают пока неразрешимые противоречия. В частности, неясно, насколько в таком случае можно рассматривать государство как равноправного участника такого договора, раз оно не является онтологической реальностью, а всего лишь историческим продуктом человеческой деятельности, продуктом культуры. Кроме того, неясно, насколько можно рассматривать мировую систему в качестве замены общества, которое выполняет функции сплочения, объединения, солидарности граждан для реализации общего блага народа? Пока картина «нового мира» выглядит как пестрая ярмарка, на которой иерархии и порядок исчезают и уступают место какофонии споров между представителями разных уровней — индивидами, организациями, предприятиями, государствами¹⁹.

Размышления об отрицательных для государства последствиях наступательного шествия глобализации создают настоятельную потребность в модернизации подхода к использованию института государства в новых условиях. Действительно ли рынок победил государство, поле вмешательства которого в социальную жизнь сокращается как шагреновая кожа? — такой вопрос задает Роже Геснери, один из наиболее влиятельных французских экономистов, лауреат Нобелевской премии²⁰.

Р.Геснери считает, что мондиализация — это действительно победа рынка, но она, в то же время, создает потребность в государстве. Рынок — это историческое образование, которое базируется на логике обмена и организации. Государство и рынок являются скорее взаимодополняющими друг друга компонентами, нежели антагонистичными. Они суть два близнеца, две регулятивные формы, одна из которых (рынок) более механистична и спонтанна, а другая (государство) более склонна к контролю и сдержанности. Как государство, так и рынок, оба, не являются ни демоническими творениями, ни ангельскими конструкциями.

В этом отношении, указывает он, показательны два центральных события XX века, одно — экономическое, другое — политическое. Первое — это кризис 1929 года, который доказал хрупкость рынка, второе — падение Берлинской стены, означавшее крах принципа централизованного планирования. Таким образом, и государство, и рынок, оба — всего лишь инструменты. Оба они уязвимы и несовершенны, и оба обречены на взаимодополняемость, на то, чтобы опираться друг на друга. Нужно только уметь ими воспользоваться, ибо оба они социально необходимы.

Споры о конкретных масштабах и сферах деятельности национальных государств в эпоху глобализации продолжаются. Однако пока очевидно, одно — привилегированной областью политики государства остаются культурное, лингвистическое и социальное пространство, а также легитимные стороны перераспределения национального богатства, нацеленные на исправление и компенсацию нежелательных последствий рыночной экономики (неравенство доходов, загрязнение окружающей среды и т.п.).

Проблема сегодня состоит в том, что государство сталкивается с новыми вызовами, которые выходят за рамки национальных территорий, что вовсе не должно означать отказа от государства. Ситуация требует от последнего поиска новых форм политического действия. Центральное направление деятельности, которое по-прежнему остается за государством и где рынок абсолютно беспомощен, — это сфера общего, или как предпочитают ее определять в западной литературе, «коллективного» блага. Очевидно, что рынок по своей природе противоречит идее коллективного блага, т.к. принципы индивидуализма и конкуренции, лежащие в его основании, стремятся переложить максимум финансовых рисков на «соседа» и вовсе не стремятся солидарно разделить их.

Единственным выходом в данной ситуации остается введение регламентаций, норм и квот, а также совершенствование механизмов налогообложения и контроля. Все это по-прежнему остается прерогативой государства. Высшей целью и идеальной моделью, к которой следует стремиться, является мировой рынок (построенный в соответствии с нормами мирового права), отмечает Р.Геснери. Такой рынок должен будет открыть международную дискуссию о перераспределении мирового богатства между государствами (по аналогии с современной реализацией принципа социальной справедливости как перераспределения национального богатства внутри страны). Логически связанной с этой проблемой является перспектива длительного и трудного обсуждения мировым сообществом идеи создания мирового государства²¹.

Угроза демократии

Либерализм, в свое время, пытался переложить функции заботы об общем благе на государство. И, действительно, западное государство превратилось в «социальное государство». Однако сегодня, как выяснилось, главная проблема заключается в том, что глобализация ставит под вопрос прежде всего само государство.

Российское мышление, привыкшее связывать понятие государства с централизацией и тоталитаризмом, не может даже осознать всей глубины надвигающегося кризиса. Проблема состоит в том, что глобализация подвергает эрозии модель «западного» государства, которое есть демократическое государство. Таким образом, в эпоху глобализации демократическое государство фактически теряет свою легитимность. Глобализация превращается, как удачно выразились французские социологи, в «западню», «ловушку» для демократии²².

Высший смысл демократии — это справедливость, но именно это понятие полностью изымается из контекста человеческой жизни в эпоху глобализации, считает Жозе Сарамого, португальский писатель, автор многих известных на Западе публицистических работ, лауреат Нобелевской премии Мира 1998 года²³. Однако справедливость это — в конечном счете синоним этического, «она столь же необходима для счастья, как пища для тела. Это — и та справедливость, которую вершит суд и которую диктует закон, но это также и, прежде всего, та справедливость, которая суть спонтанная эманация самого существования общества; справедливость, в которой проявляется неотвратимость морального императива уважения самого *права на существование*, которое неотделимо от каждого человеческого существа»²⁴.

В глобализованном мире изъятой из обращения, что называется, по определению оказывается солидарность, являющаяся основой совместной жизни людей в обществе. Это отречение логически вытекает из жесткого бескомпромиссного приоритета экономических ценностей в современной картине мира. В экономике нет солидарности как коммунитарной ценности, там существуют только партнеры. Соответственно государство, по необходимости отказавшееся от приоритетности общего блага и принимающее во внимание только финансовые стимулы монетаристской экономики, в конечном счете неизбежно приходит к формуле управления, которая некогда была выражена элементарно и четко — «хлеба и зрелищ». Однако совершенно очевидно, что такого рода прагматизм лишает общество смысла, который есть общезначимое, солидарность, общий интерес.

Важно иметь в виду, что проблема «общего блага» шире, нежели вопросы «коллективного» блага, связанного с вопросами перераспределения и социально-экономической справедливости. Опасность в том, что глобалистская идеология и глобалистский дискурс угрожают «общему пространству» (*l'espace commun*), а также общественному, или политическому пространству (*l'espace publique ou politique*), так как индивиды в нем трансформируются в атомизированных членов некоего большого тела — в потребителей в ущерб

гражданам²⁵. Это в корне подрывает прежний образ демократии, центральными понятиями которого были именно гражданин и гражданское общество.

Более того, рынок как стержень и центр тяжести нелиберального проекта по своей логике уничтожает саму возможность проекта общества, идеал как проект развития. Категория общего соиздания ликвидируется ожесточенным упором на непосредственную данность индивидуальной свободы, здесь и сейчас. Последняя основана исключительно на экономической рациональности. Из нее следует, что индивид заботится о том, чтобы реализовать себя лишь в настоящем. Исчезает смысл его существования в истории. И это последнее обстоятельство очень тревожно, особенно если принять во внимание то, к каким отрицательным следствиям для человеческой психики и социальной жизни ведет современный индивидуализм²⁶.

И, наконец, сама жизненная ситуация современного человека, который ежеминутно, постоянно, непрерывно должен выбирать, «делать свой выбор» («индивидуальный выбор» — это знамение современного нелиберального времени) — разве это свобода? Индивид оказывается в двойной ловушке по отношению ко времени — к будущему и к прошлому. Если он предстоит перед тотальной свободой выбора («тоталитаризм выбора» — постмодернистский парадокс современной ситуации!), у него нет больше ни желания, ни ожидания. А это означает крах экзистенции, крах «проекции» в будущее, крах проекта, в том числе проекта общества, его солидарности.

Одновременно потребительская концепция жизни экономического индивида делает для него все устаревшим, вышедшим из употребления, и, таким образом, ситуация тотального выбора лишает его координаты прошлого. Современный человек — человек без прошлого и без будущего, экономический человек настоящего, сиюминутного выбора. Но существование без проекта общества равнозначно отсутствию общего пространства, которое составляет рамки существования демократии.

Глобалистская логика антигуманна. Символом современной эпохи — эпохи глобализации — стали обмены. Самым универсальным языком обмена признаются финансы. Привычно утилитарные концепты цены, денег выполняют позитивную функцию перевода всех вещей на всеобщий и исключительно человеку присущий язык. Проблема состоит в том, что на практике это приводит к тому, что финансы подчиняют себе человеческие связи и взаимодействия.

Глобалистская логика не просто далека от протагоровской формулы «человека как меры всех вещей», она ей противоположна. Человек сегодня не только не расценивается с просветительских пози-

ций справедливости и солидарности, он утратил даже либералистскую значимость «атома общества». Отныне он всего лишь единица, от которой можно получить большую или меньшую прибыль, которую можно использовать. Преуспевающий американец, который воспринимается как образец делового человека, объявляя цифры своего годового дохода, с гордостью заявляет: «Столько-то тысяч долларов в год я стою!» Иными словами, формула сегодняшнего дня «Деньги — мера человека».

В современной структуре нового глобализующегося мира серьезно сомнению подвергаются некоторые основополагающие принципы демократии, в частности ее основа основ — принцип «сдержек и противовесов» в демократической матрице разделения властей. При этом главная брешь пробита глобализацией в наивысшем достижении демократического процесса XX века — в «четвертой власти».

Цивилизованное сообщество долгое время восхищалось самоотверженностью и отвагой журналистов и силой печатного слова в целом, которые в совокупности компенсировали недостатки законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Их часто называли «голосом безголосых», благодаря их способности критиковать, опровергать, противостоять незаконным, несправедливым, а порою и криминальным решениям традиционных институтов власти. Однако в течение последних пятнадцати лет, благодаря усилению либеральной глобализации, произошли радикальные изменения в недрах «четвертой власти», которые фактически свели на нет ее эффективность в изменившихся условиях.

Произошла технологическая революция. Некогда разные, три субстанции коммуникаций — звук, изображение, слово, воплощенные в радиосети, TV и печатных изданиях, ныне слились воедино в новых компьютерных технологиях. Технологическая революция в масс-медиа была подкреплена экономическими и финансовыми слияниями ведущих медиамагнатов мира. Произошла «империализация» «четвертой власти». Последняя подверглась концентрации, централизации и монополизации. Самостоятельность и частнопредпринимательская инициатива, составлявшие глубочайшую ценность этой структуры общества, исчезли. Вместо многочисленных изданий возникли «медиа-группы» мирового масштаба.

Сверхвласть современных медиа-мегагрупп, которые представляют собой фактически «гиперпредприятия» мирового масштаба, делает их проводниками новой идеологии. Однако идеология, диктуемая из одного крупного медиа-центра, не есть и по определению не может быть идеологией плюрализма мнений прежнего времени.

Современные медиа-тресты фактически являются по своему экономическому весу и идеологическому значению центральными агентами либеральной глобализации²⁷.

Главным движущим противоречием эпохи глобализации, очевидно, является противоречие между рынком и государством. Как всякое противоречие, оно может быть прогрессивным, но может обернуться регрессом. Какова же роль «четвертой власти» в этом противостоянии? К сожалению, монополистические процессы расширения, укрупнения, слияний превратили эту ветвь власти из стороннего наблюдателя и судии в элемент глобализации, принявшей сторону одного из участников современной дилеммы. Реальная политика медиа-групп — это давление на правительство с целью отказа от законов, ограничивающих концентрацию и монополизацию. Сегодня «четвертая власть» все меньше выступает против правовых злоупотреблений, стремится исправлять дисфункции демократии, усовершенствовать политическую систему. Одним словом, она не ведет себя уже как «противовес». Более того, она примыкает к слившимся воедино властям — политической и экономической, для того, чтобы, в свою очередь, в качестве дополнительной власти раздавить граждан²⁸.

Проблема глобального и локального

Одним из важнейших следствий глобализации является изменение диалектики глобального и локального. Как отмечает французский исследователь, вице-президент Комитета по исследованиям в области социологии и права, А.-Ж.Арно, «все было бы слишком просто, если бы развитие глобального в своей борьбе с национальным не привело бы к контрапунктному развитию локального»²⁹.

В современном контексте глобализации сами национальные государства становятся в некотором роде разновидностью «локального». Другими словами, уровень локального изменяет свой статус, поднимаясь со ступеньки привычного территориального деления, как то: провинция, регион, область, кантон и т.п., — до планки государственного масштаба.

Очевидной исторической функцией локального в эпохи перестройки социальной жизни (а тем более ее радикального изменения в периоды смены парадигмы развития) является компенсация функций уже разрушенных старых структур при еще не сформировавшихся новых. «Локальное» в такой ситуации выполняет задачу спасателя, обеспечивая выживание базовых реалий. Сходные проблемы ре-

шает сегодня государство, когда оно защищает национального производителя, противостоит безработице или субсидирует системы социального обеспечения.

В результате политических решений и интернационализации, подготовивших глобализацию, возникают идеологические изменения. Как предприятия, так и отдельные индивиды, вынуждены учиться мыслить глобально (стратегией ухода от рисков становится не диверсификация производства, а концентрация усилий на ключевых отраслях с максимальной компетентностью; экстернализация производства; создание модели предприятие-сеть вместо модели предприятие-филиалы). Однако, с другой стороны, глобализация не может уничтожить местных географических и культурных различий, что порождает необходимость действовать локально. В итоге рождается новый тип стратегического поведения, которое в современной глобалистской литературе обозначают термином «глокализация» (во франкоязычной литературе — *glocalisation*, в англоязычной — *glocalization*). Этот неологизм позволяет синтезировать способности «одновременно мыслить глобально, но действовать локально»³⁰.

Внимание к «локальному» непосредственно соединяется с вопросом о значимости национальных культур. Ведь «локальное» всегда функционирует на основе неписаных правил, реагируя, что называется, «по обстоятельствам», т.е. фактически на основе сложившихся привычек и традиций. Как и всегда было в истории формирования законов, новый мир образуется, отсеивая и отбирая те традиции и порядки, которые окажутся полезными в новом мировом порядке. Что именно будет «удержано» в нем из пестрой мозаики современных национальных культур, а что отброшено, покажет только будущее.

Политический процесс, который происходит на наших глазах, возрождает интерес к национальным культурам, и этот интерес, очевидно, не может быть только негативным.

О том, что этот процесс идет, и идет достаточно сложно, говорит появление в западной литературе таких терминов, как «локализованный глобализм» и «глобализированный локализм»³¹. В качестве примеров локализованного глобализма называются такие явления, как распространение англо-американского языка в качестве универсального средства общения по всей планете; проникновение во все страны мира американской *fast food*; а также американской популярной музыки³². В этой связи интересно лишний раз отметить, что современные западные авторы легко принимают прилагательное «американский» как синоним «глобального».

Феномены глобализованного локализма, по мнению европейских обществоведов, иллюстрируются вторжением в локальную среду явлений, отвечающих на современные транснациональные императивы. Среди них называются: появление оффшорных зон; потеря контроля над национальными ресурсами в качестве компенсации за неуплату иностранного долга; превращение культурного исторического наследия в зоны международного туризма; переориентация локальной экономики на экспорт под давлением «требований» международного рынка.

В соответствии с новой терминологией глобализация предстает как тесная переплетенная сеть зон локализованного глобализма и глобализованного локализма³³. Все это, по мнению западных авторов, указывает на несводимость диалектики глобального и локального к конфронтации двух полюсов. Современные политические процессы сложнее, чем элементарное противостояние, ибо происходит взаимопроникновение, которое и создаст в перспективе новое качество и новое общество. Такое терминологическое нововведение как «глокализация» (glocalisation), предлагаемое для описания глубинных взаимообменов локальных и глобальных смыслов, подчеркивает, по мнению исследователей, перспективу глубокого синтеза, перманентного встречного диалектического движения «локального» и «глобального»³⁴.

Конкретизацией этого диалектического движения становится возрождение интереса к идее «гражданского общества», который в последние десятилетия организованной размеренной и устоявшейся жизни на Западе почти исчез. В ситуации «старого мирового порядка» правила функционирования гражданского общества были хорошо отработаны и не нуждались в общественной дискуссии. Ныне трансформация контуров мира, формирование Нового мирового порядка ведут к переосмыслению «локального», что естественным образом влечет переоценку главного механизма работы «локального» — гражданского общества.

Выход из хаоса

Современное состояние мировой экономики — это своеобразный этап «первоначального накопления мирового капитала», этап либерализации международной экономики, дерегламентации и международной свободы предпринимательства, который некоторые авторы обозначают даже как «мондиалистский карнавал свободного

предпринимательства (*chienlit mondialiste laisser-fairiste*)»³⁵. Употребление слова «карнавал», очевидно, наводит на мысль об аналогии с бахтинской карнавализацией как предельной степени социального раскрепощения личности, освобождения ее от пут социальных запретов и социальной иерархии. «Перевооруживание низа и верха» во время карнавала должно привести по его окончании к новой стадии упорядочивания, т.е. в нашем случае действительно к новому мировому порядку. По аналогии с историей развития буржуазного общества сегодняшний мир это — хаотическое состояние предистории, за которым должны последовать вмешательство организаторской воли человека, рационализация деятельности и организация пространства. Однако по сравнению с началом XX века сегодня масштаб деятельности радикально меняется, и нужен поиск качественно новых социальных и культурных форм существования общечеловеческого сообщества, адекватных современным глобализационным вызовам.

В самом начале развития капиталистического общества производство диктовало нечеловеческие условия жизни индивиду при полном отсутствии контроля со стороны гражданского общества, которое сформировалось позже. Сегодня глобалистская либерализация создала сходную ситуацию господства финансов над экономической и социальной жизнью людей. Компьютеризация благоприятствует мгновенной передаче информации и ускорению принятия решений, что особенно важно для финансовой сферы жизни. Одновременно через компьютерные сети происходит централизация управления финансами, которая позволяет управлять различными регионами мира на расстоянии.

Параллельно процессам концентрации и централизации финансовых управленческих решений идет процесс деконцентрации материальных субъектов деятельности по всему земному шару, их локализация. Отсюда — проблема соотношения локального и глобального, периферии и метрополии, а также обострение дискуссии о новом империализме и неокOLONIALИЗМЕ. Финансовая концентрация оказывается властной силой, которой на данном этапе человеческого развития не противостоит никакое мировое «гражданское общество». Власть перемещается с уровня национальных государств на планетарный уровень и одновременно она ускользает из сферы публичного контроля гражданского общества в область частных международных интересов.

Главная проблема, однако, состоит не в том, что глобализация стала новой реальностью, а в том, каков должен быть ответ общества (социальный ответ) и ответ человека (гуманистический ответ) на эту

реальность. Иначе говоря, стоит вопрос о том, насколько новая сущность подконтрольна человеку и обществу, и соответственно каким образом должен перестроиться как сам индивид, так и социальные структуры и формы, чтобы соответствовать новой планетарной реальности. Западный менталитет видит эту проблему как необходимость организации нового мирового пространства в политическом, культурном и идеологическом смыслах, как это в свое время произошло со схожими категориями организации социального пространства национального государства, принявшего форму «гражданского общества» и демократии.

Первыми, не всегда удачными и не всегда рационально оформленными попытками создания нового планетарного гражданского общества являются антиглобалистские аргументы. Сам факт выдвижения таких аргументов есть свидетельство серьезного осмысления ситуации и поиска социальных противовесов негативным факторам глобализма. Обобщая их, можно сказать, что в совокупности они расценивают современный ход глобализации как противоестественный.

Первый контраргумент — экономический. Исходя из того, что традиционной целью экономической деятельности считается удовлетворение человеческих потребностей, теоретики антиглобализма считают, что с этой точки зрения сегодняшняя ситуация совершенно алогична³⁶. Глобалистская логика развития антиматериалистична и ирреальна, так как приоритет в ней имеет монетаристская политика, к которой должен адаптироваться экономический аппарат. Производство и управление оказываются второстепенными факторами в монетаристской схеме существования.

Финансовый принцип деятельности состоит в стремлении получить максимум прибыли в минимальные сроки. В поговорку вошли слова одного финансиста, который сказал, что для него десять ближайших минут это очень большой срок. Однако производственный принцип развития экономики требует преимущественно долгосрочных капиталовложений.

Глобалистская логика не есть логика роста. Статистика показывает, что как в США, так и в Европе не существует корреляции между колебаниями на финансовом рынке и экономическим ростом.

Второй контраргумент — политический. Неизбежно переосмысление социального смысла института государства, которое может стать достойным противовесом и противодействием надвигающемуся распаду общества и социальной жизни. Логика рынка — это рискованная логика, если она становится единственной и всепоглоща-

ющей. Оставаясь основой экономической логики, она не должна превращаться в логику социальную, иначе она вытеснит из общества человека как социальное существо.

То, что роль государства в новом мире должна с необходимостью сохраниться, говорят современные авторы, ссылаясь на таких классиков либерализма, как Карл Поппер. Для российского читателя это звучит парадоксально, особенно потому, что наши либералы, активно нападая на институт государства, никогда не упоминали о пределах этой атаки, несмотря на разумность и совершенную уместность таких ограничений в перестроенном российском контексте.

Речь идет о необходимости сохранения функций и власти государства в обществе, которая определяется важностью соблюдения прав всей совокупности населения страны. Однако для того, чтобы отрицательные стороны его деятельности не проявлялись чрезмерно, нужно следить за неувеличением без необходимости его функций. Этот принцип К. Поппер называет «бритвой либерализма». Для успеха деятельности государства нужно, чтобы оно обладало властью большей, нежели граждане или другие институты и организации, но чтобы при этом цена за защиту граждан не оказалась чрезмерно большой³⁷.

Третий контраргумент — социально-организационный. В эпоху глобализации из социальной практики исчезает понятие коллективного интереса и потребность в общественном секторе экономики, поскольку финансовая логика развития базируется на сиюминутности прибыли и соответственно монетаристский диктат соотносится с идеей чистого рынка, не признающей идеи общего блага. Но многие виды деятельности совершенно нерентабельны с рыночной точки зрения. Таким образом, современный ход глобализации ставит на повестку дня вопрос о переосмыслении сущности и функций «гражданского общества».

Четвертый контраргумент — идеологический. В новой идеологической войне, которую ведет глобализм, масс-медиа используются как боевое оружие. Информация благодаря всеобщности распространения становится новым типом взрывчатого вещества, оружием массового поражения, если она отравлена ложью, дезинформацией, искажениями и манипуляциями общественного мнения. Современные исследователи ставят вопрос о том, как общество должно реагировать и защищаться против этой «четвертой власти», которая «предала своих сограждан и со своим оружием и багажом знаний перешла на сторону врага»³⁸.

Эмпедокл говорил, что мир представляет собой комбинацию четырех элементов: воздуха, воды, земли и огня. Информация сегодня стала пятым элементом нашего глобализованного мира. Однако, по-

скольку она может, как зараженная пища, отравлять людей, засорять мозг, вести к интоксикации, необходима «экология информации». Граждане должны мобилизоваться для того, чтобы потребовать от глобальных медиа-групп уважения правды, потому что только поиск истины в конечном счете легитимизирует информацию. Необходимо, считает И.Рамоне, создать Глобальный наблюдательный медиа-совет (Media Watch Global), который будет гражданским мирным оружием противодействия новой супервласти. Это необходимо, потому что сегодня в результате предательства «четвертой власти» создается разбалансировка равновесия, чреватая опасностью для существования демократии.

Ответом на эту ситуацию может быть создание «пятой власти», которая позволит противопоставить силу граждан новой глобалистской коалиции. Функцией такой власти должно стать обличение супервласти новых медиа-гигантов³⁹. Сила предлагаемого учреждения этического характера. Она должна основываться на коллективной ответственности и служить высшему интересу общества — праву граждан быть правдиво информированными. Эта организация, по замыслу авторов, должна собрать профессиональных, независимых журналистов, университетских исследователей масс-медиа и активных граждан.

Движущие мотивы глобализации

Помимо размышлений о смысле и противоречиях глобализации неизбежно встает вопрос о ее движущих мотивах. И этот вопрос в современной ситуации превращается едва ли не в главный. Для того, чтобы понять суть конфликтной стороны проблемы, важно выяснить, какая глобальная идея лежит в основе современного «движения глобализации»?

В истории мысли, прежде всего западной, уже не раз имели место универсалистские теории: таковой была классическая доктрина естественного закона, которая дала основание и гарантию одинаковости структурных связей между людьми.

Другим примером могла бы стать концепция космополитизма, нацеленного на аксиоматическое обоснование рациональности и всездущности идеи прав человека, независимо от принадлежности субъекта к какому-либо частному и конкретному политическому, социальному и культурному контексту. Принципы космополитизма предполагали как цель или как перспективу создание универсального

человечества, в котором отдельный индивид «через голову» своей особой культуры и системы образования, призван думать и действовать как гражданин мира.

К универсалистским идеям могут быть отнесены идеи пацифизма, интернационализма и мирового правительства. Все они в конечном счете имеют стремление создать субстанцию общечеловечности, интерпретируемой в религиозной или светской перспективе. Более глубоким фундаментом и смыслом такой идеи являются принципы справедливости и равенства, которые стремятся соотнести каждого человека в отдельности с его структурным местом в мироздании.

Следует отдавать себе отчет в том, что, зарождаясь в теории как стремление реализовать высшие идеи равенства и справедливости, в реальной (гео)политике они часто приводили к ужасающим деструктивным идеологическим извращениям вроде империализма, рождения духа завоевания, стремления к реализации всемирного политического могущества, трансформировались в колониализм и тоталитаризм. В таких случаях используя универсалистскую видимость и терминологию, эти идеи становились обоснованием прав абсолютного господства отдельных стран или вождей⁴⁰.

Многочисленные исторические опыты превращения «благих намерений» в реальное мировое зло должны создавать критические рамки для вдумчивого, строгого и придиричвого анализа очередной универсалистской эйфории человечества — современного «движения глобализма». Необходимо тщательно верифицировать всякий глобализационный постулат в отношении высшей рациональности его культурных, этнических и политических оснований, т.е. в отношении того, насколько они действительно отвечают правам человечества. Следует очень пристрастно анализировать, смогут ли предлагаемые «глобальные идеи» избежать ловушек глобального узурпаторства, превращаясь из метафизического идеала в искусство реальности.

Встает вопрос, не происходит ли это уже теперь. Сегодня мы являемся свидетелями очевидной эволюции американской практической политики. Парадокс состоит в том, что современная американская доктрина, одним из теоретических оснований которой является теория справедливости Дж.Ролза, легко трансформируется в стремление к военно-силовому устранению препятствий для установления глобализации «по-американски».

Сегодня ведущей глобальной идеей признается мотив рационализации управления истощающимися природными ресурсами в планетарном масштабе. Беда в том, что этот мотив — кратчайший путь к новой имперской идее.

Глобализация — путь к новому имперскому порядку?

Глобализацию как процесс и как цель, ведущую человечество к объединению в единое целое и к осознанию своей общей судьбы, можно датировать едва ли не с момента появления первых человеческих сообществ. Само социальное устремление Homo Sapiens уже является, по сути, таким движением ко всечеловечности. Если же говорить о человеческой истории, то следует, прежде всего, отметить дискретность порывов к глобализации, которая не есть постоянный процесс и забота человечества. Глобализационные импульсы совпадают с крупными вехами переломных моментов истории и с накоплением отдельными народами энергетических ресурсов (военных, технологических, инновационных, религиозных), превосходящих сходные ресурсы других стран. Эти глобализационные порывы, как правило, связаны также с желанием решить собственные проблемы за счет расширения господства, власти, контроля над другими территориями. Попутно такое господство решает проблемы сброса лишнего населения. Новые земли — место иммиграции, шанс ликвидации безработицы, усиления экономического роста.

Очевидно также, что во всех универсалистских попытках объединения планеты всегда в какой-то степени присутствуют имперские амбиции, и материальным стимулом многих стремлений является нехватка ключевых ресурсов для конкретной эпохи: золота, пряностей, нефти. Проблема в том, что прочное господство над рынками соответствующих ресурсов может дать только империя, или имперский порыв сверхдержавы установить свой контроль над регионами планеты, в которых есть такие ресурсы.

Контроль над ресурсами, который составляет подоплеку всякой имперской политики, может принимать разные формы. Традиционный захват территорий, покуда существовали свободные пространства, был одной из наиболее распространенных имперских целей. Воплощением таковой были колонизация американского континента, Азии, Африки. Контроль над ресурсами тогда был тождественен контролю над географическим пространством. Однако физическая конечность мира, относительно стабильный, устойчивый раздел географического пространства, образование суверенных государств с неприкосновенными границами исчерпали возможности географического империализма.

На смену ему пришел идеологический империализм, когда контроль над народами осуществлялся концептуально-психологическими методами. Вначале раздел мира произошел между мировыми ре-

лигиями, которые, однако, некоторое время допускали существование наряду с собой верований местного значения. Однако историческая активность миссионерской деятельности показала, что империалистическая активность «не терпит пустоты» и стремится заполнить все пространство, незанятое конкурирующими мировыми религиями. На смену религиозной догматике пришла борьба светских идеологий, последним достижением которой стала «холодная война» XX века.

Победа США в «холодной войне» положила конец идеологическому соперничеству. С этого момента открылась перспектива контроля над определением способа развития, типа эволюции мира в глобальном масштабе, контроля над культурными моделями его развития. Поворотный момент в развитии мира был обозначен как «столкновение цивилизаций», «шок культур». А. Турен описал предчувствие этого поворотного момента истории следующим образом: «Действующие лица общества владеют культурными направлениями, определяющими область историчности, и оспаривают друг у друга контроль над ними. Ибо сегодня центральный общественный конфликт состоит в том, что общество разделено на тех, кто является агентом и хозяином этих культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие...»⁴¹. Или иначе: «...Правящим классом является тот, который управляет созданием культурных моделей и социальных норм; а управляемым — тот, который участвует в историчности подчиненным образом, соглашаясь на роль, предписанную ему правящим классом, или, напротив, стремясь разрушить присвоение историчности со стороны правящего класса»⁴².

Исходя из центральности понятия «культурной модели» в дискурсе современности, нынешний этап стремления к контролю над ресурсами следовало бы назвать культурологическим империализмом. Его, правда, можно было бы определить как экологический империализм, если бы не смысловая противоречивость терминов. В реальности эта политика уже обозначена как глобализм. Она предполагает контроль над будущим всего человечества. Экология здесь выполняет роль механизма по формированию и выработке «общего интереса» человечества, который возвысился бы над частными разногласиями, представленными, главным образом, интересами народов в форме суверенных национальных государств. Но кто, куда и в интересах кого будет канализировать этот общий интерес, подчинять его культурным моделям развития? Вот в чем вопрос.

Сущность современного этапа глобализации, как и во все предшествующие эпохи, — господство, власть над миром. Всякая власть такого масштаба должна воплощаться через организацию, которая

иначе называется порядок. После первой мировой войны появилась идея немецкого *ordnung*. После второй мировой войны в результате непродолжительной обоюдной демонстрации силы легитимизировались два сосуществующих миропорядка — капиталистический и социалистический. Такую организацию мира теперь следует именовать Старым мировым порядком. Наконец, после третьей мировой — «холодной» — войной заявлено учреждение Нового мирового порядка.

Организация, порядок — это материальная основа господства. Однако организация должна функционировать. Для этого необходима система каналов, осуществляющих связь; сеть, передающая импульсы. Когда-то это были транспортные пути — автомобильные, железные дороги, и они всегда стремились покрыть всю планету, связать весь мир воедино. Мы хорошо помним, что, учреждая свой *ordnung*, Гитлер особое внимание уделял именно таким дорогам. Сегодня главными становятся информационные коммуникации — «всемирная паутина», сеть, действительно охватившая весь мир. Именно она и должна составить основу распространения Нового *ordnung* — материальных и духовных импульсов, установлений, приказов.

Для того, чтобы организация и функционирование были надежными, необходима еще одна составная часть — сущностный объединительный принцип. В современной политике это называется обеспечить легитимность существующего порядка.

Самой универсальной из всех донныне существовавших легитимаций была христианская идея — вера, обращенная ко всем людям. Однако ее универсальность была формальной. Реально в Церкви существовал раскол, и самые непримиримые его части воплотились в Католицизме и Православии, несмотря на общехристианскую присягу. Можно предполагать, что противостояние этих религиозных ветвей зашло в идеологический тупик, несмотря на все потуги экуменизма. И потому недаром становление Нового мирового прядка сопровождалось претензией на поиск новой религиозной идеи. За неимением таковой глобализм остановился на демократической идее. Современная американская политика осуществляется под лозунгом «расширения демократии», демократизации мира, победы нового либерализма, «конца идеологий».

21 сентября 1993 года советник президента Клинтона по делам национальной безопасности объявил в своем выступлении в университете Джона Хопкинса о переходе к новой парадигме существования — «enlargement»⁴³, которая должна окончательно прийти на смену доктрине сдерживания и биполярности Джорджа Кеннана времен «холодной войны». «Enlargement» означает расширение и распрост-

ранение в глобальном масштабе демократии и рыночной экономики, оттеснения, подавления и выдавливания «тирании государства и командной экономики». Доктрина «расширения» рассматривается как процесс наступательный, хотя и экономический, в противовес доктрине «сдерживания», которая была программой оборонительной, но военной.

Программа «расширения» предполагает разделение всех стран мира на четыре «пространственно-временные зоны с целью применения этой стратегии»⁴⁴.

Первая — это ядро рыночных демократий, нуждающихся в защите (США, Канада, Япония, Европа). Вторая зона — «новые демократии», нуждающиеся в упрочении» (здесь вперемежку перечисляются Латинская Америка, бывший СССР, Южная Африка и Нигерия, Индия при условии ликвидации кастовости). Третья группа — это государства, враждебные демократии и рынку, которые нуждаются в подрыве (Иран, Ирак, Куба). Как сказано в выступлении, «их необходимо изолировать дипломатически, экономически, технологически и с военной точки зрения». (Самые последние события зримо демонстрируют всю эту «дипломатию»). Наконец, четвертая категория — это районы нищеты, в которых гуманитарная помощь должна способствовать «укоренению и росту рыночной демократии».

При этом подчеркивается, что «границы» трех последних категорий «размыты и подвижны», т.е. надо понимать, что при «плохом поведении» возможен перенос из списка № 2 в «черный список» стран на уничтожение.

События последних лет показывают, что экономическая доктрина «расширения» давно и твердо эволюционировала в программу милитаристскую — открытого военного вмешательства и завоевания территорий и стран, стратегически важных с точки зрения доступа к ключевым ресурсам планеты.

Еще одна черта, свойственная глобализаторам, — миссионизм. Чувство исполнения особой миссии, осознание своего особого предназначения поднимает дух нации, сплачивает ее, увеличивает ее энергетику, создает особую солидарность и единение перед лицом всего человечества, что, очевидно, благоприятно сказывается на перспективах освоения и завоевания глобализируемого пространства.

Миссионизм формирует элиту — административную, деловую, научную, которая убеждена, что несет ответственность за то, чтобы привести остальное человечество к свободе, разуму, прогрессу и справедливости. Таковы были порывы англичан, несших «бремя белого человека». Те же мотивы вели американцев времен Дикого Запада на

покорение племен краснокожих. Такие же, по сути, идеи вдохновляют и современных модернизаторов и миссионеров глобализации «по-американски» в XXI веке, осуществляющих свою задачу в операции «Буря в пустыне» или в Югославии.

Повсеместное распространение идеи профессиональной армии, которая идет на смену концепции обязательной военной службы, также есть предвестник имперской концепции мира. Обязательная военная служба родилась из функции поддержания мира, стабильности, сложившегося равновесия — одним словом, сохранения status quo.

Профессиональная армия есть оружие интервенции, захвата, вмешательства. Недаром самая сильная армия такого типа сформировалась в США — главном имперском акторе современной международной арены.

Итак, в конечном счете встает вопрос о том, насколько реальной становится перспектива имперского построения мира под руководством США, использующих в качестве императивного посыла необходимость более рационального использования оскудевающих ресурсов. Следует задаться вопросом, кто и до какой степени жесткости способен в современных условиях учредить беспрекословную дисциплину распределения благ?

Почва уже подготовлена. Достаточно долгое время человечеству твердили о необходимости обуздания appetitov, желаний, потребностей во имя защиты окружающей среды и выживания самого человечества. Но как тогда в столь рационально отточенную модель, взывающую едва ли не к житию в аскезе, или по крайней мере в проблемном состоянии нехватки, недостачи, — словом, жизненного минимума, могла вкратиться идея «золотого миллиарда» — элиты, у которой есть все и в избытке? Автор этой идеи должен знать, что наличие гипотетического распределителя, или управляющего миром, предполагает разделение человечества на элиту и массы, а мира — на метрополию и колонии. Но это именно та ситуация, в которой мир обрел своего Гитлера и идею культурологической миссии Германской Империи Новейшего времени.

«Физическая» сторона проблемы понятна. Всякий глобализаторский импульс как энергетический импульс конечен. К моменту его исчерпания неизбежно встает вопрос самосохранения, а следовательно, отграничения себя от остального мира, сохранения себя как целостности, носителя идеи. Как результат мир делится на центр и периферию, на цивилизованное пространство и варваров, на элиту и массу, на «золотой миллиард» и остальных.

Проблема столько раз возникала и осуществлялась в истории человечества, что к началу XXI века получила возможность оформиться теоретически еще до начала экспансии. Идеи конечности ресурсов, элитарности, «золотого миллиарда» были артикулированы политической наукой почти сразу с окончанием «холодной войны», т.е. с крушением прежней планетарной биполярной стабильности, Старого мирового порядка, скрепленного мощью двух сверхдержав и двух суперидеологий. Победному шествию Нового мирового порядка, новой имперской идеи предшествовало четкое проговаривание финала этого предприятия: прокламировалось победное шествие демократии по всей планете, а реально мыслился «золотой миллиард»; пропагандировалась свободная коммуникация во всемирной паутине, а «в уме» предполагалось калькирование американского мышления; для массового сознания заявлялась идеология гражданина мира, подкрепленного «новой всемирностью», новым экуменизмом, а в действительности реализовывалась идея разделения на граждан первого сорта (имеющих конкретное гражданство — американское) и других сортов — граждан второго, третьего и т.д. миров.

Если глобализация действительно ведет к распространению ценностей «открытого общества» без агрессивного нивелирования культур и идентичностей; если глобализация позволяет создать мировой рынок без дирижизма сильных мира сего; если глобализация ведет к реальной ликвидации извращенной логики международных отношений на основе логики «друг-враг»; если глобализация дает возможность установить мирную кооперацию всех людей, то тогда глобализация есть действительно редкий случай роста прогресса и цивилизации, который нельзя упустить.

Однако на самом деле, как показывает реальный ход истории, глобализация амбивалентна. Она может вести как к росту рациональности и моральности, так и к удалению от этих высших целей эволюции. А потому задачей исследователей является строгий критический подход к феномену глобализации. Глобализация должна вместить в себя и найти верное равновесие между инновацией и традицией, прагматизмом и гуманизмом, материальными и духовными ценностями жизни.

И, наконец, очень важной является проблема стратегии, а именно решение вопроса о том, каким образом можно и нужно с минимальными издержками вписаться в глобализацию. Или, другими словами, поиска того, каким образом сделать так, чтобы внешне принудительный императив глобализации превратился в преимущество, в «козырь» в мировой политической игре.

В действительности никто никуда не опоздал. Международные отношения находятся в процессе становления в рамках Нового мирового порядка. Они пока весьма туманны и неопределенны. Международные клубы, называющие себя «семерками», «восьмерками», «девятками» — временные структуры с неопределенными целями и результатами. Правила новой мировой игры именно сейчас вырабатываются и учреждаются.

Современную ситуацию остроумно описывает советник президента Франции по международным делам, профессор Института политических исследований в Париже, заместитель директора Французского института международных отношений Ф.М.Дефарж: «Необходимость согласования (скоординированности) действий приводит к появлению на свет множества протоколов, резолюций, деклараций. Речь идет о политических демаршах с весьма неопределенной политической результативностью. Главная задача таких текстов состоит не столько в препятствовании принятию недолжных решений, сколько в артикулировании универалистской риторики. Выразить смысл бесчисленных современных саммитов можно было бы следующей формулой: «Поскольку тайны экономики и мировой политики превосходят нашу возможность их постижения и, тем паче, воздействия на них, то следует делать вид, что мы являемся их творцами и организаторами»⁴⁵.

Таким образом, для России проблема состоит в выработке политически твердой и уверенной, хотя пока еще экономически скромной стратегии поведения на международной арене.

* * *

Независимо от того, что все-таки такое есть глобализация — добро или зло — очевидно одно, а именно то, что это слишком большая, многоликая и пока еще трудно определяемая реальность.

Базой превращения глобализации в мировое зло является все не сама идея компьютера, а условия полной свободы действий и дерегламентации, в которых информационное общество распространяется по планете. Первые признаки негативных трансформаций уже налично.

Прежде всего, это то, что перспектива сближения людей, которую обещала новая технологическая революция, оборачивается разделением мира на антагонистические части. Растет пропасть между доходами самых богатых и самых бедных. Если в 1960 году эта разли-

ца составляла 30:1, в 1990 году она выразилась пропорцией 60:1, а в 1997 году достигла соотношения: 74:1. Таким образом, пропасть расширилась в 2,5 раза за 40 лет. Соотношение средних доходов на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными странами выразилось следующим образом: в 1950 году оно было 26:1, в 1979 году — 39:1, а в 1995 году — 56:1⁴⁶.

Антигуманные последствия монетаристской глобализации выражаются в росте безработицы и маргинализации населения. Растет обнищание населения. За последние годы в западных странах даже появилась новая экономическая категория — «работающий бедняк» (working poor), которая свидетельствует о том, что ныне существуют две дороги к бедности — одна через потерю работы, вторая — через саму работу. По этому поводу некоторые ученые шутят: «прогресс не остановишь»...

Современная глобализация нередко представляется как новый проект с универсалистским призывом. Как следствие, она имплицитно имеет в качестве конечной цели объединение мира. Однако такая перспектива является одновременно настолько же привлекательной, насколько она выглядит отталкивающей. И главная проблема здесь состоит в том, к чему приведет такое объединение — к мировой солидарности или к империализму?

Быть универсальным означает быть общим для всех человеческих существ. Но это означает в то же время уничтожение Другого, т.е. грозит переродиться в уничтожение всякой оппозиции новому всемирному идеалу.

Страх быть поглощенным «этим Нечто, которое обозначается как Великое Все» (le Grand Tout), должен неизбежно взорвать мир идеологически и привести его к новому разделению человечества на крестоносцев универсальности и реакционеров идентичности. Именно это разделение реально, несмотря на то, что оно нелогично и парадоксально: разделять от имени объединения и стигматизировать меньшинство от имени Всего, которое его исключает из себя. Более того, трансформация сегодняшнего внешнего врага в будущего внутреннего преступника содержит в себе потенциальную угрозу рассматривать в качестве девиации любую оппозицию общему идеалу, рассматривать всякое противодействие единому порядку в качестве нарушения общего права, — пишет руководитель Французского национального центра научных исследований, автор многочисленных работ по глобализации Дени Дюкло⁴⁷.

Как результат вырисовывается грядущая «картография разделения человечества» по аналогии с мировым потопом, некогда поглотившим густонаселенные регионы земной поверхности. Изображается карти-

на «возвышающихся» земель и стран (способных технологически приспособиться к новым требованиям эпохи и экологическим потрясениям) и остального человечества, которое обречено быть унесенным волнами нового цивилизационного потопа.

Если первая картина навеяна экологическими катастрофами, о которых беспрерывно говорят в течение последних десятилетий, то представление о будущем разбиении человечества на «чистых» и «нечистых» рождено недавними фобиями перед генетически измененными продуктами питания. «Коровье бешенство», «ящур» привели к массовым уничтожениям животных, что ассоциативно способствует росту социальных страхов в отношении грядущих методов «карантина» нецивилизованных народов с позиций сильных мира сего. В мире, в результате, распространяется новая фобия — фобия Всемирности, Универсализма, Глобализации.

Сегодня нередко картина новой универсальности (всемирности) рисуется как «интернетизированный» мир, контролируемый одной мировой державой и образующей в конечном счете «общество-мир» (*societe-monde*), мировое государство (*etat mondial*) или глобальный Полис (*Polis global*)⁴⁸. Только так считается возможным урегулирование планетарных кризисов, бурь и соперничеств, порожденных промышленной и финансовой анархией. Глобализация нередко отождествляется с американской мировой политикой. К сожалению, реорганизация «планетарной деревни» (*village planetaire*) началась, как отмечает бывший генеральный директор крупного политического издания «Монд дипломатик», а ныне президент французской Лиги образования К.Жюльен, под сомнительной эгидой «мирового жандарма с недвусмысленным поведением»⁴⁹. Однако вовсе не ясно, будут ли американские победы в Афганистане и Ираке означать конец войны с фундаментализмом или ее начало. И потому пока еще рано приравнивать смысл глобализации к американской политике и к «американизации». Несмотря на силовую политику США, идеологический прообраз будущего глобального мира, который родится из «мировой деревни», пока вообще неясен.

Важно тщательно анализировать стратегию воплощения глобализаторских идеалов. Сам по себе универсализм не плох и не хорош, как и всякий идеал. Дурны или плодотворны средства его достижения. И именно они нуждаются в критическом осмыслении, контроле и корректировке со стороны мирового сообщества. «Всемирность еще долго будет оставаться объектом очарования и отторжения», — пишет Д.Дюкло⁵⁰, и с этой его оценкой современной ситуации нельзя не согласиться.

Эти страхи могут быть преодолены только на пути снятия дуализма: реальная многополярность и культурное многообразие versus имперский идеал под эгидой самого цивилизованного государства мира.

Примечания

- ¹ См.: *Brecher J., Brown Ch., Cutler J.* Global Visions. Beyond the New World Order. Boston, 1993; Boaventura De Sousa Santos. Towards a New Common Sense. Law, Science and Politics in the Paradigmatic Transition. N.Y.; L. 1995.
- ² *Arnaud A.-J.* Entre Modernite et Mondialisation. P., 1998. P. 25.
- ³ Ibid. P. 28.
- ⁴ *Kechad R.* La sociologie a l'epreuve de la mondialisation: Quel avenir pour la sociologie? // Esprit critique. P., 2002. Vol. 4, № 10.
- ⁵ *Muller P.* L'analyse cognitive des politiques publiques: vers une sociologie politique de l'action publique // Revue française de science politique. P., 2000. Vol. 50, № 2. P. 189–207.
- ⁶ *Иноземцев В.Л.* О призраках и реальности // Свободная мысль-XXI. М., 2003. С 41.
- ⁷ Vaillancourt R. Le cote noir de la mondialisation // Le Monde Diplomatique. P., 1988. Janvier.
- ⁸ *Giddens A.* Defining Globalism // Интернет-версия. 2003.
- ⁹ *Bourdieu P.* Pour un savoir engage // Le Monde diplomatique. P., 2002, fevrier.
- ¹⁰ *Dumont G.-F.* Globalisation, Internalisation, Mondialisation: des Concepts a Clarifier // Интернет-версия. 2003.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Defarges Ph. M.* La Mondialisation. Vers la fin des frontieres? P., 1993. P. 78.
- ¹³ См., напр., *Zacharie A., Toussaint E.* Le bateau ivre de la mondialisation. Escales au sein du village planetaire. P., 2000; *Kechad R.* La sociologie a l'epreuve de la mondialisation: Quel avenir pour la sociologie? // Esprit critique. P., 2002. Vol. 4., № 10; *Queau Ph.* (UNESCO) La planete des esprits. Pour une politique du cyberspace. P., 2000; *Passe P.* Nous sommes tous «mondialises». Colloque de Morsang sur Orge // Интернет-версия. 2003; *Queau Ph.* La regulation de la societe de l'information // Intervir. Интернет-версия. 2001; *Cohen P.* The symbolic construction of community. L., 1985.
- ¹⁴ *Julien Cl.* Un gendarme ambigu // Le Monde Diplomatique. P., 1990. Octobre. P. 17.
- ¹⁵ *Franceschetti L.* Mondialisation? Etat-providence et tofou transgenetique // Интернет-версия. 2000. 10 июля.
- ¹⁶ *Eisenstadt S.N.* Tradition change and Modernity. N.Y., 1973. P. 29, 262 ff.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Touraine A.* Modernity and Identity // International Journal of Social Science. P., 1988. Nov. № 118. P. 451.
- ¹⁹ *Defarges Ph. M.* La Mondialisation. Vers la fin des frontieres? P., 1993. P. 78.
- ²⁰ Le besoin d'Etat est de retour // L'Expansion. P., 2001. 26 fev. P. 16.
- ²¹ Ibid.
- ²² *Martin H.P., Schumann H.* Le Piege de la Mondialisation. P., 1997; *Piccardo P.* Ecueils de la Mondialisation. Urgence d' un nouveau contrat social. P., 1997; *Vaillancourt P.* Le cote noir de la Mondialisation. // Le Monde Diplomatique. P., 1997. Janvier.

- 23 **Saramago J.** De la justice a la democratie, en passant par les cloches // Le Monde Diplomatique. P., 2002. Mars. P. 3.
- 24 Ibid.
- 25 **Naves V.-C., Patou Ch.** La Mondialisation comme concept operatoire // Economie et Gestion actuelle., P. 2002. Juin. № 12.
- 26 **Galtung J.** On the Social Costs of Modernization. Social Disintegration, Atomic // Anomie and Social Development. Geneva, 1995; **Спирidonova B.И.** Эволюция концепции общего блага в западной политической мысли // Полигнозис. М., 2001. С 54–56.
- 27 **Ramonet I.** Le cinquieme pouvoir // Le Monde Diplomatique. P., 2003. Octobre. P. 1.
- 28 Ibid. P. 26.
- 29 **Arnaud A.-J.** Entre Modernite et Modernisation. P., 1998. P. 36.
- 30 **Dumont G.-F.** Globalisation, Internalisation, Mondialisation: des Concepts a Clarifier // Интернет-версия. 2003.
- 31 **Arnaud A.-J.** Entre Modernite et Modernisation. P., 1998. P. 38.
- 32 Ibid. P. 38–39.
- 33 Ibid. P. 39.
- 34 См., напр.: Towards a new Universitas Mercatorum: the Political Economy of the Chamber of Commerce of Milan. Milano, 1997. P. 16.
- 35 **Arnaud A.-J.** Entre Modernite et Modernisation. P., 1998. P. 36.
- 36 Ibid.
- 37 **Popper K.R.** Conjectures et Refutations. La Croissance du Savoir Scientifique. P., 1985. P. 510–513.
- 38 Ibid. P. 26.
- 39 Ibid.
- 40 **Zanfarino A.** Mondialisation et culture historique europeene // Commentaire. P., 1998. Vol. 21, № 82. P. 390.
- 41 **Тыпен А.** Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 19.
- 42 Там же. С. 137.
- 43 International Herald Tribune. 24 September. 1993.
- 44 **Joxe A.** Representation des Alliances dans la Nouvelle Strategie Americaine // Politique Etrangere. P., 1997. № 2. P. 329.
- 45 **Defarges Ph. M.** La Mondialisation. Vers la fin des frontieres? P., 1993. P. 118.
- 46 **Arnaud A.-J.** Entre Modernite et Modernisation. P., 1998. P. 36.
- 47 **Duclos D.** La Globalisation va-t-elle unifier le monde? // Le Monde Diplomatique. P., 2001. Aout. P. 14.
- 48 Ibid. P. 14, 15.
- 49 **Julien Cl.** Un gendarme ambigu // Le Monde Diplomatique. P., 1990, octobre. P. 2, 16, 17.
- 50 **Duclos D.** La Globalisation va-t-elle unifier le monde? // Le Monde Diplomatique. P., 2001. Aout. P. 15.

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Китайское политическое руководство в полной мере осознает, что глобализация является объективной тенденцией современного мира, в связи с чем оно считает необходимым извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. На первый план выдвигается экономический аспект глобализации. Благодаря исключительной дешевизне китайские изделия легкой промышленности постепенно завоевали рынок США, стран Западной Европы и других регионов мира. В результате длительных и упорных переговоров КНР добилась выгодных для себя условий вступления в ВТО, громадный приток иностранных инвестиций и создание большого количества совместных предприятий позволило привлечь в страну передовые технологии и наладить производство ранее не производившейся продукции, в том числе автомобилей, электроаппаратуры, бытовой техники и т.д.

В Китае понимают, что в политическом плане глобализация означает стремление США утвердить свою гегемонию в современном мире, сделав его однополярным. Данное обстоятельство угрожает национальным интересам страны, поскольку США пытаются доминировать не только в Европе, Латинской Америке, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в Китае «считают как бы своей вотчиной». Нельзя забывать и о том, что контроль США над ближневосточной нефтью ослабляет экономические позиции Китая, потребности которого в источниках энергии в последние годы значительно возросли и еще более возрастут в течение последующих двадцати лет. Поэтому Китай, стремится диверсифицировать свои меж-

дународные связи. Он установил долговременные партнерские отношения с Россией, играет все более активную роль в азиатско-тихоокеанском регионе, нормализует отношения с Индией, наладил тесное сотрудничество не только в экономической, но и в политической и культурной областях со странами Европы, а в последние годы проявляет большой интерес к латиноамериканскому континенту.

Естественно, что и культурно-идеологический аспект глобализации не может не оказывать влияние на Китай. Распространение в стране современных средств связи, в том числе Интернета, идет семимильными шагами, китайское общество, особенно его молодая часть, все больше втягивается в мировое культурное пространство, становится все более восприимчивым к культурным стандартам и нравственным ценностям западного общества, многие термины из английского языка постепенно становятся общеупотребительными, не нуждающимися в переводе. Это не может не создавать опасность для господствующих политико-идеологических установок и в конечном счете для существующего общественно-политического строя. В связи с этим происходит определенная переориентация китайской пропаганды: наряду с продолжающимся подчеркиванием социалистических идеалов все более явной становится тенденция обращения к традиционным китайским ценностям, в частности конфуцианству. Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни. Одновременно в последние годы проводятся контрпропагандистские акции на политико-правовом поле, в частности на спекулятивно используемой правящими кругами США проблеме прав человека. В китайской печати регулярно публикуются доклады о положении с правами человека в самих Соединенных Штатах, где приводятся многочисленные факты их нарушения. Вот уже несколько лет Китаю удается успешно (в отличие от России) противостоять обвинениям в свой адрес со стороны США в Комиссии ООН по правам человека, заседающей ежегодно в Женеве. Американский проект резолюции с осуждением Китая в нарушении прав человека, как правило, не получает поддержки со стороны большинства членов Комиссии, в том числе представляющих страны Европы¹.

В китайской политико-философской науке тема глобализации в последние годы становится одной из центральных. Раньше на эту тему публиковались лишь отдельные статьи. В настоящее время различные аспекты проблемы глобализации обсуждаются очень широко,

проводятся специальные обсуждения, высказываются различные, зачастую взаимоисключающие точки зрения. В июне 2004 г. в Пекине, в престижном Китайском народном университете состоялся научный симпозиум по философским аспектам глобализации, который подвел некоторые итоги дискуссий по данной теме.

Участники симпозиума прежде всего сосредоточили свое внимание на определении самого понятия «глобализация», ее содержательного смысла, критериев, временных рамок, истоков и последствий. Китайских ученых интересуют такие вопросы: является ли глобализация чисто экономическим явлением, направленным на создание единого мирохозяйственного комплекса, или она существенным образом воздействует также на политическое, культурное и национальное развитие различных стран? Что это — объективная тенденция или стратегия, осуществляемая отдельными странами в своих собственных интересах? Является ли ее содержанием вестернизация или американизация всего мира или мы имеем дело со стремлением различных национальных государств на основе экономических взаимосвязей добиться справедливого распределения ресурсов, обмена культурными ценностями и информацией в мировом масштабе, попыткой разрешения возникших в последнее время мировых проблем.

Участники симпозиума подчеркивали, что необходим объективный подлинно научный анализ «глобализации». Поэтому не следует смешивать исследование фактов с ценностным подходом, а также прибегать к идеологическим формулам времен «холодной войны».

По мнению китайских ученых, в настоящее время существует, по крайней мере, два понимания глобализации — одно «узкое», другое «широкое». «Узкое понимание» интерпретируется как процесс, начавшийся во второй половине двадцатого столетия и связанный с появлением современных средств транспорта и информации, когда мир превратился в так называемую «глобальную деревню». Для этого периода характерно стремление различных национальных государств сообща решать возникшие перед человечеством проблемы.

Что касается «широкого понимания» глобализации, то речь идет об эпохе, когда заканчивается относительно изолированное развитие государств на своих территориях, создается мировой рынок и налаживаются широкие связи между различными нациями. Эта эпоха датируется, самое раннее, четырнадцатым-пятнадцатым веками, временем открытия Америки и морского пути в Индию. В этой связи китайские ученые ссылаются на высказывание К.Маркса, который говорил, что в результате создания мирового рынка производство и

потребление во всех государствах приобретает всемирный характер. В результате натуральное и замкнутое хозяйство в различных регионах заменяется взаимозависимостью наций.

Этот процесс приобретает всеобъемлющий характер, он является не только экономическим, но и политическим, и культурным. Маркс дает ему определение «эпоха всемирной истории». По словам Ма Цзюньфэна, под это определение подходит «широкое понимание глобализации», а «узкое понимание глобализации» следует трактовать как новый этап «эпохи всемирной истории»². Китайский ученый считает, что отказ Советского Союза от рыночных отношений в экономике был ошибочным, поскольку он вел к замкнутости. Китай в последние годы избрал путь «социалистической рыночной экономики», что позволило ему вступить в единый мировой рынок. Конечно, рыночной экономике присущи трудноразрешимые внутренние противоречия, однако она обладает огромной жизненной силой, и для отсталых наций использование ее методов является исторически неизбежным.

Рыночная экономика способствует экономическому сотрудничеству между различными национальными государствами, а также успешному разрешению таких глобальных проблем, как загрязнение окружающей среды, демографический кризис, борьба с международной преступностью, финансовые риски и т.п. Превращение современного мира в «глобальную деревню», вызванное появлением космических спутников связи и Интернета, изменило методы общения между людьми, способ их жизни. Создалась реальная возможность появления «граждан мира», усилилась взаимозависимость различных национальных государств, взаимосвязь отдельных индивидов со всем человечеством. «Под этим углом зрения глобализация уже стала базовой практической реальностью, тенденцией, которую нельзя отрицать, нельзя отбрасывать и, более того, нельзя избегать», — пишет Ма Цзюньфэн³.

Нельзя не согласиться с точкой зрения китайских ученых в том, что именно фактический отказ Советского Союза от участия в международном разделении труда, связанный с непризнанием «законности» рыночных отношений, явился одной из главных причин отставания советской экономики. С переходом Китая к политике реформ и открытости в стране происходит решительный отказ от устаревших марксистских догм. Китайские общественеды совершенно справедливо пишут о том, что рынок и связанные с ним механизмы, методы и операции — акции, биржи, риэлтерские и брокерские компании и т.д., являются чисто техническими средствами и никак не связаны с характером общественного строя.

Объективный характер глобализации в настоящее время не ставится под сомнение ни одним из китайских ученых. По мнению видного китайского ученого, автора многих исследований по советской и русской философии проф. Ань Цинняня, непосредственной причиной глобализации явилась научно-техническая революция, произошедшая после второй мировой войны и оказавшая огромное влияние на все развитые страны. Он ссылается в этой связи на историю современной науки и техники. Как известно, XX век был веком физики, что было связано с открытием теории относительности и квантовой механики. Эти открытия, в свою очередь, привели к революционным изменениям в области техники: вначале появляются атомная бомба, электронно-вычислительные машины и ракеты, а затем мирное использование атомной энергии, информационных технологий, новых материалов, космической техники, биотехнологии. Новая техника в огромной степени повысила способности человечества по преобразованию природы. С одной стороны, впервые в истории у людей появились силы, способные уничтожить среду его обитания — земной шар, но, с другой стороны, информация и транспортные средства намного сблизили людей, появилось понятие «глобальная деревня».

Подробно анализируя социально-экономические процессы, вытекающие из глобализации, Ань Циннянь подчеркивает, что они оказали глубокое влияние на жизнь общества и государственные структуры в различных странах. Прежде всего, научно-техническая революция привела к тому, что наука и техника стали первой производительной силой, информация и знания приобрели невиданное до сих пор значение, инновационное знание стало коренным фактором, стимулирующим общественное развитие. Поэтому прогрессивное развитие производственных отношений начинает ставиться в зависимость от возможности их влияния на инновации в области науки и техники, а не на активность рабочих и крестьян. Такого рода изменения принципиальным образом преобразовали весь ход истории человечества. Однако мы до сих пор не осознали их глубину, замечает китайский ученый. Дело в том, что произошло кардинальное изменение судеб капиталистических и социалистических государств, началась сама глобализация⁴.

В этой связи Ань Циннянь делает весьма примечательные выводы относительно причин отставания мира социализма от мира капитализма, которые заслуживают того, чтобы их привести полностью: «В 60–70 гг. XX в. в капиталистических государствах по причине существования рыночной экономики и конкуренции, полной свободы в исследованиях для научно-технических работников, научно-техни-

ческий прогресс получил сильные стимулирующие силы. Благодаря опоре на частнособственническую живую структуру управления средствами производства, результаты этого прогресса могли немедленно превращаться в непосредственную производительную силу. Поэтому капиталистический строй, находившийся в период тридцатых годов в трудном положении, вновь обрел молодой облик, его материальные производительные силы получили быстрое развитие, и он вступил в постиндустриальное (информационное) общество. На этой основе возник новый либерализм, появились возможности для большого количества товаров и капиталов, в 70-х гг. произошел стремительный рост транснациональных компаний, что сильно стимулировало экономическую глобализацию.

В то же время в социалистических государствах ситуация была как раз противоположной. Высокоцентрализованная политическая система, плановая экономика, предпочтительная роль сферы общественного сознания плюс существующий повсюду бюрократизм привели к тому, что сложились неблагоприятные условия для превращения инновационных знаний и научных достижений в непосредственную производительную силу. Постепенно сокращавшееся различие между ними и капиталистическими государствами, начиная с 70-х гг., стало вновь быстро расти»⁵.

Экономические и социальные обстоятельства вынудили социалистические государства провести реформы, смысл которых состоял в переходе от плановой к рыночной экономике. Осуществленный экономический поворот в социалистических государствах явился неизбежным проявлением того, что они следуют потребностям глобализации. В результате чего она охватила весь мир: «Глобализация есть неизбежная тенденция истории человечества, она принесла быстрое развитие глобальной экономики, привела к исчезновению двух больших, противоположных по идеологии лагерей, угрожавших самому существованию человечества» (подч. нами — В.Б.)⁶.

Мы делаем акцент на данном утверждении потому, что в нем имплицитно содержится вывод о поражении мира социализма в конкуренции с миром капитализма по причинам, указанным выше.

Однако Ань Циннянь отнюдь не рисует процесс глобализации только радужными красками. Он подчеркивает, что глобализация принесла с собой две весьма серьезные проблемы, которых раньше не существовало. Первая из них — это проблема конфликта между людьми, приобретающая в условиях глобализации всеобщий характер. Неравномерность экономического развития различных государств приводит в конечном счете к конфликту цивилизаций, кото-

рый «является всего лишь внешней формой экономического конфликта, имеющего классовый оттенок»⁷. Опасность конфликта цивилизаций, по мнению автора, состоит в том, что в настоящее время человек создал различные виды оружия массового уничтожения, которые непрерывно совершенствуются. Ань Циннянь настроен пессимистично относительно усилий, направленных на нераспространение этого оружия.

Вторая проблема связана с конфликтом между человеком и природой, возникающим в связи с бездумным использованием природных ресурсов, что чревато техногенными катастрофами. Оба упомянутых конфликта, заключает в этой связи автор, несут с собой страдания всей человеческой цивилизации. Пока она еще не находится в кризисе, но его возможность уже «висит в воздухе».

Подобную опасность Ань Циннянь связывает с пороками «капиталистической промышленной цивилизации», когда в условиях глобализации идет неограниченная борьба за материальные богатства. Как и другие китайские ученые он считает, что в рамках этой цивилизации невозможно решение существующих конфликтов. Их преодоление возможно лишь путем коренных преобразований в политике и экономике. По мнению автора, необходимо, во-первых, научить людей жить в дружбе и, во-вторых, научить людей жить в согласии с природой, относиться к ней не как к объекту, а как к субъекту. Подобные предложения автора кажутся трудно осуществимыми, утопическими, учитывая весь ход мировой истории в течение последних десятилетий, с чем в какой-то мере согласен и сам он, если следовать дальнейшему ходу его рассуждений.

Ань Циннянь справедливо полагает, что для того, чтобы изменить отношения между людьми, между людьми и природой, необходимо изменить ценностные ориентации человеческой жизни. Для людей, живущих в капиталистической промышленной цивилизации, главным является материальный интерес. Подобная жизненная установка возникла в эпоху Ренессанса, когда стремление к материальному богатству стало наиважнейшим жизненным ориентиром, когда главной ценностью стали деньги, посредством которых стали оценивать счастье, славу, чувства и т.д. По его мнению, глубинной причиной страданий, сопровождающих современную человеческую цивилизацию, являются ценностные ориентации людей, созданные «промышленной цивилизацией» в эпоху Ренессанса.

Он оставляет за скобками культуру эпохи Ренессанса, для него главное состоит в том, что она принесла с собой в области морали. Дело в том, что на появившихся в эту эпоху жизненных принципах

строится нынешняя глобализация, другими словами — именно возникший тогда общественный строй, т.е. капитализм, является первопричиной всех бед современного общества.

Ань Циннянь выступает против одностороннего выпячивания материальных интересов людей. Признавая их, пишет он, необходимо одновременно учитывать и духовные потребности человека. Возникла необходимость создания новой культуры и новой цивилизации, поскольку «капиталистическая промышленная цивилизация» уже подошла к своему историческому завершению, что со всей очевидностью подтвердила глобализация.

По мнению Ань Цинняня, смена ценностных ориентаций неизбежно носит революционный характер, она требует нового мышления. Старое мышление было формой мышления, соответствовавшей «промышленной цивилизации»: человек выступал лишь в роли преобразователя природы, а отношения между людьми были отношениями конкуренции, соперничества. В области философии это нашло свое выражение в появлении теории субъектно-объектных отношений. Яркое свидетельство тому — учения Бэкона и Гоббса. На этом основании китайский профессор делает вывод о том, что «промышленная цивилизация есть цивилизация борьбы»⁸.

На смену «промышленной цивилизации» должна прийти новая цивилизация, которую Ань Циннянь называет «цивилизацией согласия». Идеологией этой цивилизации должно быть «мышление согласия», суть которого состоит не в борьбе и подчинении, а в поисках согласия между людьми, между человеком и природой, не в революции, а в реформах. В области философской рефлексии новое мышление должно выражаться не в оппозиции субъект-объект, а в их взаимопереходе, взаимообусловленности.

Китайский ученый четко обозначает свою мировоззренческую позицию. Он не приемлет существующего ныне в условиях глобализации мирового порядка, при котором отдельные государства, а именно развитые капиталистические государства, стали обладателями мировых богатств, главными игроками на мировом рынке, в то время как другие государства стали фактически «международными пролетариями». Он пишет: «Нынешние международные отношения — это отношения неравноправия, ибо существует эксплуатация одних государств другими, с определенной точки зрения можно сказать, что современный мир находится на раннем этапе глобальной капиталистической промышленной цивилизации, а международные отношения носят классовый характер или имеют классовый характер... История подтверждает, что единственный разумный путь разрешения

классовых конфликтов в западных капиталистических государствах — это обеспечение стабильности и процветания в них, согласие и социальные реформы. Надежды современной цивилизации лежат во взаимном согласии между государствами — богатыми и бедными, сильными и слабыми»⁹. Свои рассуждения он заканчивает весьма примечательным выводом — если допустить свободное развитие классовой борьбы в международном масштабе, это может в конечном счете привести к гибели всего человечества. Нельзя в этой связи не вспомнить классика современной китайской философии проф. Фэн Юляня — «вражду нельзя доводить до предела, ее необходимо прекращать».

В процессе глобализации неизбежно возникает вопрос о роли национальных государств, их суверенитете, взаимодействии с международными организациями и транснациональными корпорациями. Целый ряд зарубежных политиков и ученых настаивает на том, что в современных условиях «время национальных государств» якобы ушло в прошлое, что часть их функций, в том числе экономического контроля, должна быть передана международным финансовым организациям и транснациональным корпорациям. Действительно, они зачастую выступают в качестве главных игроков на мировом экономическом пространстве. Монополизируя природные ресурсы, подчиняя себе средства массовой информации, руководя органами культуры, им удается подчинить себе определенные сферы деятельности суверенных государств, ослабить их авторитет среди собственных граждан и, более того, оказывать влияние на политику правительства этих государств.

Анализируя подобные процессы, китайские ученые приходят к выводу, что теория «отмирания суверенитета» национальных государств используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики. По словам Чжоу Ичжи, в настоящее время сложилась очень опасная ситуация, когда «некоторые могущественные государства и компании под флагом глобализации изо всех сил пропагандируют идеи «исчезновения государственных границ», «ликвидации суверенитета государств», пытаются ослабить позиции суверенных государств и правительств в решении внутренних и международных проблем, проводят гегемонистскую политику с тем, чтобы под прикрытием формального принципа равенства добиться громадных выгод, пользуясь своим могуществом»¹⁰. Для китайских ученых не секрет, что за всеми этими рассуждениями скрываются интересы Соединенных Штатов Америки, которые хотят расширить свой суверенитет за счет суверенитета развивающихся государств¹¹. По мнению китайских ученых, экономическая глоба-

лизация не может вести к ликвидации и даже к уменьшению суверенитета национальных государств, ибо именно они осуществляют сам этот процесс. В целях эффективного участия в нем требуется повышать качественный уровень работы правительств и всех органов управления национальных государств.

В процессе обсуждения влияния глобализации на китайское общество неизменно возникают вопросы, связанные с ее воздействием на национальные культурные стандарты и нормы морали. Признавая объективный характер глобализации, китайские политики и ученые в то же время понимают, что она не может не означать вызов традиционным нравственным ценностям, жизненным обычаям и привычкам. Фактически в конце двадцатого века в Китае появилось нечто аналогичное тому, что имело место в начале века. В 1919 г. в стране возникло движение 4-го мая, сопровождавшееся борьбой за «новую культуру», его идейными источниками были западная культура и марксизм. В тот период объектом критики была традиционная культура, а сама критика основывалась на ценностных представлениях о науке, демократии, свободе, правах человека. Среди интеллигенции были популярны идеи об отсталости китайской культуры, китайских традиций вообще. Утверждалось — и не без оснований, — что традиционная семья отрицает основные права индивида, лишает молодежь творческого духа. Многие видные деятели культуры, такие как Тань Сытун, Кан Ювэй, Лу Синь, Сюнь Шили, выступали с требованиями отказаться от идей «преданности вышестоящим» и «сыновней почтительности». Они называли конфуцианские этические принципы «устарелыми», более того — объявляли их «пожирателями людей».

По мнению Ли Маосеня, во время «движения за новую культуру» далеко не все его участники адекватно представляли истинный смысл пришедших с Запада ценностных идей. Они, например, представляли «свободу» как абсолютную, не ограниченную никакими рамками, а понятие «права человека» использовалось ими для своих личных целей, для ущемления прав других людей. В этой связи он замечает, что перенос каких-либо западных ценностей на китайскую почву не может осуществляться буквально, без учета местных условий. Конечно, пишет Ли Маосень, существуют некоторые этические нормы, которые совпадают или очень близки в различных государствах. «Однако не существует так называемых всеобщих этических норм, выходящих за рамки государственных границ, культурных традиций, религиозных верований, общественного строя, форм идеологии. Экономическая глобализация в определенной степени наносит удар по традиционным ценностным представлениям национальных госу-

дарств, рождает новые международные критерии и нормы, однако различные государства, воспринимая и реализуя эти всеобщие международные ценности, должны соединять их с собственными традициями и практической обстановкой, ибо только в этом случае их можно будет воплотить на практике. Другими словами, всеобщие ценности, которым должны следовать все государства и люди, в конкретной обстановке могут принимать всевозможные специфические особенности. Если не учитывать практическую обстановку, существующую в данном конкретном обществе и безрассудно пропагандировать некие идеальные ценностные представления, то, в конце концов, общественный результат будет прямо противоположен ожидаемому»¹².

С данным соображением нельзя не согласиться: не существует абстрактных обществ вне времени и пространства, каждая конкретная общественная структура, образно говоря, «отягощена» своими временными, историческими, социокультурными, психологическими и другими факторами, которые часто оказываются несовместимыми с универсальными социально-этическими принципами. Попытка навязать их силой заведомо обречена на провал, о чем убедительно свидетельствуют действия США и их союзников в Ираке. Вместе с тем необходимо сделать одно уточнение — наднациональные этические нормы все-таки существуют, достаточно назвать христианские, исламские или буддийские, поэтому автор не совсем корректен в своем высказывании.

Что же касается национальных особенностей нравственных принципов в различных человеческих сообществах, то нельзя не привести мудрое замечание весьма популярного в Китае видного американского ученого китайского происхождения Ду Вэймина: «Очевидно, что для конфуцианской традиции характерно отсутствие в ее политической философии представлений о свободе, правах личности, справедливом правовом порядке. Пристрастия конфуцианцев к справедливости, ответственности, общественному благу и правилам ритуала вполне вероятно уже нанесли в восточно-азиатских государствах ущерб свободе высказываний для отдельного человека, они осуществили своеобразное упорядочение тех свобод, которые невозможно узурпировать, — политические права и гражданские свободы, уважение свободы личной сферы человека и свобода независимой судебной системы. Однако в сложном современном обществе мы не можем ради подчеркивания ценностей свободы забывать об обеспечении мерами политического характера районов и народов, оказавшихся в неблагоприятном экономическом положении» (подчеркнуто нами. — **В.Б.**)¹³.

Суждение Ду Вэймина вполне укладывается в традиционную китайскую этическую формулу «золотой середины». Для китайских ученых экономическая глобализация означает социальную данность, от которой никуда не уйти, однако связанные с ней социальные явления отнюдь не заслуживают однозначной оценки. Это касается, в частности, проблемы прав человека. Как пишет Ли Маосэнь, «глобализация прав человека» придает этой проблеме международный характер. Она становится политической, экономической и социальной; другими словами, вопросы этики не только становятся требованием общества по отношению к своим членам, но, в свою очередь, это и требование самих членов общества к нему для защиты своего достоинства, ценностей и благосостояния. Однако Ли Маосэнь замечает: для осуществления всех этих свобод необходимо «здоровое и развитое общество». Кроме того, поскольку в современном буржуазном обществе основой ценностных представлений является индивидуализм, требование неограниченной личной свободы зачастую приводит к действиям, направленным против культуры, традиций и общества¹⁴.

Многие китайские исследователи обращают внимание на то, что переход плановой китайской экономики к рыночным отношениям породил немало проблем в области морали. Рынок развивает у людей материальные стимулы, стремление к личному обогащению, поэтому легко может возникнуть моральный релятивизм, забвение принципов социалистической морали, поскольку деньги и экономические интересы становятся критерием поступков и действий людей. Поэтому руководство Китая выдвинуло лозунг строительства «духовной цивилизации», одним из коренных принципов которой является сочетание личных интересов с общественными, соединение развития личности, отдельного человека с развитием всего общества¹⁵.

Китайские ученые Ма Чжунлян и Юй Сяоцинзнь полемизируют с теми западными учеными, которые считают, что экономическая глобализация неизбежно ведет к культурной глобализации, к появлению всеобщей, универсальной культуры или даже сверхкультуры. По их мнению, экономическую глобализацию нельзя упрощенно понимать как интеграцию экономических моделей и целей. Она представляет всего лишь «внутренние связи и ценностное взаимодействие глобальной современной экономики; глобализация отнюдь не простой процесс унификации, напротив, это процесс, полный противоречий, он включает в себя тенденции и к интеграции и к разделению, и к единству и к многообразию, к интернационализации и к почвенничеству». Ссылаясь на Леви-Стросса, они подчеркивают, что хотя экономическая глобализация и содержит тенденцию к интеграции, она не

может уничтожить многообразие культур. Нельзя не согласиться с их тезисом о том, что в условиях экономической глобализации объективно требуется создание новой культуры, соединяющей в себе лучшие черты восточных и западных культурных традиций¹⁶; они обосновывают свою точку зрения тем, что обе культуры «взаимодополняют друг друга, взаимопроникают друг в друга, взаимно учатся друг у друга»¹⁷.

Лучшие традиции западной культуры, по их мнению, состоят в том, что она делает упор на правах и интересах личности, высоко ценит науку, демократию, свободу, равенство, конкуренцию, эффективность. В европейской культуре человек выступает как разумный, чувствующий, сознательный и независимый индивид, ответственный за свою собственную судьбу; достоинство западного мышления состоит в том, что оно линейно, дуалистично по своей природе. Именно под влиянием такой культуры и такого мышления возникла и получила развитие капиталистическая рыночная экономика.

Вместе с тем китайские ученые обращают внимание на то, что чрезмерное подчеркивание прав личности и игнорирование ее ответственности перед обществом легко может привести к крайнему эгоизму; чрезмерный упор на покорение природы приводит к истощению ресурсов, серьезному разрушению природной среды, чрезмерное подчеркивание значения науки и техники, роли экономического фактора и конкурентной борьбы неизбежно приводит к техницизму, механистическому мировоззрению, увлечению материальными благами. Неудивительно поэтому, что в этих условиях, в Европе появляются ученые, которые пытаются отыскать на Востоке, в Китае «духовную цивилизацию», могущую спасти Запад от кризиса. В этой связи можно вспомнить слова Рассела о том, что в созданной конфуцианством духовной жизни сочетается тонкость искусства и рациональное устройство жизни.

Говоря об особенностях китайской национальной культуры, ее положительных и отрицательных сторонах, следует иметь в виду специфические условия существования китайского государства. Отсутствие тесных связей с окружающим миром привело к тому, что в Китае фактически не было рыночной экономики, господствующей формой жизнедеятельности населения было натуральное хозяйство. Потребности ирригационного строительства и обеспечения общественной стабильности требовали крепкой централизованной власти. В результате для китайской культуры были характерны апология автократии, подчинение личности коллективу, подчеркивание ее обязанностей перед ним. Естественно, что в такой культуре не было места свободе личности, конкуренции и ориентации на личные инте-

ресы. В центре китайской культуры были интересы семьи, рода и государства, индивид рассматривался как часть коллектива, с которым была неразрывно связана его судьба. Достоинства китайской цивилизации состояли в том, что в ней делался упор на самосовершенствование человека; добро, честность, долг рассматривались как наиболее важные ценности; многие китайские мыслители отстаивали идею, что каждый человек при определенных условиях может стать таким же мудрым как легендарные правители древности Яо и Шунь. Китайская мысль делала упор на межличностные отношения, связи человека с обществом, покорение природы не ставилось во главу угла, напротив, подчеркивалось единство неба (природы) и человека. Нельзя не согласиться с тем, что «в китайской традиционной культуре присутствовало уважение к другим нациям, другим религиям, другим культурам и существам природы, их признавали, имело место стремление через взаимопонимание и согласие добиваться гармоничного сосуществования, это был поистине духовный указатель, столь необходимый сегодня для глобализованного общества»¹⁸.

В то же время рамки феодального общества не могли не накладывать своих ограничений на китайскую традиционную культуру: существовало чрезмерное преклонение перед авторитетом, «управление с помощью людей», а не законов, отсутствовали правовая система и демократия, система политического участия. Чрезмерное подчеркивание роли межличностных отношений вело к тому, что не могла появиться автономная личность, обладающая самостоятельным сознанием, чрезмерное подчеркивание ответственности личности перед семьей, родом и государством вело к тому, что серьезно нарушались права человека. Наконец, чрезмерное подчеркивание необходимости постоянно искать «золотую середину», добиваться стабильности вело к общественной замкнутости, застою в развитии, отсутствовали стремление к конкуренции и научный дух. Как говорил Гельмут Шмидт, Аристотель и Конфуций определили рамки власти и этики, на Западе наибольшим уважением пользовалась власть и права гражданина, а конфуцианская традиция больше внимания обращала на этику и обязанности, долг граждан.

Китайские ученые подчеркивают, что хотя пути развития западной и восточной культур не были одинаковыми, между ними не было непреодолимых противоречий, они взаимно дополняли друг друга. По их мнению, в условиях экономической глобализации возникла необходимость создания новой культуры, соединяющей в себе достоинства обеих культур, в которой должно сочетаться уважение к личности и одновременно внимание к коллективу, подчеркивание ответ-

ственности и одновременно требование соблюдать долг, стремление к эффективности и одновременно борьба за справедливость. Известно, что надстройка в виде новой культуры может оказать, выражаясь словами Маркса, «решающую обратную роль» на экономический базис, т.е. на развитие экономики. Об этом убедительно свидетельствует пример трех стран Азии — Японии, Южной Кореи и Сингапура, а также Гонконга и Тайваня, где соединение конфуцианской культуры с лучшими культурными стандартами Запада явилось стимулом к экономическому развитию.

Китайские ученые отводят в процессе экономической глобализации важную, если не решающую роль рыночной экономике, ибо она является экономической основой глобального общества. Вместе с тем они подчеркивают, что рыночная экономика не только является результатом развития экономической деятельности людей, она имеет также определенную культурную основу. Рыночные отношения не могут не иметь культурную составляющую, ибо они так или иначе связаны с действиями людей, которые должны следовать определенным культурным принципам. Независимо от того, где рождаются те или иные рыночные принципы, если они способствуют обмену товарами и изделиями, они утрачивают свои региональные или национальные особенности и становятся некими глобальными культурными стандартами либо некими всеобщими принципами глобального рынка.

Нельзя не заметить, что китайские ученые в данном случае солидаризируются с точкой зрения Фрэнсиса Фукуямы. Он, как известно, считает, что в современной экономике культура, и особенно нравственная, моральная культура, уже стала общественным капиталом. В частности, так можно сказать о таком нравственном качестве, как «доверие» или «степень доверия». Оно приобрело важное значение в современной экономике, стало ее ценностным принципом. Ф.Фукуяма также не без оснований говорил о том, что неотъемлемой составной частью современной экономики стало использование неформальных принципов в качестве базы для согласования интересов, причем по мере усложнения экономической деятельности эти принципы становятся все более важными. Нельзя не заметить, что нравственный капитал, нравственные средства приобретают в настоящее время все большее значение потому, что в XXI веке ключ к успеху в экономике заключается не просто в использовании все уменьшающихся природных ресурсов, а в развитии творческого и культурного потенциала людей.

Китайские ученые обращают внимание на то, что экономическая глобализация не только способствует развитию экономики различных стран, она несет с собой и немалые отрицательные послед-

ствия, особенно для развивающихся стран. Внешне экономическая глобализация предоставляет всем странам равные возможности, однако нельзя не учитывать, что стартовый уровень их развития неодинаков; естественно, что большинство государств и большинство наций практически ничего не выигрывают от нее, многие из них оказываются на обочине мирового развития, разрыв между Севером и Югом все более увеличивается.

Причина подобного положения заключается в отсутствии экономической этики глобального развития. По мнению китайских ученых, для ее создания необходимо обратиться к конфуцианству, которое богато этическими идеями. Действительно, конфуцианская мысль обращала особое внимание на нравственное совершенствование личности, ибо оно лежит в основе урегулирования отношений в семье, управления государством и умиротворения Поднебесной. Конфуцианцы проповедовали идею, что только при наличии высоконравственных людей возможно гармоничное развитие общества. Они призывали следовать следующим принципам — «не поступай по отношению к другим так, как ты не хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе», «Каким ты хочешь видеть себя, таким ты должен видеть других; чего ты хочешь достигнуть, пусть достигают и другие». Если эти принципы, пишут китайские ученые, применить сегодня по отношению к развитию мировой экономики, это будет иметь поистине революционное значение, ибо в этом случае развитие государства не только будут развивать свою экономику, но и оказывать помощь развивающимся странам, развивать свои производительные силы и избавляться от бедности. Если этого не будет сделано, то в развивающихся странах будут постоянно возникать такие социальные явления, как болезни, голод, вооруженные конфликты, что окажет прямое или косвенное воздействие на интересы самих развитых государств и в конечном счете отрицательно скажется на прогрессе всей человеческой цивилизации.

Многие события последнего десятилетия убедительно подтверждают справедливость подобного суждения. Достаточно сослаться на вооруженную агрессию США и их союзников против Ирака. Насильственное внедрение западной демократии привело к радикализации ислама не только в Ираке, но и во всем регионе Ближнего Востока, превратило его в очаг политической нестабильности. Как известно, очень часто благими намерениями устлана дорога в ад.

Нельзя не согласиться с китайскими учеными в том, что осуществление в современном глобальном мире конфуцианских этико-политических принципов действительно способствовало бы оздоров-

лению международной обстановки, однако отношения между государствами, как известно, должны строиться на принципах права, благие пожелания следовать этическим нормам являются утопическими.

Проблема «культурной глобализации» в последние годы все больше занимает умы китайских ученых и политиков. Они анализируют ее содержание, особенности, влияние на развивающиеся страны и, естественно, на Китай. Они стараются выработать, сформулировать свое отношение к ней, найти адекватное решение возникающих в ходе нее проблем. Общее их мнение это то, что глобализация — это сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она способствует обмену и распространению товаров, капитала, техники, информации, людей и услуг, появлению всемирной сети Интернета, формированию общности людей, связанных общей судьбой, но, с другой стороны, она не только расширяет пропасть между богатыми и бедными государствами, но и вызывает «кризис национальной идентичности», создает угрозу «безопасности государств».

Реальность такова, что в процессе глобализации во многие страны приходят не только международный капитал, передовые методы управления и техника, но и западные ценностные представления и модели мышления. Хотя наряду с этим имеет место проникновение в западные государства незападных ценностей и идей, тем не менее господствующей тенденцией является появление повсюду во всем мире западной культуры, прежде всего американской. «Хотя многие оказавшиеся в неблагоприятном положении государства пытаются противостоять «культуре Макдональдсов», придерживаться основывающейся на местной почве национальной культуры, стремятся к «культурному многообразию, базирующейся на «культурной идентичности», однако культурные традиции многих стран все-таки постепенно исчезают», — пишет Оуян Цянь¹⁹. Он ссылается в этой связи на выводы, содержащиеся в опубликованном в 1999 г. ООН объемистом докладе по вопросам глобализации. Согласно им открытие рынка бедных государств устранило препятствия для импорта не только продукции, но и культурных представлений Запада, что поставило под угрозу самое существование их собственной культуры. Развивая мысли, содержащиеся в докладе, китайский ученый пишет о том, что для еще большего открытия мирового рынка и поддержания созданного ими мирового порядка развитые западные страны используют капитал как средство «для взламывания нужных дверей», используют политические, военные и особенно культурные средства, чтобы расчистить себе дорогу. «В некотором смысле, — продолжает Оуян Цянь, — «культурная глобализация» не что иное как повсеместное распрост-

ранение западной культуры (прежде всего американской культуры), унификация культурных стандартов под западные»²⁰. В противовес подобной глобализации в различных странах возникло антиглобалистское движение, направленное на защиту национальной культуры от ее вытеснения американской массовой культурой.

Естественно, что китайские ученые не могут не задаваться вопросом, а что же несет глобализация Китаю? Они понимают, что «политика реформ и открытости», проводимая в Китае с 1979 г., коренным образом изменила ситуацию в стране, позволила добиться громадных достижений в экономическом развитии страны. Вместе с тем они не могут не видеть, что произошли изменения в духовной жизни китайского общества, что связано с проникновением западных культурных стандартов. Происходит отказ от многих ценностей, которые не соответствуют современным реалиям. Возникает своего рода «кризис идентичности» или «кризис китайскости» (*chineseness crisis*), поэтому необходимо сохранить из традиционной культуры именно то, что может быть востребовано в условиях глобализации. Образно говоря, необходимо выбрать средний путь между «тотальным озападниванием» и «твердолобой приверженностью старому».

В этом отношении значительный интерес представляет история китайской модернизации за последние сто с лишним лет. Независимо от названия «модернизация», «глобализация», «интернационализация» данный процесс был всегда связан в Китае с «озападниванием». Для китайского общества было характерно и стремление что-то заимствовать у Запада, а с другой стороны, противостоять ему. Процесс модернизации Китая, его учебы у Запада прошел через четыре этапа. Первый этап охватывал период — от опиумных войн до краха Цинской династии (сороковые годы XIX в. — первое десятилетие XX в.). Главным его содержанием было заимствование научно-технических достижений западных стран, прежде всего военной техники, что делалось для сохранения господства Цинской монархии. Основопологающие ценности традиционной культуры оставались нетронутыми. Второй период охватывал десятки-сороковые годы прошлого столетия, лозунгом этого периода было «тотальное озападнивание», полное отрицание традиционной культуры. Причем данной точки зрения придерживались политические деятели различной мировоззренческой ориентации — от коммунистов до либералов. Третий период — это первые тридцать лет существования Китайской Народной Республики, в эти годы руководство страны вначале следовало советской модели развития, а затем стало на путь изоляции от внешнего мира, самообеспечения. Популярными были призывы к

созданию «революционной культуры», «героической культуры», «пролетарской культуры» и т.п. Четвертый период начинается с 80-х гг. прошлого столетия и продолжается до сих пор. С началом осуществления политики реформ и открытости Китай проводит курс широкого заимствования передовой техники западных стран и характерных для их экономики методов управления. В результате в повседневную жизнь китайцев постепенно входят ценностные ориентации, связанные с рыночными отношениями, обществом потребления. Более того, последние все больше приобретают самодовлеющую роль, а существовавшие прежде привычки и обычаи, характерные для традиционного общества, уходят в прошлое.

По мнению Оуян Циня, переход к современному промышленному обществу, обществу, основывающемуся на экономике знаний, требует кардинального изменения базовых культурных ценностей. Прежде всего, необходим «индивидуализм» в лучшем смысле этого слова. В китайской традиционной культуре, пишет он, вообще не было понятия «личность», а вопрос о ее правах тем более не обсуждался, место личности занимала семья, что касается «прав личности», то их заменяла «преданность правителю» и «сыновняя почтительность». В период социалистического строительства «индивидуализм» полностью подменялся «коллективизмом», вопрос о правах личности вообще не поднимался, желания и помыслы отдельно взятого человека подавлялись, поэтому его жизненные силы не получали развития. Китайский ученый считает, что нельзя на «индивидуализм» в лучшем смысле этого слова, т.е. на развитие творческих потенций личности, смотреть как на крысу, перебегающую улицу. Чтобы ответить на вызов глобализации, необходимо на первое место выдвинуть личность, утвердить идею «прав личности».

Оуян Цянь считает, что необходимо также поощрять активное участие членов общества в решении государственных дел, что требует в людях чувства гражданской ответственности. Наконец, следует поощрять формирование новых инновационных оригинальных идей, ибо нельзя ограничиваться только изучением и заимствованием культурных ценностей извне²¹. Следует подчеркнуть, что точка зрения Оуян Циня на взаимоотношение глобализации и китайской культуры, в частности его рассуждения об «индивидуализме», в какой-то степени являются неожиданной для китайских ученых, поскольку в китайской мысли, начиная с древности и вплоть до настоящего времени, традиционным является подчеркивание примата коллективного над индивидуальным.

Следует отметить, что у китайских ученых нет единой позиции относительно мирового антиглобалистского движения. Если одни из них используют его существование как доказательство «несправедливости и неразумности глобализации» и на этом основании выражают сомнение относительно участия Китая в этом процессе, в том числе во Всемирной торговой организации, то другие высказывают критические замечания в адрес глобалистов.

В этой связи весьма любопытна статья зав. сектором стратегии Института мировой политики и экономики Китайской Академии общественных наук проф. Чэнь Цзэжу «Как относиться к подъему антиглобалистского движения».

Признавая справедливость многих высказываний антиглобалистов в адрес глобализации, связанных, в частности, с критикой капитализма и гегемонизма США, он вместе с тем указывает на ограниченный характер антиглобалистского движения, объясняя это тем, что антиглобалисты «зачастую выдвигают резкие, более того, крайние требования. Однако они не знают и не выдвигают возможных путей осуществления этих требований. Зачастую они предпринимают анархистские действия сопротивления, направленные на уничтожение всего существующего порядка, которые, более того, завершаются насилием. Факты свидетельствуют, что подобные методы сопротивления не могут играть большой роли в разрешении существующих сегодня в мире несправедливых, неразумных явлений»²².

По мнению автора статьи, антиглобалисты, которые выступают против капитализма, далеко не всегда представляют прогрессивные, революционные силы. Для правильного понимания социального характера требований антиглобалистов, — пишет он, — следует обратиться к «Манифесту Коммунистической партии». Считая, что многие участники современного антиглобалистского движения фактически стоят на позициях «консервативного или буржуазного социализма», о котором писали Маркс и Энгельс в «Манифесте». В этой связи китайский ученый обращает внимание на следующее любопытное обстоятельство: как только кто-либо из американских конгрессменов предлагает лишить Китай в торговле права наибольшего благоприятствования, то в поддержку этого предложения немедленно высказываются профсоюзы, в то время как крупные компании высказываются против. Как известно, пишет он, эти компании играют стимулирующую роль в процессе глобализации, в то время как профсоюзы часто являются участниками антиглобалистского движения. На этом основании он делает следующий вывод: «Это как раз противоречит тому классовому анализу, к которому мы привыкли.

В реальности это подтверждает то, что американские профсоюзы уже обуржуазились либо стали представлять класс средних собственников, они уже не могут отражать взгляды большинства американского народа. В то же время руководители крупных американских компаний в силу распыленности акций, напротив, отражают взгляды большого количества средних и мелких акционеров и широких масс американского народа»²³.

Со многими суждениями Чэнь Цзэжу относительно антиглобалистского движения нельзя не согласиться. Это всего лишь стихийный протест против отрицательных последствий глобализации, у его участников нет четкой осознанной цели. Он прав и в том, что американские профсоюзы зачастую не отражают подлинных интересов американских трудящихся. Вместе с тем в данном конкретном случае — по вопросу о лишении Китая прав наибольшего благоприятствования в торговле с США — американские профсоюзы поступают как раз в интересах рабочих тех отраслей промышленности, производство на которых сворачивается из-за невозможности выдержать конкуренцию с наплывом в страну дешевых китайских товаров.

Таким образом, проходящая в китайском общественном дискурсе по проблемам глобализации свидетельствует о ее творческом характере, далекой от завершения.

Примечания

¹ Для подкрепления своей позиции Китай стал использовать нестандартные методы. Например, во время обсуждения в Комиссии ООН по правам человека вопроса о правомерности запрещения движения «Фалунгун» в Женеву прибыло несколько десятков представителей китайской общественности. Они провели различные мероприятия, на которых с использованием документированных данных рассказывали об опасности для здоровья людей деятельности этого движения.

² См.: Философское понимание глобализации. Пекин: Изд. Китайского народного университета, 2004. С. 232 (на кит. яз.).

³ Там же. С. 223.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 167–168.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 172.

⁹ Там же. С. 173.

¹⁰ *Чжоу Ичжи*. Принцип суверенитета государств и отношения сотрудничества между гражданами и правительством в ходе глобализации // Политол. исслед. 2001. № 3. С. 42.

¹¹ Там же. С. 43.

- ¹² См.: *Философское понимание глобализации*. Пекин: Изд. Китайского народного университета, 2004. С. 203.
- ¹³ *Ду Вэймин*. Семья, государство и мир. Современное конфуцианство в глобальной этике // *Общественные науки за рубежом*. Пекин, 1999. № 5. С. 9 (на кит. яз.).
- ¹⁴ См.: *Философское понимание глобализации*. Пекин: Изд. Китайского народного университета, 2004. С. 204–205.
- ¹⁵ Неудивительно поэтому, что недавно в Китае совместно с украинскими кинематографистами был снят многосерийный фильм по роману Николая Островского «Как закалялась сталь».
- ¹⁶ См.: *Философское понимание глобализации*. Пекин: Изд. Китайского народного университета, 2004. С. 229.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Философское понимание глобализации*. Пекин: Изд. Китайского народного университета, 2004. С. 230.
- ¹⁹ Там же. С. 246.
- ²⁰ Там же. С. 247.
- ²¹ Там же. С. 254–256.
- ²² *Чэнь Цзэжу*. Как относиться к подъему антиглобалистского движения // *Цзяньсянь (Фронт)*. Пекин, 2001. № 10. С. 21.
- ²³ Там же.

БУДУЩЕЕ МИРА И РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Мир нашего времени непрерывно и быстро изменяется. Это изменение принимает все более планетарные масштабы. Государство, которое стремится жить в этом изменяющемся мире и тем более играть в нем заметную и даже ведущую роль, вынуждено изменяться вместе с этим миром. Российское государство, страна и общество имеют историческое основание претендовать именно на такую роль. Правда, события последнего времени свидетельствуют о чрезвычайной сложности достижения подобной цели. Поэтому важно, как нам представляется, обозреть хотя бы вкратце процессы, происходящие в современном мире, круг проблем, с которыми сталкиваются все государства планеты, в том числе и Россия, и представить себе, каким образом страна должна изменяться, чтобы занять достойное место в изменяющемся мировом сообществе.

Поиски мирового единства

В фокусе нашего исследования находится одна из центральных и постоянно актуальных проблем человечества — управление и владение территорией, которая обеспечивает существование того или иного локального сообщества — власть над этой территорией и всем, что она содержит.

В наше время проблемы локальности все более вытесняются проблемами всемирной территории и ее мировыми коллизиями. На протяжении всей истории человечества происходила борьба между стремлением к единству и обособлением.

По-видимому, ранней формой объединения разрозненных обществ была их принудительная интеграция в имперских формах. В рамках этой интеграции формировались и локальные цивилизации. Такие имперские образования не были стойкими, они сменяли друг друга и соответственно новые цивилизации вытесняли ранее сложившиеся, хотя известны и относительно устойчивые имперские структуры, такие, например, как Римская империя. Последней по времени имперской интеграцией мира стала, как известно, феодальная, а затем и буржуазная колонизация, создавшая новое имперское региональное членение мира, объединенное, однако, общим принципом имперской организации. Стоит, пожалуй, вспомнить по этому поводу, что к началу XX века планета практически целиком была охвачена именно такой имперской структурой. Эта структура и была первым очертанием нового глобального единства мира.

Политическая интерпретация всемирности прошла через религиозный этап — христианизацию и исламизацию мира. В Новое время она возродилась в учении о естественном праве и естественном законе, а впоследствии и социалистическом преобразовании общества. Однако универсализация процессов развития неизбежно вела и к универсализации негативных аспектов этого развития. Пройдя через мировые войны, мир раскололся на развитую часть и периферию.

Поиски единства мира, казалось бы, привели к его окончательному расколу. Не случайно, едва выбравшись из-под обломков последней мировой войны и глобальной холодной войны, мир пришел не к единству, а к новому расколу, грозящему третьей мировой войной между цивилизованной частью человечества и отсталой, попросту говоря, варварской, чуждой современной цивилизации, враждебной ей и непонятной.

Не исключено, что человечеству угрожает еще одна мировая катастрофа, которая подтолкнет его к осознанию необходимости единства и, главное, к его осуществлению.

Такой катастрофой может оказаться столкновение двух миров, тем более опасное, что оружием в этом столкновении могут стать могущественные разрушительные силы, созданные самими передовыми странами. Вспомним, что нашествие варваров и гибель многих цивилизаций в отдаленном прошлом уже не раз имели место в истории, и при этом энергетический потенциал наступавших (конница, людская масса, стенобитные орудия и т.п.) превосходил экономически, политически и культурно более развитые цивилизации. Отнюдь не исключено, что какая-либо форма агрессии против современных развитых стран может также оказаться достаточно губительной. Возникает, таким образом, новый императив единства мира, преодоле-

вающий его раскол. Он, однако, все еще остается в пределах экономического, политического, идеологического и культурного локализма и предрасполагает скорее к борьбе, чем к согласию.

Требуется, как видно, такой объективный мотив императивного единства, который волей или неволей устранил с геополитического пространства планеты, в независимости от его локального многообразия, препятствия к объединению этого пространства. И такой императив в XX веке действительно появился. Им стали глобальные проблемы современного мира.

Глобальные проблемы

Во второй половине XX века произошло несколько революционных преобразований, которые поставили мир перед выбором принципиально новых путей развития, которые могли либо привести к его объединению, либо к его разрушению. Началась научно-техническая революция, которая изменила условия и возможности современного общества развиваться и взаимодействовать. Совершилась военно-техническая революция, которая радикально изменила соотношение сил в мире и усилила опасность международных конфликтов.

Стало очевидно органическое единство созидания и разрушения, процветания и его негативных последствий — новых и более сложных условий и форм жизни и труда, адаптации к ним человека; далее, проблемы существования в бедствующих частях мира перестали быть заботой тех или иных метрополий и превратились в общечеловеческие проблемы. В полной мере стали очевидны проблемы массового голода, нищеты, эпидемических и эндемических заболеваний и, что не менее важно, возможностей материального, социального и культурного развития. Иными словами, возникла совокупность проблем, которые поддаются решению лишь совместными усилиями мирового сообщества.

Ряд других политико-экономических и социальных преобразований открывал возможность объединения усилий и, более того, делал их императивными.

Международное движение капитала

В последние десятилетия XX в. приходится констатировать не только наличие общемировых по масштабам структур национальной экономики, но и возникновение мировой международной экономи-

ческой системы. Речь идет не о том, что мировая капиталистическая экономика есть нечто однородное, стабильное и постоянное по своей организации. «Напротив, основная особенность этой системы — именно в ее дифференцированности в зависимости от регионов неравного развития — центральных и периферийных экономических ареалов. Эта мировая экономика едина, но лишена охватывающей ее политической структуры и зависит от рынка, как основы перераспределения прибавочной стоимости»¹.

Крупнейшим институтом мировой экономики является многонациональная корпорация. Она становится типичной формой экономической организации позднего капитализма. Новые условия современного производства вынуждают капиталистическое предприятие к реорганизации производства на интернациональной основе, направляя капиталы в резервуары дешевой, дисциплинированной, послушной рабочей силы, рационализируя производство в экономике метрополий (внедрение рационализированных методов, более производительной техники, сокращение численности рабочей силы и т.д.), передислоцируя производства в районы более выгодного функционирования. Расчет инвестиций, труда, техники поставлен теперь на глобальную основу. Эта ситуация вписывается в качестве важного элемента общей структуры глобального разделения труда.

Масштабы деятельности МНК (или ТНК) хорошо известны. Они составляют авангард международных корпораций и воплощают важнейшие современные закономерности — обобществление и концентрацию производства и капитала.

Дальнейшее развитие корпораций *внутри* отдельной страны возможно тремя путями: за счет возрастающего давления на средние и мелкие предприятия; новых слияний крупных и крупнейших компаний и, наконец, путем сращивания с государством. Первый путь всегда открыт, но лимитируется многими частными конкретными обстоятельствами, особенно же пределами целесообразной и выгодной централизации. Второй также используется, но ограничивается конкуренцией, большими затратами, внутренними противоречиями большого бизнеса и, главное, самостоятельной мощью крупных фирм. Третий успешно эксплуатируется, но прежде всего корпорациями, для которых государство — выгодный заказчик и которые необходимы государству для выполнения его заказов (при том, что сама эта необходимость бывает навязана государству заинтересованными группами). Этот путь оказался более всего пригодным для военно-технических отраслей промышленности. Он порождает собственную милитаристскую политико-идеологическую основу, использует выгодную

экономическую конъюнктуру (высокий спрос, сенсационные нормы прибыли, доходящие до 500-1000%, финансовые приоритеты и т.д.) и широкие возможности для вывоза готовой продукции. Тем не менее в общем объеме ВВП крупнейших стран военное производство составляет не более 5-6%, наталкиваясь на естественные пределы потребления военной техники в условиях мирного времени.

Все эти ограничения отпадают при выходе капитала и крупного бизнеса за пределы собственного государства. В развитых капиталистических странах для этого имеются выгодные условия первого и второго путей, но уже за национальными рамками, в интернациональном масштабе.

Далее, есть, по-видимому, основания различать наличную или возникающую, возможную в перспективе глобальную проблему и ее носителей, существующих или возможных. Эти последние еще менее могут быть всеобщими, чем сами проблемы, в силу неравномерного развития мирового сообщества, неизбежной региональной специфики значительных групп обществ. Наконец, еще менее общими могут быть и действительно являются страны и общества, активно участвующие в решении глобальных задач, при том, что всеобщее участие в их решении остается принципиальным условием мирового развития. Пример борьбы за разоружение достаточно убедительно об этом свидетельствует.

Достаточно наличия сравнительно ограниченного относительно глобальной системы, но мощного генератора той или иной проблемы (например, гонки вооружений-носителя всеобщей военной опасности), чтобы превратить ее в глобальную, прямо или косвенно воздействующую на большую часть мира (или на весь мир), в том числе и на государства, стоящие в стороне от самой по себе тематики данной проблемы, но так или иначе вынужденные участвовать в ее решении.

Впечатляющим примером такой проблемы, несомненно, служит международный терроризм.

Решение глобальных проблем означает рациональное, целенаправленное управление глобальными процессами. Оно выступает, тем самым, как осуществление определенной *политики*, включающей управление внутригосударственными процессами (экономическая, социальная, культурная политика) и внешними отношениями между странами и их объединениями — от союзов и блоков (региональных и функциональных) до мирового сообщества.

Отсюда естественен вывод о важнейшей роли государства как в возникновении, так и в разрешении глобальных проблем. Глобальные функции государства относительно новы. Они представляются

результатом расширения и качественного преобразования внешне-политических, международных функций государства (которые сами по себе интенсивно развиваются в наше время) и возникают как продолжение вовне внутренней политики. С другой стороны, разрешение глобальных проблем служит, прежде всего, для решения внутренних проблем государства (обеспечения политической и экономической безопасности, социально-экономического развития, сохранения здоровья и жизни человека, охраны природы и т.д.). Поэтому содержание внутренней политики того или иного государства (классового типа государства) непосредственно проявляется в его отношении к глобальным проблемам в их порождении и в участии в их решении. Отвлекаясь на время от содержательного аспекта глобальной политики, отметим, что само по себе это участие свидетельствует об уровне развития данного конкретного государства, о его умении распознавать изменения в мире, выступать инициатором решения тех или иных проблем и действительно решать соответствующие глобальные задачи.

Познавательная, когнитивная функция выявления и анализа глобальных проблем, определения приоритетов и задач их разрешения — это долг собственных усилий всех членов мирового сообщества и каждого из них в отдельности. Эта обязанность представляется исходной в «глобалистике» (теории и практике). Она охватывает значительное число разнопорядковых процессов и явлений. Не останавливаясь здесь на вопросах их типологии, отметим их возможное деление на изменения экономического, технико-производственного, научно-технического, социального, политического, идеологического, культурного планов, которые, в свою очередь, можно подразделить на материальные и идеальные, объективные и субъективные факторы возникновения глобальных проблем. Источники этих изменений заключены во внутренней сфере государства. Это эндогенные по отношению к нему (внутренние, происходящие в конкретных обществах) и экзогенные (внешние), как правило, органически взаимообусловленные изменения. Поскольку же интересы разных государств могут расходиться, их взаимодействие друг с другом и с межгосударственными институтами может оказаться крайне сложной проблемой.

Решение глобальных проблем достижимо, как уже отмечалось, как **политический процесс** международного сотрудничества государств и международных организаций.

Граница между внутренними проблемами государства и международными проблемами весьма условна. Такая, например, внутривнутриполитическая, в своей основе, проблема, как безработица, с очевидностью перерастает в международную проблему, грозящую серьезной

дестабилизацией обстановки в мире, если учесть, что уже в конце 70-х годов прошлого века число безработных, по ряду данных, составляло 300 млн. человек, и оно может дойти к концу века до 900 млн.². Эта проблема означает усиление конфликтности в «третьем мире» и в развитых капиталистических странах, усиление международной миграции населения, новую, более острую и неотложную потребность слаборазвитых государств в помощи и т.д. Высокое потребление ресурсов таким государством, как США, говорит о том, что страна, население которой составляет менее 6% населения земного шара, использует примерно 50% минеральных ресурсов мира³.

Ответственность государства за порождение и разрешение негативных глобальных проблем должна быть, в принципе, симметричной. Нанесение ущерба человечеству или угроза такого ущерба одним государством или блоком государств должно ими же устраняться. В противном случае возможно возникновение конфликтов и на почве решения глобальных проблем. Подобная ответственность международна по своим масштабам и по характеру. Возможность (и необходимость) международной помощи в совместном разрешении глобальных проблем может в отдельных случаях (локальные экологические катастрофы — голод, например; неспособность того или иного государства справиться с нехваткой ресурсов и т.п.) нарушать эту симметрию или, если рассматривать этот вопрос шире, возможна симметрия нового, международного плана, образованная б_льшим числом государств, участвующих в исключении той или иной проблемы, в желательной перспективе — всем мировым сообществом.

Перспективы глобальной экологии

Существуют, однако, такие глобальные проблемы, с которыми человечество, по-видимому, не сможет справиться даже объединенными усилиями и решить которые ему суждено лишь ценой самых глубоких, радикальных, неклассических преобразований. Речь идет об изменении температурного режима атмосферы, водной среды и, как следствие, среды обитания человека на суше. Прогноз этих экологических изменений давно и хорошо известен: это таяние полярных и высокогорных льдов, повышение уровня мирового океана на 66 м (по расчетам М.И.Будыко), изменение температурного баланса и циркуляции течений крупнейших мировых океанов и затопление береговой части суши всех континентов в глубину примерно на 100 км.

Не буду перечислять бесчисленные бедствия, которые может вызвать эта катастрофа, напомним лишь о неизбежном перемещении больших масс прибрежного населения из самых густонаселенных районов вглубь континентов. Для того, чтобы эта волна мигрантов была принята и размещена на безопасных участках суши, потребуются новая организация мировых отношений, новая пока еще несуществующая дисциплина будущих государств и обществ, коренное и единообразное преобразование культуры народов планеты и новая международная и внутренняя политика будущих государств.

В противном случае возможно возникновение множественных локальных и даже крупномасштабных конфликтов со всеми вытекающими из подобной ситуации последствиями.

Существует непосредственная связь разрешения глобальных проблем с гуманистической и этической ориентацией глобалистики и соответствующей конкретной государственной политикой, направленной на осознание и решение жизненно важных общечеловеческих задач.

В 70–80-е годы в отечественной литературе этот вопрос получал неоднозначное освещение. Идея пределов технико-экономического, демографического роста, остановки развития, тем более искусственной, целенаправленной, осуждалась неоднократно и безусловно как антинаучная, мальтузианская и нереальная. Но при этом само существование пределов либо отвергалось, либо признавалось крайне редко (о них, впрочем, писал Е.К.Федоров). Между тем сами факты критических состояний, то есть возникновения пределов в истории человечества, отмечались неоднократно, особенно экологами, в том числе М.И.Будыко и др. Пределы возникают, когда антропогенные факторы накладываются на естественные факторы эволюции биосферы. Мощь человечества, как указывал Н.Н.Моисеев, как бы велика она ни была сегодня, не способна уничтожить биосферу. Но ее нагрузки могут явиться спусковым механизмом для относительно быстрого перехода биосферы в новое квазистационарное состояние. И условия этого состояния могут оказаться неприемлемыми для продолжения человеческой цивилизации в современном смысле слова⁴.

Подобные катаклизмы уже не раз происходили, и качественная перестройка биосферы приводила к исчезновению ряда видов животных и растений.

В этой связи возникает вопрос о существовании глобальных задач человечества, современной эпохи и тех политических сил (государств, международных организаций, сообществ и др.), которые призваны их решать. Само понятие проблемы предполагает задачу ее ре-

шения. Каждая негативная мировая проблема соотносительна с соответствующей позитивной задачей (опасность войны — сохранение мира, например) и тем самым с глобальной задачей ее решения. Существует, таким образом, в системе глобальных проблем и система глобальных задач, тем более, что не все глобальные проблемы негативны. Существуют глобальные проблемы общественного развития — это позитивная проблема, проблема освоения Мирового океана, культурное и политическое развитие и множество других. Проблематичность того или иного процесса и предопределяет постановку задачи.

Все в принципе конструктивные теории будущего мира отвечают этому требованию.

Необходимые балансовые соотношения должны формулироваться не только для мира в целом, но и в государственно-региональном разрезе. Точнее говоря, балансовые условия отдельных стран (или социально-экономических регионов мира) должны совмещаться с балансами межгосударственных (межрегиональных) отношений и общемировыми балансовыми условиями (использование ресурсов Мирового океана, глобальное экологическое равновесие и т.п.).

Иначе говоря, варианты мирового развития объединяют интересы глобальной системы и всех входящих в нее регионов. Они, эти варианты, совмещают региональные и государственные интересы. Государства и регионы решают свои позитивные цели и способствуют решению глобальных проблем. Всемирное хозяйство — развивающийся организм, изменения в котором характеризуют процесс интернационализации хозяйственной жизни.

Политика и глобальные процессы развития мирового сообщества

Исследование глобальных проблем, с которыми столкнулось современное человечество, включает анализ политического измерения всех этих проблем, без исключения. Поэтому начал складываться и новый облик глобалистики как исследования глобальных процессов, или процессов глобального развития, включающий их политический аспект. Возможности научного анализа расширяются, он не сводится к критическим проблемным моментам исторического процесса, хотя и включает их.

Этот путь включает, таким образом, построение типологии глобальных проблем, определение их, выявление связей глобальных проблем с проблематикой глобального общественного развития, с кон-

кретными социальными, экономическими, экологическими, политическими глобальными процессами, с противоречиями эпохи и, наконец, создание научного инструментария для изучения глобальных процессов, их прогнозирования и разработки предложений для разрешения глобальных проблем, иначе говоря — для управления глобальными процессами.

Путь современной теории глобалистики — это кривая, колеблющаяся между множеством гипотетических вариантов развития, под-сказанных оппозициями всемирности и локальности, всеобщности интереса выживания и классового либо национально-государственного эгоизма, объективной необходимости множества срочных преобразований в современном мире — социальных, политических, технико-экономических — и столь же объективной невозможностью рационально осуществить эти изменения из-за множества трудно преодолимых препятствий.

Важное место в этой проблематике занимает, как уже говорилось, экологическая тема. Экология, с ее жесткими алармистскими установками, внесла в зигзагообразную, по выражению Энгельса, траекторию общественознания больше определенности, связав его рассуждение доводами, которые обязывают принимать однозначные решения. Глобальная экология по самому своему определению предполагает прорыв в будущее, она с необходимостью футурологична. В этом смысле она не только отвечает общей направленности теорий развития, ищущих разгадки будущего, но и в высокой степени стимулирует этот поиск. Экологические отношения расширили круг глобальных проблем и всех вообще проблем общественного развития рядом универсальных и общественно значимых проблем, решение которых потребовало совместных усилий многих направлений общественной мысли и одновременно обогатило их экологической темой.

Глобальный масштаб социального исследования, в свою очередь, наряду с идеологическими и имманентно-научными факторами значительно изменил облик и содержание теоретического мышления, характер теорий общественного развития. Наряду с поисками движущих сил глобального изменения и прогресса теория обратилась к вопросам о конкретном и абстрактном в глобальных процессах, взаимосвязи и взаимообусловленности глобальных явлений, к попыткам сочетать вместе с всеобщей прогностической ориентацией анализа общества обращение к принципам историзма.

Чем сложнее движение материи, тем объективнее его вариативность, возникающие в нем случайности. Общественное развитие, как известно, — одна из форм движения, возможность отклонения его от

идеального типа не только вероятно, но и закономерна. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше мы будем находить в ее развитии случайностей. Каждая глобальная проблема, в свою очередь, представляет собой сложную систему и состоит из ряда проблем.

Типология глобальных проблем не сводится к выделению важнейших (а также и менее важных) из них. При любой углубленной трактовке каждой глобальной проблемы выявляется ее собственная структурность. Потенциально многие аспекты одной глобальной проблемы могут превращаться, в свою очередь, в глобальную проблему определенной, иногда очень высокой степени сложности. Так анализ энергетической проблемы включает проблему ископаемого топлива и альтернативных источников энергии, природных энергоресурсов, сохранения лесов — источников поступления в атмосферу кислорода и средства улучшения ее химического состава и т.д. Продовольственная проблема складывается из проблемы пахотных земель, социальных условий организации сельскохозяйственного производства, функций отдельных стран в разделении труда и обмене производственным продуктом и мн.др.

Наиболее сложны по структуре крупнейшие проблемы, такие, как проблема сохранения мира, экологическая. Эта последняя проблема, в частности, включает и множественные проблемы ресурсов, населения, продовольствия, расселения, природно-климатических условий, среды обитания и т.д.

Целостное исследование глобальной проблематики представляет собой сложную теоретико-познавательную задачу.

Глобальную систему описывают показатели переменных состояний (фазовые переменные), на которые нельзя повлиять непосредственно (независимые переменные), и управляющие воздействия, которые варьируют в зависимости от целей развития системы (зависимые переменные).

Образование глобальных проблем — закономерный исторический процесс, результат развития отношений между человеком и природой и общественным развитием, они определяются, как отмечает И.Т.Фролов, «объективными процессами *интернационализации* производства и всей общественной жизни, достигшими небывалых масштабов под влиянием современной научно-технической революции»⁵.

В исследованиях глобальных проблем, в анализе причинно-следственных связей, которые их порождают, предпринимаются попытки выявить не только ведущие проблемы, но и некое центральное

звено, основную цель и самого решения этих проблем. «...Под влиянием возникающих угроз изменяется шкала ценностей, — пишет И.Т.Фролов, — причем все явственнее обнаруживается приоритет гуманистических и социальных целей, в том числе и в отношении научно-технического исследования в узком смысле»⁶.

Предпринимается попытка найти центрирующее звено, цементирующее в единое целое комплекс глобальных проблем, без учета и понимания которого адекватная трактовка всего остального представляется весьма сомнительной, если не сказать больше — методологически, гносеологически и мировоззренчески бесперспективной. Таким звеном является человек, устанавливающий в процессе своей деятельности многосторонние связи с природой, обществом и человечеством в целом. Человек оказывается и организатором, и дезорганизатором своих отношений в мире и ходе естественноисторического процесса. Осознание жизненно важных общечеловеческих задач — важнейшее достижение новой глобальной этики в последние десятилетия. Эффективное и долгосрочное решение глобальных проблем предполагает соответствующую философскую и этическую основу. Такой основой должна быть система ценностей, принятая всеми участниками глобальных решений. Тем самым решение общечеловеческих задач обуславливает формирование общечеловеческой этики. Возможность всеобщих и необходимых нравственных принципов, независимых от эмпирических условий, автономной морали, теоретически стремился обосновать И.Кант. Но абстракция всеобщего нравственного закона должна быть наполнена содержанием, соответствующим решению глобальных задач. Она должна включать позитивные постулаты и запреты, ценностно-нормативную систему, представление о высшем благе как основной регулятивной категории нравственной деятельности при решении глобальных задач.

Вывод из гуманистической концепции глобальных проблем и определение центральной проблемы — проблемы человека, оказавшегося в потоке гигантских планетарных процессов, подводит к одному из острых вопросов о пределах всех видов изменений на Земле — экологических, экономических, политических и др. Если человек и человечество признаются беспредельными в истории, то каковы все те переменные величины, которые определяют их существование? Этот вопрос широко обсуждается в мировой науке.

Он заключается, в частности, в уже упоминавшемся выше соотношении единообразия мира, его интернационализации и его целесообразной регионализации.

Регионализация мира параллельна централизации, обобществлению, универсализации отношений — хозяйственных связей, международной кооперации труда, нивелированию условий и форм жизни, обобщению культуры и т.п. Она является другой стороной глобального развития, необходимо конкретизирующегося в пространстве в форме локальной экономической, политической, социальной, национальной, культурной идеологической дифференциации мира, в возникновении тех или иных форм политической и идеологической автаркии.

Как факт современной общественной теории регионализация порождает ряд проблем. Не ставя вопрос о регионализации как о необходимой стороне единого процесса общественного развития, другой стороной которого является обобщение, единонаправленность развития, иными словами, не следуя понятиям единства и многообразия истории, теоретики развития стремятся решить в этом плане проблему будущего путем исследования ряда антиномий. Например, следует ли считать региональное развитие и тягу к регионализации неким антипроцессом, идущим вразрез с процессами универсализации, интернационализации развития общества, иначе говоря, допустимы ли антиномии регионализации — унификации; является ли в этой связи регионализация отживающим явлением, данью прошлому, противоречащей общему направлению общественного процесса — обобщению на отдельные страны и регионы, на все человечество сокращающегося числа способов производства, формаций, социальных структур, политических режимов и т.п.; консервативны ли, утопичны попытки сохранить или возродить регионализацию.

Отсюда различные членения мира в политологии и в теориях развития. Ось антиномий смещается в зависимости от идеологических и теоретических посылок дифференциации — деления на Север-Юг, Запад-Восток, богатые и бедные страны и т.д. За этими делениями стоят представления о смене стадий развития, намеченных теориями модернизации и стадияльной концепцией роста, перешедшие затем в концепции индустриализма, прогностики и экологии, и более поздние идеи смены исторических эпох, кризисных спазм и катастроф развития и т.д., связанные с предположениями о том, что развивающиеся страны развиваются достаточно быстро и в таких масштабах, чтобы разрушить сложившуюся систему регионов вместе с взаимоотношениями между ними, но совершенно недостаточно, чтобы решить свои проблемы, либо развиваются слишком медленно или совсем не развиваются, разрушая региональное равновесие мира и порождая межрегиональные конфликты.

Регионализация — системный элемент любого развития в любом типе общества. Уже в этом качестве она представляет интерес. Но наиболее интересные и сложные проблемы она ставит, когда функции этого элемента по тем или иным причинам изменяются, приобретают новое значение или особо гипертрофируются и из констатаций существующего положения вещей делаются явно идеологически направленные выводы.

Так на грани XX и XXI столетий возникло новое членение мира на цивилизованные страны и противостоящий им всемирный терроризм, порожденный враждебностью цивилизаций.

Индустриализм сделал и другой социальный вывод из действия закона технико-экономического роста, создав новую утопию объединенного человечества в форме единого индустриального общества. В индустриальной концепции единство мира осуществляется в силу общности его технического и научного развития, тождественности тенденций и закономерностей формирования материально-технической базы обществ разных формационных типов. Схождение разных общественных систем на этой основе мыслится путем либерализации их рынка и хозяйства⁷.

Постиндустриализм пошел еще дальше в концепции нового этапа обобществления и интернационализации культурных, политических и других отношений. В рамках этой концепции возникла целая прогностическая гамма мирового развития из множества «новых» обществ, из которых самым известным и уже оформляющимся стало, как известно, информационное общество⁸. Дальнейшее развитие событий будет зависеть от способности каждой страны в мировом сообществе и в том или ином его региональном членении.

Регионализация мира должна была бы привести к сближению различных его частей, расширению общей цивилизации и модернизации. Однако на деле сам процесс регионализации весьма сложен и способен, по крайней мере на первых порах, привести к еще большему разобщению мирового сообщества и обострить его неравенство или даже усилить региональное соперничество. Не случайно, например, столь сложным оказался процесс регионализации в пределах СНГ и обнаружился передовой западноевропейский регион, сумевший уже сформировать единую конституцию (29 октября 2004 г.) и ряд общих законов, направленных на создание федеративных отношений в рамках ЕЭС.

Целесообразность такого выбора должна определяться, прежде всего, способностью страны — государства и общества — рационально осуществить такой выбор. Отношение к глобальным проблемам из

менялось на протяжении последнего полувека. После бурных дискуссий шестидесятых—восьмидесятых годов, всплеска алармизма сегодня наступил, по видимости, период успокоения и даже пренебрежения по отношению к тем сигналам тревоги, которые ранее подавала глобалистическая прогностика. Это кажущееся успокоение вызвано, как видно, следующими обстоятельствами:

1) тем, что основные фундаментальные исследования глобальных процессов были проделаны в 60-х — начале 80-х гг. прошлого века и притом с участием многочисленных научных коллективов, таких, как РЭНД и МИТР корпорэйшн, Римский клуб, центры У.Хармэна, С.Менделовица и многих других — общим числом до 50 научных организаций, а также виднейших ученых — Дж.Форрестера, К.Боулдинга, Д.Белла, Г.Кана, десятков и сотен других.

В этот период были изучены и подверглись активным дискуссиям решающие проблемы национального и глобального развития: процессов социального роста (политического, экономического, демографического, культурного и пр.), прогресса и т.п. Еще раньше, в 30—50-е годы, силами таких ученых, как П.Сорокин, Т.Парсонс, Р.Мертон и мн.др., были изучены процессы социального изменения, имеющие первостепенное значение для понимания процессов развития, модернизации и глобализации;

2) предотвращением общего системного кризиса в ведущих странах мира, который породил ощущение тревоги и многочисленные теории грядущих катастроф;

3) существенным исправлением положения в ряде глобальных ситуаций — заметным сокращением хронического голодания в бедствующих регионах мира, уменьшением опасности истощения природных ресурсов благодаря созданию искусственных материалов и новых технологий, заметным успехам в охране природы наиболее загрязняющих ее индустриальных стран и др.;

4) весьма скудной осведомленностью ответственных и безответственных лиц в сфере политики, культуры и даже науки в вопросах глобалистики и бездумным же отношением к этим вопросам широких масс населения.

В новейшей литературе о глобалистике («глобализации») появились неуместные идеологические споры, попытки культурологических интерпретаций проблемы, порой вытесняющие фундаментальные основы глобальной проблематики.

Глобальные проблемы, однако, никуда не исчезают, остаются их принципиальные истоки: имманентные связи созидания и разрушения, жизни и смерти, производства полезной продукции и одновре-

менного производства подавляющего объема отходов, расточительного характера жизнедеятельности человека и многое другое. Поэтому исследования глобалистики и глобализации продолжаются. Представление об этом новом этапе могут дать такие, например, обзорные работы, как «Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке» (М., 2002), «Многоликая глобализация» П.Бергера, С.Хантингтона (М., 2004). В этой последней книге начат новый этап исследований, связанный с изучением конкретных региональных результатов действия глобальных процессов.

Глобализация и цивилизация

Видимо, нет необходимости доказывать мысль, которой мы уже коснулись вначале, что глобализация представляет собой процесс интернационализации жизнедеятельности и всех ее проявлений, материальных и интеллектуальных, и началась она задолго до появления самого понятия глобализации.

Интернационализируются религии, идеологии, науки, все области культуры (искусство, спорт, общение и т.п.). Особые формы интернационализации возникли с формированием международного и всемирного разделения труда и его кооперации, обобществлением капитала, развитием торговли и других видов обмена деятельностью.

В процессе этой интернационализации возникает новая, современная всемирная цивилизация, вытесняющая ее более ранние, локальные формы.

Отмечу, кстати, что само понятие цивилизации, как это ни покажется странным, до сих пор толкуется самым различным образом и зачастую, весьма произвольно. Особенно часто это понятие отождествляется с понятием культуры.

Собственно говоря, этот вопрос был решен в античном греческом мире: культура, или культурность (*cultus*) и цивилизация (цивилизованность — *civilitas*) противопоставлялись варварству или деревенщине (*rusticifas*). В наше время такое решение остается в силе, но новые представления о культуре оно уже не определяет. Напротив того, признается универсальность культуры как всеобщего общественного начала при всем многообразии ее конкретных форм. Если следовать античной традиции, то и цивилизация (собственно городская культура) тоже универсальна и существует множество ее конкретных форм. Тут и начинается путаница: становится непонятным критерий различения разных цивилизаций — она и европейская, и

мусульманская, и техногенная, и российская, и христианская, и православная и т.д. до бесконечности. Чем более сближаются культура и цивилизация, тем менее понятно, что эта последняя такое и может ли вообще существовать неопределенное множество всяких цивилизаций. Отсюда вывод: культура и цивилизация — не одно и то же. История подтверждает этот вывод: одна цивилизация может охватывать и объединять много культур. Реально только крупные национальные конгломерации создавали оригинальные цивилизации (древнеегипетская, древнекитайская, древнеиндийская и др.). На деле же они охватывали комплекс родственных, но разнородных культур. В этом случае формировались одновременно локальные культуры и локальные цивилизации. В более близкие к нам времена культурная локализация и цивилизационный локализм сменились обширными региональными, континентальными и межконтинентальными цивилизациями (греко-римской или средиземноморской, западной и т.п.). Суть различия культуры и цивилизации, однако, не в этом.

Культура — это ткань традиционных образцов поведения, настроений и ценностных ориентаций, межличностных отношений, возрастных и половых отношений, словом, «способ жизни», по Б.Парамонову.

Цивилизацию же образует комплекс всех функциональных систем общества — экономика, политика, право, наука, мораль, религия и сама культура. Цивилизация, таким образом, — функция общественных начал и их обобщение в некой системе, образующей *средства жизни*.

Культура, следовательно, не создает цивилизацию и не тождественна ей. Античное тождество отпадает. Сохраняется ли при этом противопоставление цивилизации (а также культуры) и варварства? Очевидно, да. В современном понимании культуры она не может отсутствовать. Не может отсутствовать и цивилизация, какой бы примитивной она ни была. Иными словами, можно ли и сейчас противопоставлять цивилизации дикость и варварство? Очевидно, можно, если две цивилизации, во-первых, несопоставимы, и, во-вторых, ввести в понятие цивилизации критерий исторической динамики, творческого, созидательного движения, которое либо налицо, либо отсутствует.

С этой точки зрения модернизация — это путь к цивилизации, вхождение в нее либо попытка преодолеть цивилизационную архаику и осовременить уровень цивилизационного развития.

При анализе и оценке цивилизации в этом модернизационном процессе важно не делать ошибок и не ориентироваться на одну или часть функциональных составляющих цивилизации, например тех-

нику или религию, культуру или экономику и т.д. Это будет означать лишь неправомерное преувеличение роли одной из цивилизационных составляющих («мусульманская цивилизация»).

Модернизация и цивилизация

Понятие модернизации вошло в обиход по окончании второй мировой войны, в период быстрого восстановления разрушенных войною стран и бурного экономического подъема конца 40-х — начала 50-х годов. (По времени и по смыслу процесс модернизации совпал с началом научно-технической революции.) Осовременивалось по возможности все: техника, наука, медицина, образование, общественные отношения и т.д. Одновременно вместе с распадом империй и образованием множества новых независимых, по крайней мере формально, стран в неолиберальной политике западных государств и в международных организациях появилась надежда на быстрое подтягивание к современному уровню развития стран пресловутого «третьего мира». Все упоминавшиеся выше процессы глобализации, интернационализации получали, таким образом, ориентир, позволяющий преобразовывать отстающие в развитии страны в более развитые и современные. Были затрачены немалые средства и усилия международного сообщества для реализации этих замыслов. В Организации Объединенных Наций создавались учреждения, занимающиеся развитием, в различные страны Южной Америки и Африки направлялись крупные группы специалистов, порядка 200 человек, которые изучали положение в этих странах и разрабатывали для них программы развития. Параллельно быстро формировались международные корпорации, которые создавали индустриальные очаги во многих странах мира.

Модернизация стала инструментом интернационализации и одновременно умножения и решения глобальных проблем. Однако в быстро развивающейся теории модернизации сравнительно скоро была обнаружена автономность модернизации, которая оказалась при более тщательном рассмотрении постоянным историческим типом общественного развития материального и духовного процесса. В самом деле, все без исключения страны, культуры, цивилизации, находившиеся в контакте между собой, так или иначе перенимали, заимствовали самые различные достижения техники, науки, культуры и т.д. Создание огнестрельного оружия в Европе, например, стало возможным благодаря изобретению китайцами пороха, книгопечатание и

рукописное творчество стало возможным благодаря изобретенной ими же бумаги. Из Китая же в Европу пришел фарфор; из арабских стран пришло цифровое обозначение чисел и т.д.

История многих стран, таких, как США, современной Японии и других, вся обусловлена заимствованиями. Крупнейшие открытия науки и техники, сделанные в какой-либо отдельной стране, всегда интернационализировались в форме модернизации: транспорта, средств связи, произведений культуры, достижений науки. Модернизация не была, таким образом, открытием или изобретением так называемых глобалистов.

Модернизация — не только цель отдельной страны, но и совместная цель мирового сообщества. Эта цель — восхождение на уровень современной цивилизации. Достижение этой цели и есть реализация единства современного мирового сообщества. Если то или иное государство такой цели не преследует, то оно выпадает вольно или невольно из цивилизационного процесса. Долг мирового сообщества помогать таким государствам. Если же они не желают входить в цивилизационное мировое сообщество или не могут и противопоставляют ему иные интересы и цели, такие страны становятся маргинальными, обреченными на хроническое отставание. Они не только отстают, но и накапливают враждебные настроения против успешно развивающихся стран и самой цивилизации, которая им чужда, непонятна, недоступна и враждебна, а потому и они набираются решимости с ней бороться.

Мотивами этой вражды могут служить сознание недостижимости уровня развития передовых стран, культурные и религиозные различия между цивилизованным мировым сообществом и его антагонистом, их экономическое и политическое неравенство и т.п. Давняя схема «бедные против богатых», многократно приводившая к мятежам, бунтам, восстаниям, революциям, примитивна и архаична. Она может интернационализироваться в форме фанатичного фундаментализма и выливаться в безгранично жестокую террористическую войну против цивилизованного мира. Если еще более расширить исторические масштабы возможного конфликта, то он может стать подобным нашествию варваров с переселением народов. Новыми, в сравнении с переселением германских, арабских, тюркских племен в прошлом, становятся три фактора. Первый — небывалое численное преобладание новых разрушителей цивилизации в соотношении 7:1, если считать Китай и не считать Южную Америку. Второй — преобладающая энергетика западной цивилизации (в отличие от энергетики конницы варваров). Третий — возможность наступающих исполь-

зовать нетрадиционные методы диверсионной партизанской войны и разрушительные средства, добытые или доставленные самой цивилизацией. К этим трем зависимым переменным добавляются две независимые: позиция Китая и сплоченность цивилизованной части мирового сообщества. В послевоенные годы, в бурную эпоху распада империй, борьбы за национальное освобождение колоний и стремительного экономического и социального развития передовых индустриальных стран проблема неравномерного, угрожающего конфликтами развития мира вызвала к жизни идею создания нового Мирового порядка.

Идея Мирового порядка есть выражение объективных исторических процессов объединения, обобщения, выравнивания и т.д. Те страны и общества, которые дальше зашли и порождают интеллектуальную элиту, которая формирует эти идеи, скорее расположены воспринять и претворить их. Поэтому неразвитые общества, ради которых в значительной степени эти идеи задуманы, менее всего их могут воспринять. Тогда, если дойдет до ультраисторической необходимости реализовать часть из них (ликвидация военной или/и экологической опасности и т.п.), развитые общества вынуждены будут навязывать их неразвитым.

Формирование нового миропорядка и в самом деле весьма не просто. Уже на ранней стадии модернизации может появиться либо удовлетворение достигнутым, либо сознание того, что дальше первых достижений страна не пойдет — не сможет или не захочет. В этом последнем случае может возникнуть комплекс неполноценности, стремление или смириться или, напротив, возложить вину в своей несостоятельности на другие, более успешные страны. Если к такому сознанию присоединяется какая-либо архаическая идеология, оппозиция модернизации вполне возможна. Неполная, незавершенная или частичная модернизация обычно ограничивается сферой или сферами, которые представляются наиболее значимыми либо, еще чаще, наиболее срочными и доступными, а также легче других пригодными для утилизации и подготовленными предшествующим развитием. Хорошо еще, если такой неотложной сферой оказывается сельское хозяйство («зеленая революция») или развитие бытовой и транспортной техники (например, Южная Корея, Тайвань и др.), но, к сожалению, в большинстве случаев модернизация — это вооружение (Германия до и после первой мировой войны и довоенная Япония, и многие современные страны так называемого «третьего мира», которые хотят стать первыми). Частичная модернизация может сочетаться с культивированием и доминированием некоего собствен-

ного духовного капитала — автаркии, militarной культуры, разного рода традиционализма и фундаменталистской религии. Такого рода «отдаленная гибридикация» архаики и современности способна создать гремячую смесь агрессии, направленной против современной цивилизации, с новыми имперскими утопиями. Мир уже испытал такого рода эффект в первой и второй мировой войнах⁹.

Международный терроризм создал новую глобальную проблему двойного рода — негативную со стороны агрессора и позитивную со стороны защитников цивилизации. Отсюда и новая глобальная задача покончить с терроризмом прежде, чем какая-либо техногенная или го-могенная катастрофа накроет своими волнами планету, чтобы встретить ее во всеоружии дисциплинированной глобальной организацией.

Модернизация охватывает и сами глобальные процессы, и саму цивилизацию. Однако ход модернизации и ее результаты отнюдь не предопределяются благими намерениями ее инициаторов (точнее говоря, реформаторами неолиберального толка).

С возникновением некоего нового единства прогностическая и экологическая теории несомненно связывает ряд надежд, которые могут быть продиктованы достаточно искренним стремлением обрести средства управления хаотическим технико-экономическим развитием. Они надеются научиться управлять неуправляемыми ныне важнейшими экономическими силами (здесь явно звучит надежда на некую «инженерию» — в данном случае, экономическую), чтобы упорядочить мировую экономику. Современные национальные государства в этом свете представляются пережитком — порождением промышленной революции. Они не могут справиться с проблемами, вызванными к жизни переходом к сверхиндустриализму. Свою задачу они выполнили. Теперь они должны либо исчезнуть, либо утратить свое прежнее могущество. Важнейшие экономические решения все более ускользают из-под контроля национальных правительств с их демократическими порядками, гласностью, отчетностью и медлительностью. Многонациональные корпорации, как полагают приверженцы нового единства, знают секрет стабильности. Уже сейчас наряду с национальными государствами и помимо них они содействуют образованию определенных форм транснационального управления.

Особая роль в реорганизации мировой экономики и спасении ее от кризиса возлагается на сверхнациональные международные связи. Если же экономические меры для предотвращения конфликта окажутся недостаточными, — указывают М. Месарович и Эд. Пестель, — то потребуются более специальные по налаживанию межрегиональных отношений. «Наш компьютерный анализ показывает, —

пишут они, — что глобальная кооперация дает больше, чем всеобщий конфликт. ...Кооперация есть научно возможный, политически осуществимый и абсолютно важнейший модус поведения ради органического роста мировой системы»¹⁰. «Но, — подчеркивают эти авторы, — кооперация требует от народа всех наций принятия того, что само не приходит легко. Кооперация по определению предполагает взаимозависимость. Возрастающая взаимозависимость между нациями и регионами должна вести к уменьшению независимости»¹¹. Глобальные меры по созданию кооперации изложены ими следующим образом.

1. Мир может рассматриваться только в соотношении с преобладающими различиями в культуре, традициях и экономическом развитии, т.е. как система взаимодействующих регионов. Гомогенный взгляд на такую систему неплототворен.

2. Скорее, нежели крушение мировой системы, могут произойти катастрофы или крушения на региональном уровне, вероятные в течение середины предстоящего столетия, хотя бы в различных регионах и по разным причинам и в разное время. Так как мир является системой, такие катастрофы будут глубоко воздействовать на весь мир.

3. Выход из таких катастроф мировой системы возможен только в глобальном контексте при помощи соответствующих глобальных акций. Если основа таких акций не развита, ни один из регионов мира не сможет уйти от последствий этих катастроф. Для каждого региона поворот должен наступать в положенное время.

4. Такие глобальные решения будут осуществимы только путем сбалансированного, дифференцированного роста, аналогичного органическому росту, а недифференцированному. Неоспоримо, что второй тип роста подобен раковой опухоли и в конечном счете фатален.

5. Отсрочка разработки такой глобальной стратегии не только чревата уроном и расходами, но смертельно опасна. В этом смысле мы настоятельно нуждаемся в стратегии выживания»¹².

Этот экономически и технологически единый мир и должен, по мысли Г.Кана, образовать контекст дальнейшего развития единой, но многополюсной, отчасти соревновательной, в высокой степени глобализованной и технизированной экономики, которую характеризует всеобщее понимание процесса и техники устойчивого экономического развития; всемирная возможность развивать современную промышленность и технику, необходимые национальные и международные институты для поддержки подобного экономического роста; всемирная зеленая революция и широчайшее использование энергии и минеральных ресурсов, но в ближайшие годы все еще нехватка пита-

ния, энергии и удобрений по умеренным ценам. В конце периода — избыток (в сравнении с современным уровнем) энергии, ресурсов и средств; возмущение, продолжающаяся враждебность к росту значения многонациональных корпораций, обновляющих и развивающих повсеместно экономическую активность и выступающих силой быстрого роста; большое развитие финансовых инструментов.

Решающую роль в формировании экономических основ нового мира сыграло запоздалое открытие нарождающейся новой цивилизации: имперские завоевания, борьба за клочки земли, войны за политическое и экономическое государство, которое могут заменить и успешно заменяют торговля, обмен продуктами жизнедеятельности в организованной, рациональной системе международных отношений.

Общие черты этого нового порядка наметили члены Римского клуба М.Месарович и Эд.Пестель, которые заканчивают свою работу важными выводами. Они наглядно свидетельствуют об установках своеобразной гуманистически направленной цивилизационной теории.

1. Люди должны способствовать созданию мировой системы, осознанно влиять на нее. Иначе они очень легко могут стать ничем иным, как пассивными пассажирами в путешествии, путь которого проложен по карте внешними силами.

2. Бессмысленность узкого национализма должна быть понята и признана аксиомой основополагающих решений. Глобальные выходы могут быть достигнуты только путем глобально концентрированных действий.

3. Развитие практических международных основ, необходимых для возникновения нового человечества на путях органического роста кооперации, станет материальной необходимостью, а не плодом добрых пожеланий и предпочтений. Равновесие между составными частями мировой системы требуется, чтобы добиться этих целей; среди других условий для этого необходимо четкое региональное согласование и ускоренное развитие определенных частей мира. Такое развитие и служит наилучшим образом интересам всех регионов, т.е. всего земного шара¹³.

На индивидуальном уровне изменения должны состоять в следующем:

1. Мировое сознание должно быть развито через понимание каждым индивидом его роли как члена мирового сообщества. Голод в тропической Африке должен рассматриваться как существенно важное событие, столь же тревожное для граждан Германии, как и

голод в Баварии. Должно стать частью сознания каждого индивида, что единство, лежащее в основе человеческого сотрудничества и, следовательно, выживания, есть движение от национального к глобальному уровню.

2. Должна быть развита новая этика в использовании материальных ресурсов, которая будет резюмироваться в стиле жизни, соответствующем наступлению эры скудности. Она будет требовать новой техники производства, основанной на минимальном использовании ресурсов и живучести продукции в большей степени, чем производственные процессы, основанные на максимальной выработке. Люди будут гордиться спасением и сбережением, а не расточительством и расходами.

3. Отношение к природе будет формироваться скорее на основе гармонического союза, нежели на покорении. Только на этом пути может быть реализовано на практике то, что уже принято в теории — что человек есть интегральная часть природы.

4. Если человеческому роду суждено выжить, человек должен развить в себе чувство идентификации с будущими поколениями и быть готовым доставлять блага ближайшим поколениям, благодетельствуя тем самым и себя самого¹⁴.

5. Единство мировой системы не следует понимать как «монолитность» и униформность (одно правительство и т.п.). Как в естественной экологической системе, разнообразие есть ключ к адаптации, которая, в свою очередь, есть ключ к выживанию. Кроме того, по аналогии с природой разнообразие должно существовать в гармонии, если оно предназначено способствовать адаптации системы как целого. Разнообразие традиций и культуры, ощущение каждым человеком своего места под солнцем необходимо для мобилизации моральных сил, несомненно обязательных для приобретения воли к изменениям¹⁵.

6. Не существует технической панацеи экологическим проблемам, которые выливаются в кризис населения — питания — окружения, хотя примененная надлежащим образом в таких областях, как сокращение загрязнений, коммуникации, контроль рождаемости, техника могла бы обеспечить нас существенной помощью. Что нам нужно в конечном счете — это резкое преобразование наших *привычек*, нашего поведения, в частности, в отношении к деторождению, экономическому росту, технике, природному окружению и к средствам разрешения наших конфликтов.

Государственность будущей России

Современные угрозы планетарных катастроф выдвигают императив глобального управления, единого могущественного центра власти. Планета все в большей мере нуждается в глобальном управлении, иначе говоря, в мегавласти, включающей принуждение к исполнению общих задач и к общей дисциплине. ООН создавалась в расчете на договорное согласие и взаимодействие, подкрепленное пактами и декларациями. Лишенная силы, способной принуждать в случаях неповиновения к их исполнению, она во многих случаях оказывается недееспособной, не говоря уже о практически неизбежных трудностях согласования мнений и решений.

Средствами решения глобальных проблем и осуществления Нового мирового порядка может стать радикально реорганизованная и укрепленная ООН и/или несколько ведущих супердержав мира.

Для этого потребуются и существенная модернизация государственности самих этих стран.

Страны (или союзы государств), способные осуществить глобальные задачи, не могут и не должны быть идентичными. Эта идентичность желательна, но не обязательна, а часто и невозможна. Но от них требуется единство интересов, целей и их решений, а главное, адекватная задачам политическая, экономическая и культурная характеристика, общее планетарное мировоззрение, без локальных политических уловок, местного и национального эгоизма. Требуется, иначе говоря, новое качество государственности, внутреннее единство и международная солидарность. В этом качестве и можно видеть одну из основных сторон глобализации (снова проблема единства).

Важнейшим условием решения глобальных проблем будет, естественно, достижение международного мира. Но он, в свою очередь, достижим только при реализации внутреннего мира в каждой его части, т.е. мира государства и общества, их обоюдного развития и взаимодействия. Страны, не сумевшие или не успевшие решить эту задачу, не смогут решить и международные проблемы и, скорее всего, будут мешать их решению. Глобализация, в первую очередь, и состоит в осуществлении этих внутренних целей.

В мире, будущий образ которого был только что обрисован, России надлежит занять подобающее ей место. Тот факт, что мир не будет единообразным, ставит перед каждым государством, в том числе и перед Россией, вопрос: в каком из его регионов, на каком уровне развития того или иного региона то или иное государство, в том числе и Россия, сможет занять себе место.

Хотелось бы надеяться, что XXI столетие станет решающим и переломным этапом в истории нашей страны.

В свое время Макиавелли высказал мысль, что странам, как и людям, может сопутствовать удача («Фортуна») и неудача.

У Макиавелли — это не «колесо Фортуны», не смена взлетов и падений. Это *удача*, которая может не повторяться в жизни государства и народа. Ее антиподом является *неудача*, которая может быть временной, периодической, затяжной и постоянной. В истории было и есть немало народов-неудачников. К ним относятся, в частности, евреи и русские, вообще россияне. Маленький еврейский народ библейской Палестины вряд ли когда-либо был удачлив. Его уводили в плен то египтяне, то ассирийцы, наконец, покорили римляне. Окончательно погубило евреев не распятие Христа, а фанатическое стремление освободиться от Рима. Кто заплатил за такую попытку? Карфаген и Палестина (Иудея). Кто уцелел? Все остальные: более гибкие — греки, германцы, кельты, египтяне и пр. Результат известен: изгнание и полторы тысячи лет преследований и истребления.

Россия всегда была жертвой нашествий, собственной отсталости и других пороков. Россия дольше и мучительнее других народов Европы боролась с феодализмом, крепостничеством, не сумела модернизировать монархию¹⁶, удерживать добытую ценой невероятных усилий и жертв демократию и пережила две неудачные кровопролитные войны, интервенцию, невиданную в истории гражданскую войну и колоссальный государственный террор. И все это — с неисчислимыми человеческими потерями. Были затрачены гигантские усилия для того, чтобы построить социализм, но что из этого вышло, всем известно. Затем снова началось формирование демократии, но и это дело на лад не пошло. Началось «строительство» капитализма (так называемых «рыночных отношений»). Но и с ним что-то не ладится: капиталистов много, а капитализма нет. Поэтому, несмотря на талантливость народа и несомненные достижения в ряде областей производства и знания, Россия подошла к эпохе глобализации в ситуации непреодоленного системного кризиса.

Поворот, которого мы все так ждем и который представляется категорическим императивом нашей истории, должен был бы состоять в смене этой парадигмы неудач, решительным выдвижением в авангард глобального прогресса.

Ключевым фактором этого движения должна стать новая модель государственности будущей России. Эта государственность должна обрести четкую демократическую общественную основу. Она не может стать партийной государственностью, или судебно-прокурорской,

или сыскной, или бюрократической, или армейской, она может быть только гражданской. Гражданственность государства — это его наиболее надежная основа, источник силы, новых идей и ткань критического самосознания, которое обеспечивает благожелательный и конструктивный контроль политики и власти и эффективный самоконтроль самого государства.

Пора, наконец, применить в государственной политике тот рычаг, который англичане открыли еще в XVII веке после революции: «лояльную оппозицию» в парламенте и вне его («оппозицию Его Величества»).

Всем хорошо известно, что государственность гражданского типа органически связана с гражданским же обществом. Однако в России (в утешение нам скажу, что и не только в России) оно еще не существует. Ошибочно думать, что если страна населена гражданами, т.е. подданными того или иного государства, и если диктор в аэропорту объявляет: «Граждане пассажиры, пройдите на посадку», то это и свидетельствует о существовании гражданского общества. На деле же гражданское общество — это особая совокупность людей с особыми, именно им присущими качествами.

Гражданское общество не создается указами, законами, по распоряжению того или иного руководства страной или руководящей партии.

И хотя историческая задача современной России и в этом вопросе так же, как это было, например, с историей советской индустриализации, диктует необходимость ускоренного развития, сложность и суть этого развития не должны упускаться из виду.

Каковы же все-таки пути к гражданскому обществу? Чтобы ответить на этот злободневный вопрос, желательно, как я полагаю, постараться лучше понять, что оно собой представляет и какой исторический путь прошло. Напомним, что у современного гражданского общества есть долгая предыстория. Она началась в Западной Европе в романо-средневековую эпоху — после разгрома Римской империи. Основой этого начального развития стало возрождение остатков античной (греко-римской) полисной демократии. Романский *город* (более точно — города Северной Италии и Южной Франции, наиболее романизированные, позже — города Северной германской Европы и других ее частей), именно город стал хранителем античной традиции.

В городах, начиная с VII в. н.э., появились очаги демократического самоуправления. Ими стали аристократические военно-феодальные коммуны, образованные обезземеленными выходцами из феодальных вотчин. В те беспокойные времена они охраняли город от

грабителей, от войск собственных королей (вспомним отчаянную оборону Флоренции от войска франкского короля, будущего Карла Великого) и от армий императоров Священной римской империи германской нации. Город оказывал сопротивление государству и стремился к независимости. И хотя города оставались под эгидой центральной власти и церкви, им удалось распространить свое влияние и власть на их провинциальное окружение, особенно экономическое влияние вплоть до права взимать налоги. Так реконструировались подобия античного полиса, города-государства — Ломбардия, Тоскана и мн.др.

Процесс демократической самоорганизации города медленно, но неуклонно продолжался. В аристократическую коммуну влились богатые и знатные горожане («старая буржуазия»), затем возникли коммуны молодых буржуа — нового торгово-промышленного сословия, и, наконец, образовались народные коммуны ремесленников и прочего люда. Именно этот процесс, который продолжался добрую тысячу лет, стал школой демократической политической организации городского общинного сообщества со всеми ее атрибутами: выборными органами власти, определением и распределением взаимных прав и обязанностей, коллективизмом и опытом политической борьбы, результатом которой стало возникновение местных (провинциальных) парламентов, а затем и центральных. Не случайно, отметим кстати, большинство социальных революций были городскими и, более того, столичными революциями, стимуляторами демократических и гражданских преобразований.

Весь этот процесс был бы невозможен без формирования гражданских отношений, вначале в рамках общины, а затем и в пределах всего города и целой страны. Эти отношения служили и воспитанию гражданственности самих граждан — свободных членов коллектива, осознававших и свою ответственность перед ним, и свою личную свободу в его пределах, а затем и вне его. В городской демократической самоорганизации готовился индивид, свободный член нового раннебуржуазного общества, гражданин с особыми качествами, очень близкими к тем, которые назвал М.Вебер в «Этике протестантизма»: с чувствами долга, чести, ответственности, деятельными и нравственными. Иными словами, готовился индивид, способный стать личностью — гражданином нового общества. В этом обществе развивается деятельная ассоциативная жизнь партий, профессиональных союзов, общественных и культурных объединений; оно активно, осознанно и без принуждения участвует в политике и способно организовать собственное самоуправление.

Гоббс обобщил этот процесс в своем проекте гражданского общества. В нем доминировал еще один мотив: выход из хаоса и безвременья XVI—XVII вв. И еще более раннего — религиозных войн, крестьянских восстаний, бесчинств инквизиций и кровавых деспотов в Англии и в Москве — Генриха VIII и Ивана IV, охоты на ведьм (стоившей жизни 250 тыс. женщин, обвиненных в колдовстве и сожженных на кострах), охоты на кошек (!), уличенных Святым престолом в сношениях с нечистой силой, жертвами которой стали 400 тыс. кошек и тысячи людей, погибших от последовавшей за этой охотой эпидемией чумы. Преобразовать это «естественное состояние» необузданной свободы причинять зло, беспредельного насилия и страха смерти, «войны всех против всех» Гоббс и предложил силами объективно возникающего гражданского общества. Для этого требовалось соглашение («пакт») граждан об отказе от взаимного насилия, от части своей свободы и передача права на законное насилие государству, которое должно было установить внутренний мир. Возникавшее из этого соглашения упорядоченное общество он назвал гражданским.

Сделаем теперь некоторые выводы. Во-первых, вывод о необходимой связи демократического развития с формированием гражданских отношений и человека нового типа. Иных вариантов развития нам не дано. Во-вторых, гражданское общество возникает в городе, это общество горожан. Гражданин — это горожанин: *civis* (гражданин) связан с *civitas* (городом, это было и наименование Рима), это общество горожан (в его первоначальном значении) и еще точнее — общество городских буржуа (наиболее развитой и эволюционирующей части города). Более всего заметна эта синонимия в немецком термине: *bürgerliche Gesellschaft*, где *Bürger* и горожанин, и буржуа. Локк через полстолетия ввел специальный критерий гражданского общества — наличие собственности, подчеркнув тем самым буржуазный статус гражданина («Второй трактат о правлении»). Правда, локкова собственность — это скорее просто имущество, но и это показательно — обладание им обязывает к ответственному поведению. Отсюда одно затянувшееся до наших дней недоразумение: представление о том, что социальной основой гражданского общества служат пресловутые средние классы мелких и средних собственников. Между тем в современных странах, где эти классы в самом деле развиты, отношение к ним давно пересмотрено: не средний, а **новый** класс профессионалов всех видов деятельности без апелляции к имущественному цензу признается социальной основой гражданского, демократического и общественного развития. Так и произошло в реальной истории дореволюционной России.

Путь к образованию гражданского общества еще нигде и никем до конца не пройден и, возможно, никогда не будет пройден до конца. Он бесконечен, как путь ко всем идеальным и абсолютным ценностям. Повторить или заново пройти этот сложный исторический маршрут не суждено большинству стран мира, в том числе и России. Его повторение и не нужно, ибо известны главные составляющие гражданского общества — свобода, равенство, право, честь, совесть и многое другое. Бороться за них, овладевать ими посылно и необходимо. Из них, как из фрагментов целого, и образуется общество подлинных граждан.

Исторический смысл становления гражданского общества тоже очевиден — становление нового типа личности, коллективности и политического руководства. Гражданское общество — это не все общество, не весь народ и тем более не вся совокупность населения страны. Это лишь лучшая, наиболее развитая и динамичная, связанная с прогрессом общества часть социума¹⁷. Поэтому подлинно гражданское общество может составлять лишь меньшую и даже незначительную часть общественно целого. Эта часть может сужаться или расширяться с тенденцией охватить в более или менее отдаленной перспективе большинство, либо общество в целом. Поэтому гражданское общество — это процесс и составная часть общественного и исторического процесса, не только результат, но и показатель, и фактор прогресса общества.

В этом смысле гражданское общество подобно демократии и либерализму: первоначально локальным, но расширяющимся явлениям с определенной сословной и классовой идентификацией — городской феодально-буржуазной общиной, аристократической элитой, сословием буржуа, просвещенным дворянством, интеллигенцией; затем — расширяющейся средой городских и сельских рабочих, фермеров, крестьян, политического класса, армии, репрессивных органов и бюрократии.

Поэтому должна расширяться *социальность* гражданского общества по мере того, как оно становится *массовым*.

Гражданское общество независимо от государства и не подчинено ему, напротив того, оно включает государство и наделяет его инструментальными функциями (управление, мир, порядок и т.п.). Такова именно либеральная модель гражданского общества в отличие от гегелевской, в которой оно разделено с феодальным государством и, безусловно, ему подчинено.

Гражданское общество политически активно и организовано (это «политическое общество», по мысли Гоббса). Оно участвует в управлении страной и, кроме способности ассоциироваться, способно под-

держивать с государством, которое оно создает, равноправные договорные (конституционные) отношения, включающие социальный контроль власти.

Роль государства в формировании гражданского общества может состоять в его поддержке и стимулировании на правах партнерства равных политических сил и договорных отношений между ними. Тогда государственное строительство новой России станет общим делом этих двух сил. Тем самым будет обеспечена сильная, дисциплинированная, волевая, целеустремленная государственность и такое же общество. Условием эффективности такой государственности будет гармоничное сочетание равнозначных политических и общественных начал: открытого общества и публичной политики, гласности и откровенности власти, взаимной ответственности и общей дисциплины.

Во внутренней политике новая государственность должна будет точнее и рациональнее разрешить проблему федерализма. В условиях глобализации этот вопрос будет особенно важен: станет ли новая государственность унитарной или федеративной в действительности и без ограничений. В этом последнем случае государство перестанет переживать синдром сепаратизма, шовинизма, национализма и сумеет разумно и без конфликтов строить межнациональные отношения, которые не только в России, но и во всем мире будут все более сложными. Отмечу здесь, кстати, что пространственная мобильность населения, материальное и культурное неравенство многих стран, возможность перемещения, обусловленная сохранением постколониальных связей в условиях интернационализации общения, уже стала одной из острых проблем современного мира.

Сформированная таким образом государственность окажется в состоянии решить и самые необходимые общественные задачи: провести полную экономическую, научно-техническую, демократическую, культурную модернизацию страны. Выйдя, таким образом, на уровень развития передовых стран мира, Россия сумеет, наконец, освободиться от порочащих честь и достоинство страны связей с отсталыми, опасными, агрессивными и недемократическими режимами и выбрать себе достойных и надежных исторических партнеров.

Примечания

- ¹ *Wallerstein I.* The modern world system. N.Y., 1974. P. 348.
- ² *Laszlo E.* The inner limits of mankind. Heretical reflections on today's values, culture and politics. Oxford ets., 1978. P. 12.
- ³ *Ehrlich P.* and A. Population. Ressources. Environment: problèmes de l'écologie humaine. P., 1972. P. 73.
- ⁴ *Мусеев Н.Н.* Человек, среда, общество. М., 1982, а также: Путешествие в одной лодке // Химия и жизнь. 1977. № 9.
- ⁵ *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем // Вопр. философии. 1980. № 2. С. 30.
- ⁶ *Фролов И.Т.* Научная концепция глобальных проблем // Государство и общество. М., 1985. С. 195.
- ⁷ *Buckinham W.* Theoretical economic systems. A comparative analysis. N.Y., 1958.
- ⁸ См.: *Кравченко И.И.* Экологическая проблема в современных западных теориях общественного развития. М., 1982.
- ⁹ *Кравченко И.И.* Модернизация мира и современной России. Выход из кризиса // Вопр. философии. М., 2002. № 9.
- ¹⁰ *Mesarovic M., Pestel Ed.* Mankind at the turning point; The second Report tp the Club of Rome. N.Y., 1974. P. 111.
- ¹¹ Ibid. P. 113.
- ¹² *Mesarovic M., Pestel Ed.* Op. cit. P. 55.
- ¹³ Ibid. P. 144–145.
- ¹⁴ Ibid. P. 147.
- ¹⁵ Ibid. P. 55.
- ¹⁶ Половина европейских государств останется и по сей день монархическими, но притом конституционными демократическими странами.
- ¹⁷ Было бы весьма странным и противоречащим собственному смыслу *гражданское* общество, наполненное противоправными, антиобщественными элементами, политическими и уголовными преступниками, коррупционерами, взяточниками и пр. социальными отходами.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ПСИХОДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ)

Сущность и основные характеристики глобализации в свете современных научных представлений

Непреложным фактом действительности стало явление, властно вторгшееся в нашу жизнь и получившее название глобализация. От того, как она будет развиваться, в значительной степени зависит судьба российского государства и каждого его гражданина. Но при этом странным образом выясняется: чем определеннее и жестче так называемая глобализация вторгается в жизнь человека, затрагивая все аспекты его существования, тем более туманной и расплывчатой она представляется во множестве научных и публицистических интерпретаций.

Свою лепту в дезориентацию сознания вносят СМИ и Интернет. С одной стороны, они способствуют хаотизации понятия глобализации, а с другой, — унифицируя мышление, ставят преграды на пути проникновения в подлинный смысл этого явления, мешают дать адекватное определение тому, что происходит в мире.

К этому следует добавить, что ряд публикаций, не согласующихся с доминирующими взглядами, попадают в разряд маргинальных и замалчиваются как не заслуживающие внимания. Однако сложность и широта этой темы требуют того, чтобы ни одна деталь, ни одно наблюдение не остались без внимания исследователя. Задача в том и состоит, чтобы собрать сложную мозаику разных фактов и событий, упорядочив их во времени и за счет обозначения целого воссоздать общую картину.

Само существование глобализации не вызывает сомнений и никем не оспаривается, несмотря на то, что термин «глобализация» подвержен такой безбрежно-расширительной интерпретации, что практически потерял смысл. При попытках дать строгое опре-

деление содержания и основных характеристик этого понятия возникают немалые трудности, связанные с резкой политизацией и идеологизацией глобальных явлений. Споры вокруг глобализации перешли из области научных дискуссий в сферу общественно-политической борьбы (А.Б.Вебер). Глобализация представляется даже как война нового типа, еще плохо изученная и на исследование которой в значительной степени наложено табу (А.Зиновьев). Однако еще совсем недавно глобализм означал систему мышления, озабоченного глобальными проблемами современности. Сегодня это уже некая модель мира, не существовавшая никогда прежде и подвергающаяся различным идеологическо-политическим интерпретациям.

Если обратиться к многочисленным определениям понятия глобализации, то следует выделить прежде всего формулировку МВФ, которая занимает среди них центральное место. Эксперты МВФ понимают под глобализацией ускорение экономической интеграции посредством торговли, финансовых потоков, технологических инноваций, информационных сетей и взаимовлияния различных культур. «При этом, как подчеркивает депутат парламента Финляндии К.Кильюнен, национальные экономики сливаются в единую глобальную экономику, состоящую из взаимозависимых компонентов»¹.

В это абстрактно-нейтральное определение вносит концептуальное уточнение английский исследователь З.Бауман, который считает, что понятие «глобализация», введенное в оборот лишь в начале 80-х годов, пришло на смену другому понятию — «универсализация». «Термин “глобализация”, пишет он, — утвердился в современном обиходе на месте, которое в эпоху модернити занимал термин “универсализация”, и это произошло главным образом в силу того, что “глобализация” говорит о том, **что с нами происходит, в отличие от того, что** имеет в виду “универсализация”, т.е. от того, что мы **хотим, должны или собираемся сделать**»². Тем самым он подчеркнул ее принудительный характер и резко уменьшившуюся степень свободы человека в современную эпоху.

Отождествление понятий «глобализация» и «универсализация» широко представлено и в нашей научной литературе³. При этом многие определения «глобализации» на самом деле имеют в виду «универсализацию», понимаемую, как правило, в рамках прогрессистского, линейного и гомогенного видения истории. То есть глобализация абстрактно и расширительно мыслится как всемирно-исторический процесс, истоки которого коренятся в самой природе человека и человечества.

Так Н.А.Косолапов определяет глобализацию как «продвижение к большей, более высокой целостности социального мира; но одновременно и определенный этап такого продвижения (никоим образом не последний). По-видимому, глобализация подготавливает социальный (в отличие от научного, исследовательского, военного и т.п.) выход человечества в космос...»⁴.

Для Э.А.Азроянца глобализация — это вектор исторического процесса: «Высшей целью человека и Человечества является творчество как единственный способ воссоединения с Всеобщим. С этих позиций целью процесса глобализации можно считать достижение предельной общности Человечества, которая объединяет самые различные составляющие и которая построена на принципах творчества, свободы и любви»⁵.

А.П.Назаретян подтверждает эту позицию ссылкой на факты культурной антропологии и в связи с этим считает неверным вывод о том, что глобализация представляет собой абсолютно новое явление последних десятилетий, одно из проявлений «монадного» взгляда на историю, игнорирующего факты культурной антропологии⁶.

М.А.Чешков солидаризируется с характеристиками глобализации «как процесса “собираения различного”, имеющего глубокие корни в самой природе человечества и проявляющегося на протяжении всей истории его эволюции»⁷.

Вместе с тем другие исследователи (В.М.Коллонтай, например) констатируют, что «глобализация — это коренная трансформация имевших место ранее процессов интернационализации хозяйственной, культурной и политической жизни человечества, их резкое ускорение и глубокое качественное преобразование»⁸. В связи с этим многие ученые интерпретируют глобализацию как явление современной эпохи (впервые вошедшее в употребление в 80- гг. XX в.), связанное с рождением *нового мирового порядка, выделением золотого миллиарда* и т.п.

Это различие понятий и смешение смыслов, вкладываемое в определение глобализации, уловил А.Б.Вебер и предложил для удобства ведения дискуссий как-то маркировать различные случаи употребления одного и того же понятия, например: глобализация—1, и глобализация—2. Такая необходимость, по мнению ученого, обусловлена тем, что «в мире разворачивается движение противников глобализации, которое набирает силу; однако оно направлено, конечно, не против мирового исторического процесса, а против политики США, Всемирного банка и других глобальных субъектов»⁹.

Кроме того, следует определить основное содержание понятия «глобализация». В качестве такового чаще всего выделяют формирование всемирных связей (экономических, политических, информационных и пр.), стягивающих мир в единое целое. Н.П.Иванов пишет, например: «*Именно усиление взаимных связей, взаимных зависимостей и уязвимости людей, общности и государств, которое приобрело к концу XX века глобальные масштабы, и является основным содержанием феномена глобализации*»¹⁰. Иными словами, всемирные связи являются синонимом единства мира.

При таком понимании все сводится к коммуникативному дискурсу, который, как правило, линейен, малоинформативен и не дает, в отличие от нарративного дискурса (современный методологический подход), объяснения в связи с некоторой целью, проектом или целым человеческой истории. Если же рассматривать глобализацию в нарративном дискурсе, тогда многие процессы, кажущиеся непонятными и не укладывающиеся в «основное содержание глобализации», находят свое объяснение. Это обусловлено тем, что «нарративное упорядочивание идет за счет увязывания отдельных событий во времени, указания тех последствий, которые одни действия имели для других, связывания событий и действий во временной образ»¹¹. В результате обнаруживается главная сущностная черта глобализации, которая состоит вовсе не во всеохватности мира, как утверждают апологеты глобализма, а в мировом господстве и мировом управлении миром.

Различное толкование глобализации, связанное с идеологическо-политической ангажированностью авторов обусловило особенно острый характер вопроса об объективности глобализации. Вебер отмечает, что для некоторых «глобализация представляет собой объективный процесс, который надо принимать таким, каков он есть, и что к нему можно лишь приспособляться, а противостоять ему бессмысленно»¹². Аналогичные суждения звучали на Международной научной конференции (Москва, 2002), когда утверждалось, что процесс глобализации носит исключительно объективный характер, он неизбежен, и ставить вопрос о борьбе с глобализацией бессмысленно¹³.

Более того, «для тех, кто не понимает или не хочет понимать объективной предопределенности такого процесса, как глобализация, он представляется либо заговором коварных монополистов, империалистов и прочих врагов “всего прогрессивного человечества”, которыми коммунистические идеологи на протяжении десятилетий стращали население собственной страны, государств социалистического содружества и развивающихся стран, либо вообще непонятным и ужасным Армагеддоном, которого нужно остановить, во что бы то ни стало»¹⁴ (Ю.В.Шишков).

Утверждение о том, что глобализация — объективный, закономерный процесс, воплощение некоего «железного закона», навеяно, несомненно, универсалистским, «всемирно-историческим» подходом. В соответствии с ним прокламируется взгляд, сформировавшийся под очевидным влиянием успехов естествознания, согласно которому исторический процесс протекает бессознательно, управляется имманентными, не зависящими от воли людей законами и автоматически приводит к нужному состоянию. Такое уподобление общества объекту естествознания позволяет, как минимум, исключить из социального процесса субъективность человека, его иррациональность и свободу¹⁵. А как максимум — представить «ничейным» имеющий огромную значимость процесс политической интеграции мира (А. Зиновьев).

Между тем в философии давно уже считается аксиомой, что «объективный процесс» в социальном мире выступает как такая его часть, которая находится во взаимодействии с субъектом. Вещные формы социального процесса в определенных исторических ситуациях могут обезличить или сделать анонимными действия людей, но не могут их подменить. Классики марксизма были, безусловно, правы, когда призывали не ограничиваться указанием на необходимость и объективность процесса, а выяснять, какие именно социальные силы дают содержание этому процессу и определяют эту необходимость, т.е. определить субъект, ибо в социальном мире все управляется субъективно¹⁶.

Акцентирование объективности глобализма скрывает на деле, как отмечает А.С. Панарин, презумпцию «совпадения особых интересов исторического субъекта — гегемона с целями-векторами всемирной истории, как бы передоверяющей историческому авангарду (на период, пока длится его авангардное время) право вершить судьбы людей от ее имени»¹⁷. Отрицание субъекта, как представляется, вызвано сугубо идеологическими мотивами. Убедительно звучит в этой связи высказывание одного из авторов «Независимой газеты»: «Дело в том, что победивший в конце XX в. в англосаксонском (англо-американском) ядре капсистемы идейно-политический тип, подающий себя в качестве неоконсерватизма, но на самом деле являющийся крайне правым радикализмом, логически стремится к уничтожению любой субъектности»¹⁸. Попытки отсечь субъекта при анализе глобализации, вызванные идеологической потребностью, как показывает анализ соответствующей литературы, ведут на деле лишь к укреплению неустранимого субъективизма оценок и выводов.

К этому следует добавить, что внедрившаяся в серьезное обсуждение «объективного процесса» тема «мирового заговора» своей сомнительностью в научном отношении нацелена на то, чтобы дискредитировать и закрыть собой исследование «субъекта». Слово «заговор» действует раздражающе на уважаемых интеллектуалов и вызывает резко негативную реакцию. Но то же содержание, если его выразить в других категориях, может адекватно выразить суть дела.

Между тем независимо мыслящие исследователи выделяют субъекта глобализации. Вот как характеризует «субъекта» один из крупнейших на Западе исследователей глобализации Мануэль Кастельс: ни новые технологии, ни бизнес сами по себе не могли развить глобальную экономику. Главными агентами в ее становлении были правительства стран Большой семерки и контролируемые ими международные институты: МВФ, Всемирный банк и ВТО... Поворотным моментом в формировании этой политики стал почти одновременный приход к власти неоконсерваторов, приверженцев свободного рынка в США (Рейган, 1980) и в Великобритании (Тэтчер, 1979); в 60-е гг. этот курс получил распространение в Европейском сообществе, а в 90-е стал доминирующим в международной экономической системе¹⁹.

Часть российских ученых также отмечает некоторые контуры «субъекта». В.М.Коллонтай пишет: «Одной из важнейших составляющих происходящих перемен является формирование новых наднациональных центров принятия решений, новых (глобальных?) организационно-управленческих структур; транснациональных корпораций, мировых финансовых центров, международных экономических, политических, культурных и иных организаций, интернационально скоординированной преступности. Вырисовывается также формирование с помощью Интернета международных неправительственных (общественных) объединений»²⁰.

Н.П.Иванов отводит ведущую роль в процессе глобализации ТНК и ТНБ, государствам и региональным блокам государств, МФВ, Мировому Банку и ВТО²¹. Л.Л.Фитуни добавляет, что «сами ТНК принадлежат и служат узким группам людей, объединенных общими экономическими (прежде всего финансовыми) и идеологическими целями. ...Число таких финансово-идеологических групп (ФИГ) в мире на порядок меньше, чем ТНК. Однако в нынешних условиях именно они определяют основные направления глобального развития, в той мере, конечно, в какой это вообще может определяться человеком»²².

С.В.Пронин отмечает «закулисный», но весьма существенный факт усиления роли одного из важнейших субъектов глобального социального пространства — финансовой олигархии как крупнейшего

игрока мировой экономики и абсолютного лидера глобальных экономических процессов. Олигархи оперируют финансовым капиталом, скорость оборота и масштабы которого неимоверно возросли благодаря информационным технологиям и колоссальному размаху деятельности фондовых бирж и валютных операций на огромном территориальном пространстве. Их сила и могущество во много раз превышает мощь отдельных государств²³.

Яркую историческую характеристику этого «субъекта» дал А.И.Некlessа: «Novus Ordo переводится ведь не только как “новый порядок”, но и как “новое сословие”. Проблема эта столь глубока и многомерна, что осознавалась и схоластически осмысливалась уже в период великого перелома первых веков II тысячелетия, иначе говоря, у истоков современной фазы западноевропейской цивилизации. Контур нового класса проступал в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ (как географических, так и нравственных). Диапазон его представителей — от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков. Ростовщичество, ссудный процент недаром запрещены в Библии (Исх. 22,25; Лев. 25, 35-37. Втор.23 19-20), осуждаются исламом, а вне “религиозного круга” производство денег ради денег подверглось необычайно резкой критике еще Аристотелем, который прямо сравнивал людей, занимающихся подобными делами, с “содержателями публичных домов” (“Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество.... Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе”)²⁴.

Свой вклад в понимание сущности субъекта глобализации внес известный американский общественный и политический деятель Л.Ларуш. Он пишет, что идеологами возникновения безумной идеи создания единого всемирного государства, контролируемого из одного центра олигархами, т.е. идея безраздельной власти над миром, были Герберт Уэллс и Бертран Рассел. Проект зародился еще в начале XX в. «В 1913 г. Уэллс заявил, что ядерное оружие будет тем страшным оружием, которое заставит нации отказаться от своей независимости, отдать власть мировому правительству. Рассел и Уэллс были абсолютно единодушны в данном вопросе, а в 1938-39 гг. США и Англия начинают осуществлять ядерную политику по рецепту Рассела. И уже в 1945 г., не без помощи Черчилля, на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Сделано это было исключительно для того, чтобы запугать народы мира. Последовавшая вскоре “холодная война” с Советским Союзом была предпринята именно с целью реализации плана Рассела проложить дорогу мировому правительству»²⁵. Таким образом, глоба-

лизация является искусственно насаждаемой идеологией и политикой, а отнюдь не воплощением объективного и закономерного хода развития человеческой цивилизации.

С вопросом об «объективности» глобализации тесно связана проблема соотношения *универсального и уникального*. Под «универсальным» сторонники глобализма понимают унификацию схем деятельности, образа жизни, общность современного социального мира. Однако в изменяющемся мире социальный процесс многомерен, а общность социального бытия разных регионов и стран вовсе не означает тождественности их развития, подчиненности одним и тем же целям и социальным стандартам. Заявление об универсальном характере социального процесса на деле скрывает особые интересы наиболее развитых в индустриальном отношении стран, их стремление включить менее развитые страны в заданную индустриальным развитием логику экономических и политических отношений. «Естественно, такое толкование универсализма, — отмечает В.Е. Кемеров, — порождает реакцию со стороны социальных систем, испытывающих давление, формирует в их рамках установки на политическую замкнутость, на культурную неповторимость и национальную исключительность»²⁶. Кроме того, несмотря на постоянное становление и обновление социальной жизни в тех или иных странах, там продолжают оставаться неизменными определенные ее основополагающие формы. И это положение вещей является большой проблемой для сторонников глобализма, которые пытаются ее преодолеть и в то же время скрыть. Иными словами, глобализация не столько формирует некий единый мир, сколько, напротив, скрывает нарастающую фрагментированность цивилизации²⁷.

Такая ситуация позволяет сделать вывод о том, что фундаментальным признаком современной социально-политической и исторической ситуации является, с одной стороны, мощный взрыв национализма²⁸, который происходит под воздействием глобализации и геополитических трансформаций после «холодной войны». С другой — бурное развитие интернационализма, понимаемого в данном контексте как международное взаимодействие государств и развитие интегративных связей, что нашло свое проявление в создании Евросоюза, АТР и др.

Национализм-интернационализм становится новой полярной дихотомией современного мира. Все разговоры об однополярном или многополярном мире лишь маскируют эту основную дихотомию современности, которая становится базовым элементом современного человеческого сообщества. При этом следует заметить, что большое

число дихотомий и полярностей, связанных со спецификой человеческого существования и основанных на взаимном отрицании (мужское-женское, добро-зло, свои-чужие и т.д.), вместе с тем внутренне слитны, обуславливают друг друга. С.Л. Франк, например, о таких дихотомиях писал, «что одно не есть другое и вместе с тем и есть это другое, и только с ним, в нем и через него есть то, что оно подлинно есть в своей последней глубине и полноте»²⁹. То есть они, по мнению ученых³⁰, удивительным образом обладают структурой, сходной со структурой космических дихотомий (правое-левое, высоко-низко, день-ночь, зима-лето и т.д.), которые образуют извечный миропорядок, регулирующий все отношения во вселенной.

Что же касается дихотомии национализм-интернационализм, приходится констатировать, что в том виде, в котором она существует в эпоху глобализма, это не проявление, а разрушение извечного миропорядка. Национализм в современную эпоху — не столько стремление к собственной идентичности, сколько явление, специально культивируемое апологетами глобализма. В результате и национализм, и интернационализм, как правило, приобретают радикальный, чрезмерный и абсолютный характер. Возникает состояние полярного антагонизма, т.е. они превращаются в полную негативность, в абсолютное разделение. О таких дихотомиях Франк писал: «Самость уходит в себя, замыкается в собственной тождественности, становится для себя абсолютом, более того, в своей абсолютной единичности претендует быть всем. В этой безличной тотальности мнимого всеединства самость утрачивает присущую ей индивидуальность, погружаясь в хаос стихийной чистой потенциальности и “необузданно-анархической свободы”»³¹. Именно такой и является новая полярная дихотомия современности национализм-интернационализм, которая являет собой разрыв, нарушающий единство человечества не меньше старой дихотомии Запад — СССР.

Полярный антагонизм (национализм — интернационализм) становится ключом, позволяющим вскрыть смысл современного существования мира.

Прежде всего он дает основания для утверждения того, что глобализма как явления, отвечающего своему названию, т.е. претендующего на всеохватность, нет. Напротив, мир сегодня очень сильно сегментировался. Такой «глобализм» — всего лишь эвфемизм, фикция, очеркной идеологический штамп, во множестве растиражированный по всему миру. В реальности на базе существующих крайнего национализма и крайнего интернационализма существуют *два разных явления*, которые образуют новую полярную дихотомию мира, возникшую после исчезновения СССР.

Первый воплощен в политике США — политике американского *национального* империализма, претендующего на то, чтобы быть правительством всего мира. США сегодня делают ставку на поддержку повсюду националистической идеи, способствует тому, что принцип территориальной целостности начинает уступать место принципу национального самоопределения. Америка поддерживает секулярный арабский национализм, но борется против интернационального ислама. Поддерживает Израиль в вопросах «почвы и судьбы». Не без влияния Америки в мире произошло увеличение числа государств. Так В.А.Никонов отмечает, что «после второй мировой войны договор о создании ООН подписали 50 стран. Сейчас в ООН входит 189 государств, всего же на Земле около 250 стран. Через 30 лет их будет, по некоторым оценкам, до 500. Россия тоже внесла свой вклад в мультипликацию государств. Развал СССР породил сразу 15 новых независимых стран, и, судя по всему, этот процесс может продолжаться»³². Согласно прогнозу Дж.Найсбита³³, в недалеком будущем число независимых государств увеличится до 1000. Появление все новых и новых минигосударств, в большинстве своем экономически слабых и непременно зависимых от сильных, способствует расширению американской империи. «Неслучайно, что заместитель исполнительного директора проекта “Новый американский век” Том Даннели последовательно проводит идею “расширения имперского периметра США”³⁴. Таким образом, США выступает в виде империи, стремящейся к мировому господству и опирающейся на различные национализмы мира. При этом рядовые сторонники “националистических движений” в тех или иных странах, как правило, не догадываются об истинных устремлениях их лидеров, управляемых из Вашингтона.

Американский вариант представляет собой историческую модель империалистической экспансии, продолжающейся на протяжении длительного исторического времени. Поэтому этот вариант так называемого «глобализма» правильнее было бы назвать его подлинным именем — империализмом. Несмотря на заявления Дж.Буша, что США не стремятся к созданию империи, факты говорят о другом. Имеет место стремление подчинить все страны установленным ими правилам. Квинтэссенцией книги Зб.Бжезинского «Великая шахматная доска» является формулирование имперской стратегии, которая выражается в трех главных задачах: 1) препятствовать столкновению вассалов и держать их в зависимости; 2) тех, кто платит дань, следует держать в подчинении и защищать и, наконец, 3) следует всячески препятствовать сплочению варваров³⁵.

Однако этот империализм в отличие от предшествующих исторических типов не имеет цели в самом себе. Сегодня многие отмечают, что США с их пока еще огромной экономической и военной мощью выступают в качестве тарана, сокрушающего духовные, экономические, военно-политические основы существования мировых цивилизаций и крупных национальных государств. Пресловутые национальные интересы США при ближайшем рассмотрении оказываются интересами наднационального мирового правительства.

Мировая финансовая олигархия — эти самозванные «владыки мира» используют государственную машину США в качестве *инструмента* для достижения мирового господства. А приводным ремнем для использования этого инструмента стало создание Федеральной системы. Как отмечал американский конгрессмен Л.Мак Фелден, «когда был принят закон о Федеральной резервной системе (по нему был ликвидирован государственный банк, а распоряжение финансами страны перешло в 1913 г. в руки международных банкиров — *Р.С.*), наш народ не осознавал, что в США устанавливается мировая банковская система... Федеральная резервная система прилагает все усилия, чтобы скрыть свои возможности, но правда такова — Федеральная резервная система захватила правительство. Она управляет всем, что происходит в нашей стране, и контролирует все наши зарубежные связи. Она произвольно создает и уничтожает правительства»³⁶. Фантастический догм Америки Федеральной резервной системе, присвоившей себе право самостоятельно печатать ничем не обеспеченные доллары, который невозможно погасить, — это, по существу, плата банков за пользование Америкой как своим инструментом для овладения остальным миром. Этот инструмент также будет в свое время принесен в жертву и разрушен.

Второй член полярной дихотомии — интернационализм — воплощен в симбиозе сверхвлиятельных наднациональных сил и является следствием процесса возрастания и концентрации капитала, которому становится все теснее в рамках одного государства. Отличительной чертой интернационализма является огромный рост неправительственных организаций и усиление их влияния.

Инфраструктура «интернационала» состоит из международной бюрократии, опирающейся на всевозможные фонды. Это и МВФ, и Всемирный банк, и ВТО, и ТНК. Что касается ТНК, то в экономической политике их влияние все более усиливается. В XXI веке экономическая мощь отдельных корпораций превысит мощь даже ведущих государств³⁷. Кроме того, в этот «интернационал» входит мировая мафия, контролирующая наркобизнес, игровой бизнес, торговлю

оружием и т.д. Имеются данные, согласно которым существует и китайская финансовая группа глобального значения, относимая, наряду с группами Рокфеллеров и Ротшильдов, к числу трех крупнейших финансовых синдикатов мира. Как и в случае с другими крупными финансовыми группами, неотъемлемой частью китайского синдиката является мафия глобального уровня.

В результате их деятельности формируется интернациональная модель цивилизации без деления на государства, национальности, вероисповедания с единым управляющим центром — Мировым Правительством. Оно присваивает себе право управлять народами и государствами по собственному усмотрению, полностью подчиняет человека и стремится к неограниченной тотальной власти. С этой целью, например, «создаются всеобъемлющие электронные базы данных, которые включают информацию о структуре ДНК, отпечатки пальцев, сведения о поведении любого гражданина на планете. Предполагается, что через 15 лет эти базы данных охватят больше половины человечества. Все мы окажемся в одной всемирной базе данных»³⁸.

Более точное ему название — мондиализм. В отличие от первого (империализма) он не имеет аналогов в истории в смысле своего практиско-политического воплощения. Мондиализм³⁹ нацелен на построение совершенно нового мирового порядка, исключаяющего лидерство одной державы, в том числе и Америки с ее мечтой о мировом господстве. При этом США частью своих элит тоже интегрирована в эту структуру, приобретая тем самым неразрешимое противоречие и огромный потенциал для будущего конфликта.

Современный мондиализм действует пока в основном экономическими методами, но и силовой путь не исключен. Его инструмент НАТО постоянно наращивает свою мощь.

Возвращаясь снова к вопросу о субъекте глобализма, еще раз подчеркнем: процесс концентрации производительных сил объективный, но управление им *субъективно*. Так упоминавшийся уже Бауман отмечает, что глобализирующийся мир остается жестко управляемым из единого центра; сама «глобализация», по его мнению, «есть не что иное, как тоталитарное проникновение логики глобальных финансовых рынков во все аспекты жизни»⁴⁰, а задаваемый ею порядок «становится показателем бессилия и подчинения»⁴¹. Мы живем сейчас в такое время, когда формирование управления этими процессами подходит к завершению. Как полагают некоторые отечественные и зарубежные ученые, вопрос о системе глобального управления станет в ближайшем будущем самым актуальным.

По мнению Л.Ларуша, действия сторонников мирового правительства — это не ошибки и просчеты, а нанесение умышленного вреда миллионам людей. Это сознательное зло⁴². Об этом красноречиво свидетельствуют выводы российских ученых, которые проанализировали основные свойства глобализма в рамках постоянно действующего междисциплинарного методологического семинара «Клуб ученых “Глобальный мир”» (Институт мировой экономики и международных отношений. Институт микроэкономики). Ими были отмечены следующие существенные черты глобализации.

Гипергегемонизм. Его прекрасно иллюстрирует приводимое в американской печати следующее характерное высказывание одного высокопоставленного чиновника Госдепа, на которое ссылается А.Б.Вебер: «Если Америка хочет, чтобы функционировал глобализм, она не должна стесняться вести себя на мировой арене в качестве всемогущей сверхдержавы, каковой она на самом деле и является»⁴³.

Авторитаризм — характерен для политико-организационного типа нынешней системы межгосударственных отношений. «Становящиеся все более очевидными на протяжении 1990-х гг. тенденция к усилению роли НАТО, стремление поставить альянс выше международного права, ООН и ее Совета безопасности указывают на движение в направлении нарастающего авторитаризма»⁴⁴, — пишет Косолапов Н.А.

Тоталитаризм. Это свойство отмечает А.И.Неклесса: «Финансовая глобализация по своей сути не есть проект *вселенского единства людей* или глобального открытого общества, но скрытая до поры форма *тотальной власти над миром*, свирепость которой, однако, проявляется лишь в тот момент, когда реально пересекаются и нарушаются незримые границы рыночного управления»⁴⁵.

Иерархичность — складывание и закрепление иерархии стран в соответствии с их технологическим, финансово-кредитным и положением в системе функциональных связей на международном уровне. При этом национальные интересы «периферийных» стран и регионов оттесняются и подавляются приоритетами противостоящих им финансово-идеологических элит. Л.Л.Фитуня пишет в этой связи: «Глобализация как процесс становления и утверждения мира ФИГ (финансово-идеологических групп — *Р.С.*) не только не равносильна глобальной демократизации, но в нынешней своей форме создает новую кастовость на планете»⁴⁶.

Колониализм. Данную сторону глобализма отмечает Н.А.Косолапов: «Но если глобализация навязывается извне через компрадорские бюрократию и буржуазию, а не принимается самим обществом

и государством под влиянием их реальных интересов, потребностей, представлений и выбора, то она, по своей сути, может быть только видом колониализма»⁴⁷.

Средства проведения политики глобализма.

Как правило, это *политическое давление* посредством прямых действий в отношении правительств или *экономическое* — через деятельность МВФ, ВБ и ВТО — экономическая дестабилизация, финансовый шантаж, экономическая интеграция на грабительских условиях. В конце 90-х годов, как отмечает А. Б. Вебер, МВФ действовал и давал «советы» по проведению структурной адаптации более чем в 80 странах. Большая часть развивающегося мира и стран с переходной экономикой стала экономическим протекторатом МВФ. Если страна отказывалась иметь дело с этой системой, она подвергалась финансовому ostracism. Сходным образом действовала и ВТО⁴⁸.

В арсенале средств глобалистов находит свое применение и *военная сила*. «Невидимая рука рынка, — продолжает Вебер, — никогда не действует без невидимого кулака. Макдональдс не может расцветать без Макдональдс-Дуглас, производителя F-15. И невидимый кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армией, флотом ВВС США»⁴⁹.

В новых условиях через банки посредством валютно-финансовых операций, ставшими универсальным средством управления, стало возможным осуществлять в нужном направлении *регулировать экономических, социальных и политических процессов*. «Новые деньги, — пишет Неклесса, — во-первых, наиболее эффективно действуют вне национальных границ, реализуя свой могучий потенциал на глобальном поле. Во-вторых, переставая быть исключительным средством платежа и становясь орудием управления, они ориентированы не столько на производство, сколько на контроль над финансовыми транзакциями и путями перераспределения всевозможных ресурсов. В-третьих, их целеполагание лучше определяется в категориях не *экономики*, понимаемой как обустройство материальной сферы бытия, а скорее *политики*, то есть управления социальными процессами. Соответственно и формы их жизнедеятельности ведут не столько к увеличению ресурсов человечества, сколько к экспоненциальному росту семейства финансовых инструментов, тенью нависающих над цивилизацией, угрожая выпустить на нее (в той или иной ситуации, в том или ином месте) скованных духов хаоса»⁵⁰.

Следствия глобализации многообразны и ужасающи.

Во-первых, это *разрушение экономики* десятков стран мира. Примером тому является Югославия, где были спровоцированы экономический кризис, гражданская война и развал государства; Индоне-

зия — экономический крах и межрелигиозная рознь; Аргентина, Эквадор, Бразилия — финансовый крах и банкротство государств. Бурные события в Мексике и кризисы в Юго-Восточной Азии. Спекуляции против британского фунта, финской марки и шведской кроны в 90-х годах. Ирак — военное вторжение, экономический крах и разрушение государства. «Практически весь арсенал средств политики разрушения национального суверенитета, — подчеркивает видный политик С.Ю.Глазьев, — был использован мировой олигархией и в процессе разрушения СССР, а затем России и стран СНГ»⁵¹. Все эти события продемонстрировали ту огромную власть, которой располагают менеджеры финансовых компаний над глобальной экономикой.

После прекращения холодной войны мир, вопреки ожиданиям народов, стал еще более опасным и непредсказуемым. В этих условиях сохранение миропорядка становится все более актуальной, но и более трудновыполнимой задачей. Постепенно «начал приоткрываться сумеречный горизонт какого-то, казалось бы, навсегда изжитого, первобытного ужаса перед ее разверзающимися глубинами»⁵². Появилась «возможность распечатывания запретных кодов антиистории, освобождения социального хаоса, выхода на поверхность и легитимации мирового андерграунда, утверждения на планете *новой мировой анархии...*»⁵³. Различные интеллектуальные и духовные лидеры заговорили о наступлении периода глобальной смуты (З.Бжезинский, 1993), о грядущем столкновении цивилизаций (С.Хантингтон, 1993), о движении общества к новому тоталитаризму (Иоанн Павел II, 1995), о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем «беспределе» либерализма и рыночной стихии (Дж.Сорос, 1998)⁵⁴.

Во-вторых, небывалая *поляризация богатства и бедности* в современном мире. Отмечая, что в конце XVIII в. уровень доходов жителей Западной Европы превосходил аналогичный показатель для Индии, Китая или большинства стран Африки в среднем на 30%, в 1870 г. этот разрыв вырос почти в 11, а в 1995 г. — 50 раз, З.Бауман, например, приходит к выводу, что «технологическое и политическое аннулирование временных и пространственных дистанций скорее поляризует условия человеческого существования, чем выравнивает их»⁵⁵. По данным А.П.Паршева, один американец потребляет больше, чем 1400 индусов⁵⁶. «Экономическая система не может считаться здоровой, — пишет депутат парламента Финляндии К.Кильюнен, — когда совокупное богатство 225 богатейших людей превышает 1000 млрд. долл., что равняется ежегодному доходу 2,5 млрд. бедняков, составляющих 47% человечества. Разве не лишена смысла ситуация, когда общее состояние трех богатейших людей планеты превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 наименее развитых стран»⁵⁷.

Настоящей причиной такого резкого углубления неравенства и роста богатства на Западе является вовсе не реальное производство и не «протестантская этика», как это часто пытались представить, а частный контроль за эмиссионным центром. Общий объем материальных ресурсов в последние столетия рос со скоростью не больше 4-5% в год. Финансовые ресурсы за это время выросли в десятки и сотни тысяч раз, и на нынешнем этапе именно они определяют всю мировую экономику.

В-третьих, *чудовищный рост нищеты в мире*. Характерная особенность нынешнего «мирового порядка», считает А.И. Неклесса, — это его «антисоциальная ориентация». «Сама логика финансовой цивилизации диктует последовательное снижение социальных затрат, т.е. асоциализацию и вытеснение *лишнего человека* из Нового мира, дестабилизируя, таким образом, общество, напрягая и истощая его культурно-исторические защитные механизмы»⁵⁸.

Во второй половине 80-х гг. XX века в мире умирало от голода 30-32 млн. человек в год, к началу 90-х гг. — уже 40 млн., к 2000 г. такие данные стали засекречиваться. Но на Международном форуме в Порту-Алегри (Бразилия) представители международных детских организаций сообщили, что в 2000 г. одних только детей в возрасте до 16 лет умерло 80 млн⁵⁹.

Парижская Декларация XXI конгресса социалистического Интернационала (1999) констатировала: «Величайший парадокс данного исторического периода состоит в том, что человечество никогда прежде не имело таких возможностей справиться с существовавшими с давних времен проблемами неравенства, голода, болезней и недостатка образования. Однако новые возможности используются лишь для усугубления этих проблем, а не для их решения»⁶⁰. В 2000 г. на Саммите тысячелетия в ООН проблема бедности была поставлена во главу угла.

В-четвертых, *подмена демократии*. Особой угрозой для современного мира представляется выхолащивание с трудом завоеванной демократии. На это обращено внимание в меморандуме о глобализации СДПГ: «Для тех, кто приложил максимум усилий ради установления демократии и освободился от ярма “авторитарного государственного социализма”, усилившееся с тех пор изменение отношений власти в пользу не контролируемых демократическими методами рынков капитала представляет собой разочарование более чем тяжкое. Опасность внутреннего отхода от демократии, ориентированной на рыночную экономику, распространяется уже в мировом масштабе»⁶¹. Широкое и неоднозначное понятие демократии заме-

няется более узким — партийным плюрализмом. Однако, «как показывает опыт Тропической Африки, само по себе множество политических партий (например, в Анголе их более 30, в Конго — около 100, в Заире — 300) не способствует решению сложнейших проблем, а порой создает дополнительные трудности для поддержания стабильности в обществе»⁶². (Дж. Камара).

В-пятых, глобалистами спровоцирован *глобальный биосферно-экологический кризис*. Пытаясь смягчить его и сохранить свое благополучие и господство, они поставили следующие задачи:

— сократить потребление сырьевых ресурсов Земли за счет сокращения населения (с 6 до 2–3 млрд.) путем войн, межнациональных конфликтов, голода, болезней, наркотиков, «управляемых катастроф» и т.п.;

— перераспределить оставшиеся ресурсы в пользу «золотого миллиарда»;

— законсервировать некоторые запасы планеты;

— восстановить экологию планеты путем сосредоточия вредных производств в строго определенных регионах планеты;

— исключить возможность глобальной катастрофы за счет контроля над ядерным, биологическим, химическим оружием.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что как бы ни называлось это явление — глобализм, мондиализм, неолиберализм, новый мировой порядок, суть одна — и ее точно определил автор «Независимой газеты» Фурсов А.: «Крайне правый радикализм протестантско-иеговического окраса призван обособовать лишь одно — отсечение от “общественного пирога” 80% мирового населения. Он не оставляет никаких шансов. Капитализм впервые в своей истории отбрасывает идеологические покрывала (и крушение исторического коммунизма и СССР сыграло здесь огромную роль) и начинает действовать исключительно с позиции силы»⁶³. Аполотеты глобализации, обосновывающие объективность, необходимость и неизбежность современного варианта глобализма, не только не помогают решать проблемы будущего, но, скрывая суть современных противоречий и антагонизмов, усугубляют сложившееся положение. Кроме того, схема объяснения, предлагаемая ими, дается как бы в обратной перспективе: на первом месте — результаты (всеохватность), на втором — средства (Интернет и др.), на третьем — условия его реализации и лишь на четвертом — роль людей в инициировании и осуществлении этого процесса. В результате ход их мысли оказывается противоположным естественному ходу истории. Если же вопрос о том, кто и как осуществляет глобализацию, предпослать эмпиричес-

кому описанию результатов этого процесса, тогда многое начинает высвечиваться через паутину идеологических стереотипов, слоганов и штампов.

«Духовные источники» глобализма или предпосылки
«мирового порядка сакрального»

Один из видных деятелей мондиализма Ж.Аттали в своей программной книге «Линии горизонта» утверждает необходимость создания «планетарной политической власти» и в связи с этим говорит о трех способах организации господства и насилия над человечеством: о мировом порядке сакрального, о мировом порядке силы, о мировом порядке денег. Нынешний этап мирового развития Аттали называет торговым порядком, при котором все продается и все покупается. Он подкрепляется мировым порядком силы, приобретаем процессуальный характер, когда по разным направлениям ведутся локальные, малые и совсем маленькие войны. Дальнейшая цель — создание мирового общества «кочевников», лишенных чувства Родины, веры предков, живущими только интересами потребления и зрелищ, и регулируемых через мировую компьютерную сеть. По достижении этой цели предполагается установить некий «мировой порядок сакрального». В литературе отсутствует описание его качественных характеристик и целей. Однако представление о нем можно получить, обратившись к его некоторым истокам и предпосылкам, которые имели место в истории.

В настоящее время считается доказанным фактом, что современные мировые процессы имеют глубокие духовные первопричины. Так, например, трансперсональная психология — новая дисциплина, делающая попытку соединить духовность, психологию и трезвый научный подход, утверждает, что тяга к запредельным переживаниям и их поиск — сильнейшие движущие силы человеческой психики. Эта тяга гораздо более мощная, чем сексуальное влечение, которое ставит во главу угла традиция психоанализа.

В отличие от промышленной цивилизации древние и туземные культуры полностью осознавали важность духовного измерения и отдавали ему должное в шаманских ритуалах, обрядах, мистериях и разнообразных духовных практиках. Духовность⁶⁴ — выражение качественной сути человека, человеческого сообщества, которая вбирает в себя ценности, идеалы, цели, идеи, смысл жизнедеятельности. Это подлинное, законное и полностью оправданное отношение к

жизни. Мы никогда не найдем ключ к загадке современных мировых процессов, пока не поймем, что человек — прежде всего духовное существо. Утрата духовности, — характерный признак промышленной цивилизации, — создает серьезные последствия как для жизни человека, так и всего человеческого сообщества. Насилие, ненасытная алчность, отчужденность, низкие животные инстинкты, открыто попирающие все нормы человеческого общежития, в сущности, все “смертные грехи” заявляют о себе как о «природных», нормальных чертах человека. Есть веские основания считать, что современный глобальный кризис, который угрожает уничтожить жизнь на нашей планете, отражает состояние эволюции человеческого духа, и что глубинные его корни — психодуховные.

Сегодня уже становится совершенно ясной роль духа⁶⁵ в истории. Крупнейшие историки и философы двадцатого века, осознав это, переключили свое внимание с материи на дух. В их числе были Освальд Шпенглер, Макс Вебер, Арнольд Тойнби, Хосе Ортега-и-Гассет. Для выявления роли духа в истории в качестве первичного объекта изучения была взята не страна, государство или нация, как это было прежде, а более крупная единица, которую Тойнби назвал «цивилизацией». Выяснилось, что все цивилизации имеют одну и ту же структуру: ядро — культ или тип верования; культура — возникающая на основе данного типа верования и укрепляющая ядро; силовые структуры, защищающие культ и культуру — армия, полиция, таможенные службы и т.п. Таким образом, слова «Дух животворит» в применении к цивилизации означают, что ее жизненная сила (по Л. Гумилеву — «пассионарность») обеспечивается культом, т.е. религией. По Тойнби, цивилизации гибнут только по одной причине — из-за разрушения ядра.

В современную эпоху, как и тысячи лет назад, представление человека о мире, природе, Вселенной занимает важное место в его мировоззрении. Огромную роль «менталитета», верований, культуры подтверждает и СЕИ⁶⁶. Вопреки известному тезису К.Маркса, именно сознание, идеология не только определяют бытие, но во многом и создают его. Люди строят свое бытие, исходя из своего понимания окружающего мира, своих намерений (целей) и своих возможностей. Примеров тому в истории человечества великое множество.

Красноречивое подтверждение этому содержится, в частности, в интервью с Иосифом Е. Штиглицем, бывшим вице-президентом Всемирного Банка, лауреатом Нобелевской премии по экономике за 2001 год. Он обратил внимание на тревожный и настораживающий факт: оказалось, что идеология и политика играли очень

существенную роль в международных экономических организациях, в которых тон должны были бы задавать экономисты-профессионалы. Исследования, например, показывали, что либерализация финансовых рынков вела не к экономическому росту, а к дестабилизации экономики. Экономическая наука не советовала этого делать, однако МВФ продолжал добиваться именно такой либерализации. Его мотивы при этом были чисто *идеологическими и политическими*⁶⁷.

Другие лауреаты Нобелевской премии (2002 г.) — психолог из Пристонского университета (США) Даниэль Канеман и экономист-экспериментатор Вернор Смит, в ходе исследования иррациональности принимаемых экономических решений пришли к нетрадиционным выводам. Они опровергли распространенное в силу психологической инерции мнение о том, что решения в экономике принимаются на основе материальной заинтересованности и разумного подхода. Это был упрощенный взгляд. Ученые показали, что люди нерациональны, их движущие мотивы более сложны. И далеко не всегда очевидно, что мирохозяйственный контекст базируется на определенной идеологической платформе⁶⁸.

Иными словами, чтобы понять социально-экономические процессы, необходимо представлять себе, что происходит в сознании людей, ибо «...нет таких экономических, социальных, политических и других материально оформленных структур, которые не несли бы на себе отпечаток человеческого сознания, человеческих представлений, индивидуальных и коллективных»⁶⁹.

Когда в советские времена говорили об «идеологической борьбе», которой уделяли много внимания, то на уровне общества далеко не все понимали, что речь идет о борьбе не менее ожесточенной, нежели военные сражения. По большому счету в первом приближении — это борьба концепций «человек человеку волк» и «человек человеку — друг, товарищ и брат», противостояние веры в добро человеческой природы и культа избранничества. Главным оружием в этой борьбе было «консциентальное» оружие (термин Ю.В.Крупнова и Ю.В.Громько⁷⁰), поражающее сознание, когда поражение есть, а военных действий вроде бы нет.

Следствием идеологической борьбы, которая имеет более давнюю историю и не ограничивается только советским периодом, стала победа спекулятивного вида деятельности над производственной. Она явилась результатом трансформации и движения почти двухтысячелетней христианской цивилизации к еще не вполне отчетливым контурам современного мира, но основная тенденция которого впол-

не определилась. На протяжении истории многие общества эксплуатировали человека, завоевывали, порабощали и уничтожали его. Нынешнее же общество находится на пути к уничтожению человека.

Вся история доминирующей в мире западной цивилизации неумолимо ведет к этому, ибо отчетливо проявился основной курс, взятый западной культурой в целом — постепенный отход от своих христианских корней, завершившийся торжеством секуляризма. Секуляризация означала общий сдвиг в характере западного сознания, который не просто проявился во множестве отдельных факторов, но подчинил их своей глобальной логике.

Западный человек на протяжении Нового времени прошел долгий и сложный путь, перейдя от почти не знающей границ уверенности в своих силах, духовной мощи, способности познавать окружающий мир к состоянию резко противоположному — обессиливающему чувству метафизической бессмысленности и личной бесполезности, к утрате духовности и веры, к неопределенности в знании, к обоюдонапряженным отношениям с природой и тревожной неизвестности, поглотившей будущее человечества.

Мощным фактором процесса секуляризации было, как известно, развитие науки. Поворот от религиозности к светскому мировоззрению начался с Научной Революции XVI и XVII вв., когда научный рационализм начал неуклонно утверждаться во всех областях человеческого опыта, заявляя о своем превосходстве и главенстве. Научное мировоззрение, находясь поверх любых политических и религиозных барьеров, было приемлемо для всех и вскоре завоевало полное признание. Именно во время Научной Революции четко оформился современный характер западного сознания.

Каждый шаг, сделанный в процессе Научной Революции, добавлял новые штрихи к картине мира, побуждая человека осознавать свою свободу, могущество, основанное на возможности силою своего ума изменить мир. При этом важно отметить, что у истоков новоевропейского естествознания, как отмечает Гайденко П.П., стоит не только христианство, но и *герметизм* — эзотерическое магино-окультурное учение, восходящее к полумифической фигуре жреца Гермеса Трисмегиста.

Наука в такой же мере унаследовала от античной науки и христианства любовь к истине и стремление с помощью разума постичь законы мироздания как прекрасного творения Божия, в какой и выросшую из магино-окультурных корней жажду овладеть природой, силой вырвав у нее тайны, пересоздать ее, даже если это грозит уничтожением всего живого на планете. Такое стремление в науке сохра-

нилось и по сей день, требуя своего осмысления особенно перед лицом тех опасностей, которые несут открытия физики, химии, генетики⁷¹. Сформировавшиеся в науке на магиго-окультирной основе импульсы постоянно проникают в социальное и человеческое измерение истории, обнаруживая себя в различных радикальных идеологиях, в том числе в идеологии глобализации.

Серьезному повороту от духовности в сторону сугубо мирского немало способствовало и параллельное науке развитие философии. В XVIII в. в эпоху Просвещения Вольтер и другие деисты ратовали за «естественную религию разума», которая должна, по их мнению, способствовать рациональному постижению мира. Антиклерикальный деизм Вольтера, рационалистический скептицизм Дидро, эмпирический агностицизм Юма, материалистический атеизм Гольбаха, естественный мистицизм и эмоциональная религия Руссо — окончательно уронили авторитет традиционного христианства в глазах просвещенных европейцев. Юм и Кант опровергли традиционные философские доказательства бытия Бога, указав, что причинность не всегда способна продвинуться от чувственного к сверхчувственному.

XIX в. довел до логического завершения идеи Просвещения: Кант, Милль, Фейербах, Маркс, Геккель, Спенсер, Гексли внесли большую лепту в разрушение традиционной религии. Особое место в этом процессе занимал Ницше, отвергавший христианство с неслыханной для того времени дерзостью, проявив себя как его злейший враг. Для него была неприемлема христианская цивилизация, в основе которой лежала мораль, вытекающая из заповедей Христа. С исчезновением христианской эпохи должна, по Ницше, исчезнуть и «гегемония» этических ценностей. Он считал себя провозвестником нового, «сверхморального» периода истории, когда не моральные ценности, а потенции самой жизненной борьбы становятся центром исторического развития человечества.

Кроме того, было множество и других факторов — политических, общественных, экономических, психологических, подталкивавших западное мышление к секуляризации и разрыву с традиционными религиозными верованиями. Христианство теряло свою значимость для современного мышления⁷².

Свой вклад в общее дело современности внес и Фрейд. Он еще раз отнял у человека более привилегированное положение в космосе, которое тот по-прежнему пытался удержать за собой в своей самооценке в силу унаследованных от христианского мировоззрения представлений. Благодаря Фрейду у человека уже не оставалось никаких сомнений: определяющими факторами не только для его тела,

но и для сознания являются мощные биологические инстинкты — «аморальные, агрессивные, эротические, “многоликие в своей порочности”. А такие вызывающие гордость достоинства человека, как разум, нравственность, совесть и духовность, представляются всего лишь средствами, выработанными в процессе сохранения вида, и иллюзорным восприятием цивилизацией самой себя»⁷³. Таким образом, человек все больше обнаруживал свою низменную природу, лишился былого человеческого достоинства и представал игрушкой низменных инстинктов, существом, с которого наконец сорвали маску.

Если Фрейд открыл бессознательное в индивидуе, то Маркс обнаружил бессознательное в социуме. Философские, религиозные и правовые ценности каждой эпохи стали легко объяснимы с помощью таких переменных, как экономика и политика. Вся гигантская суперструктура человеческих верований рассматривалась как отражение состояния общества и классовой борьбы. В XIX в. и официальная религия, и сама потребность в религиозном чувстве попали под беспощадно-хлесткую критику К.Маркса, обрушившегося на них с общественно-политических позиций и предрекшего, что освободившаяся от пут религии энергия трудящихся масс станет движущей силой революционных переворотов.

Таким образом, философские и научные открытия Локка, Юма и Канта, Дарвина, Фрейда и Маркса разрушили бастионы, которые религия издавна занимала в западном мировоззрении. Традиционные христианские взгляды стали чужды психологии западного человека.

К XX веку миллионы людей спокойно покинули лоно унаследованной ими религии, которая безвозвратно утратила свое прежде высокое положение в иерархии культурной жизни. Христианство ощутило себя церковью не только разделенной, но и неотвратимо сужающейся, ослабевающей под напором секуляризма, наступающего отовсюду⁷⁴. Распространенным стало светское сознание, религиозная терпимость незаметно переходила в религиозное безразличие. Полная поглощенность капиталистического общества материальным прогрессом не оставляла места ни для христианских, ни для других духовных ценностей. Владение деньгами, действительно, становится самоцелью. «Оно настолько ценится в Америке, что здесь никого не удивит сообщение в газете о том, что в споре из-за небольшого количества денег кто-то убил близкого родственника или друга. Хотя деньги важны и для незападных народов, они для них — не первичная ценность. Поскольку в Америке деньги имеют первостепенную важность для существования, в их первичную ценность верят и меньшин-

ства»⁷⁵. Справедливости ради, надо отметить, что в западных странах в последнее время наметилось некоторое оживление христианской веры, но оно все же не является определяющим.

Как известно, свято место пусто не бывает. Когда материальное вытесняет дух, на его место входит лжедух — за утратой религиозной духовности последовал взлет мистицизма и оккультизма. Это стало результатом полного духовного разложения, которое произошло в западных «христианских» конфессиях и принятия языческих форм верования — медитации, инициации, современной пятидесятницы, различных видов оккультизма и пр. И, естественно, вслед за языческой мистикой последовал обвал моральных норм всего Запада, в том числе духовности. Языческая нравственность во всех ее самых низменных содомских проявлениях буквально захлестнула весь западный мир, сделавшись обыденной формой жизни человека. Языческая мистика и нравственное падение явилось лишь видимым следствием другого, более глубокого духовного явления — всеобщего отступления от христианских основ жизни (апостасии).

Большое распространение получило сатанинское движение. Американские президенты почти всегда оказывали ему негласную поддержку. Однако, начиная с президента Рейгана, эта поддержка приобрела открытый характер. В 1987 году Рейган публично признал «важную роль сатанизма в современной американской жизни» и высказался за необходимость учитывать интересы этой части избирателей.

Администрация Рейгана приняла ряд решений, расширяющих права сатанистов:

- не допускать нарушения прав сатанистов при приеме на государственную службу, в том числе и на правительственные посты;
- привлекать к консультированию президента и правительственных органов «ведущих американских предсказателей, оккулистов и некромантов»;
- не допускать в государственные документы и материалы слов и выражений, оскорбляющих чувства сатанистов⁷⁶.

По данным исследователя сатанизма Дж. Бренана, в США существуют около 8 тыс. «собраний» сатанистов, объединяющих около 100 тыс. сатанистов. Американские сатанисты имеют множество филиалов своих организаций в большинстве стран Западной Европы, Латинской Америки, а также в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и России. Сатанизм прочно вошел в жизнь американской молодежи. В судах США регулярно проходят процессы по делам, связанным с сатанизмом и ритуальными убийствами, главными обвиняемыми в которых бывают молодые сатанисты. Для большей части молодых

людей своего рода введением в сатанизм является праздник «Хэллуин». ...Недаром американская церковь сатаны открыто провозгласила этот день своим праздником, который, по ее замыслам, должен быть используем в целях свидетельства о сатане. В большинстве сатанинских сект рок-музыка (особенно «тяжелый рок») является своего рода предлюдией ритуала поклонения сатане⁷⁷.

Закономерным итогом этого процесса стала охватившая мир оккультная революция: страны и континенты оказались под властью государственных сил. Науке еще предстоит изучить это явление, не согласующееся с картезианской позитивистской логикой, и ответить на вопрос, почему колдовство превратилось в важный инструмент политики, почему «фантастика» нахлынула на реальность. Здесь невольно вспоминается пророчество святых отцов, согласно которому политика и мистика по мере приближения конца истории все теснее переплетаются (св. Иоанн Златоуст, блаж. Августин, блаж. Феофилакт). Экстерриториальная, наднациональная и надконфессиональная элита по ведомой ей одной причине решает, во что должен верить человек и кому поклоняться.

Утратив настоящую религиозность еще в конце XIX века, многие американцы и европейцы вплоть до 50-х годов XX века оставались христианами в смысле понимания возвышенной сути любви, но уже заговорили о необходимости разрушения христианской этики любви и проведения сексуальной революции. Начало мировой сексуальной революции в США и Западной Европе относится к 50-60-м годам. Первой ласточкой ее стал выход в свет в 1953 году ...журнала «Плейбой». Как отмечал видный деятель порнографического бизнеса, основатель журнала «Плейбой» Х.Хефнер, «журнал перестал быть только изданием, а стал образом жизни, которым восхищались во всем мире»⁷⁸. Одним из страшных результатов сексуальной революции стало широчайшее распространение содомитства, которое было одобрено многими «христианскими» церквями США, и в частности лютеранами, кальвинистами, евангелистами, а также епископальной церковью, унитариями и методистами.

Летом 1997 года содомиты всего мира отмечали столетие организованного содомитского движения, увенчавшегося победой над христианскими «предрассудками». В течение почти четырех месяцев содомиты проводили массовые мероприятия на главных улицах Сан-Франциско, которые были увешаны флагами геев и лесбиянок⁷⁹.

Таким образом, после почти двух тысяч лет торжества христианства и духовных ценностей Нового Завета США стала символом всех пороков и преступлений, которые были осуждены Иисусом Христом

как смертные грехи — поклонение маммоне и богатству, разврат и содомитство как норма половых отношений, культ вседозволенности, силы и денег.

Несмотря на то, что ситуация кажется просто фантастичной, ни один исследователь, даже самого трезвого, самого реалистического склада, не может в настоящее время оставаться в стороне от мистического течения нашего времени. В связи с этим 6–8 октября 2000 г. в Германии состоялась Международная конференция на тему «Христианство и тоталитарные вызовы XX столетия» (на примере России, Германии, Италии и Польши, которая была подготовлена журналом «Вопросы философии» и Католическим университетом г. Айхштетта)⁸⁰. Главный редактор журнала «Вопросы философии» чл.-корр. РАН В.А.Лекторский в своем выступлении отметил, что «страны западной цивилизации продолжают на уровне официальной риторики апеллировать к христианским ценностям, однако разрыв между этими ценностями и эмпирической реальностью отнюдь не уменьшается, а скорее растет»⁸¹. По мнению Лекторского, понять суть происходящего может помочь анализ антихристианского движения в европейской культуре, приведшего в XX в. к появлению тоталитарных социальных структур.

Свое начало оккультные корпорации новой и новейшей истории берут в темных глубинах прошлого. На всем протяжении человеческой истории с разным успехом действовали властные кланы, или ареопаги, объединенные не столько религиозными, сколько магическими догматами. Шумерская и египетская цивилизации созданы именно такими силами, и почти все у них было подчинено магическому церемониалу. Греческие и римские цивилизации носили в изначальном своем проявлении также мистериально-магический характер. В культурах Индостана или доколумбовой Америки вся жизнь была пропитана магией и колдовством.

«Представления о мироздании катаров, манихеев, богомилов и им подобных отталкивались от видимых несовершенств нашего мира. Задавался вопрос: разве мог все это создать Всеблагий Бог? Ответ звучал так: нет, высшее Божество чуждо всего материального. Мир же создан низшим, злым богом. И если хочешь успеха здесь и сейчас, поклонись ему, Люциферу... Так сплеталась “религия материализма”. Та религия, что вдохновляла многих — от рыцарей-финансистов прошлого до экономических вампиров наших дней»⁸².

На протяжении веков оккультные революции и оккультные феномены неоднократно врывались в историю. Ярким примером этого является германский национал-социализм. В момент рождения на

цизма Германия была цивилизованнейшей страной, родиной точных наук и то, что в стране Гумбольдта и Геккеля заговорили о расах, нельзя было объяснить экономической инфляцией и иными социальными проблемами. Решение этой загадки лежит скорее в области «некоторых причудливых культов и некоторых ошибочных космогоний, которыми до сих пор пренебрегали историки»⁸³.

Широко известно, что нацистская партия открыто и даже шумно выказала себя как антиинтеллектуальная — жгла книги и отвергла физиков-теоретиков. Но менее известно, во имя какого объяснения мира она отбросила официальные западные науки. Еще менее известно, на какой концепции человека основывался нацизм, по крайней мере в умах некоторых из его главарей. Если бы это было известно, то последняя мировая война была бы правильнее понята в рамках великих духовных конфликтов, история вновь обрела бы дыхание «Легенды» Веков⁸⁴.

Как свидетельствуют новейшие публикации, целью Гитлера не было ни установление расы господ, ни завоевание мира. Это были всего лишь средства для осуществления великого дела, о котором он мечтал. Подлинную цель Гитлер видел в учении «Общества Туле», которое носило название «ариософия» — мудрость ариев. В кратком виде оно сводилось к следующему. Наш мир — несовершенное творение несовершенного божества — христианского бога. Этот бог захватил часть энергии из непостижимого и из нее создал этот мир, который, по словам ариософов, «существует в виде разлагающегося трупа». Арийцы суть посланцы Иного, они спускаются в этот мир Творца-Демиурга с тем, чтобы вступить с ним в бой и освободить своих братьев, плененных им. Именно в этом видели свою миссию ариософы и выпестованные ими вожди нацизма. Поэтому вовсе не случайно высказывание Гитлера: «Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, не очень-то много знает»⁸⁵. В учении ариософов отчетливо прослеживаются постулаты древних гностических сект. Гностики утверждали абсолютно то же самое. Сегодня доказаны тесные контакты нацистов с остатками гностических сект: альбигойцев, тамплиеров, катаров, богомилов⁸⁶.

«Общество Туле», в которое входили Гаусгофер, Гесс, Гитлер, было в большей или меньшей степени связано с могущественным и хорошо организованным теософическим обществом. «Теософия добавила к новоязыческой магии восточный аппарат и индустриальную терминологию. Или, вернее, *она открыла люциферовской части Востока пути на Запад. Именно под названием «теософия» стали определять широкое движение возрождения магического, потрясающее много умов*

в начале века»⁸⁷. Об огромном влиянии «Туле» на нацистское движение свидетельствует в первую очередь то, что всем символам, предложенным Гитлеру советниками, он предпочел свастику — герб Туле.

Гипотеза о тайной общине, скрывавшейся за национал-социализмом, постепенно находит свое подтверждение во многих современных публикациях⁸⁸. «Есть подлинно демоническая община, руководимая скрытыми догмами, гораздо более разработанными, чем элементарные доктрины — “Майн Кампф” или “Мифы XX века”».⁸⁹ И далее: «Мы считаем вероятным, что магическая загадка разрешается существованием люциферовского течения. Все это может послужить для объяснения массы страшных фактов более правдоподобным образом, нежели объяснения обычных историков, не желающих видеть за столькими жестокостями и неразумными действиями ничего, кроме мании величия сифилитика, садиста, горсточка невротиков и услужливого повиновения толпы трусов»⁹⁰.

Эту мысль подтверждает и участник вышеназванной Международной конференции немецкий исследователь П.Элен: «Искушение, приведшее к Освенциму, в конечном счете можно понять лишь с религиозной точки зрения. Это притязание на то, чтобы, подобно Богу, судить, что есть подлинно человеческая жизнь»⁹¹.

С того момента, когда вся деятельность гитлеровской партии по вербовке и пропаганде стала более четко и целенаправленно сориентирована в направлении тайной доктрины, она не представляла уже ни национальное, ни политическое движение. «Я раскрою вам секрет, — сказал Гитлер Раушнингу, — я основал орден». Он упомянул Бург, где будет иметь место первое посвящение. И он добавил: «Оттуда выйдет вторая ступень человека, который будет мерой и центром мира, человека-бога. Человек-бог, превосходящая фигура бытия, будет как культовый образ. Но есть еще другие ступени, о которых мне не позволено говорить...»⁹². И вот уже нет больше речи о вечной Германии или национал-социалистском государстве, речь идет о магическом приговлении к приходу человека-бога.

Образ грядущего социального порядка Гитлеру виделся таким: «Это будет класс господ, и будет толпа различных членов партии, классифицированных иерархически, и будет огромная безымянная масса, коллектив служителей, навеки низших, а еще ниже их — класс побежденных иностранцев, о котором я не могу говорить... Но эти планы не должны быть известны простым членам партии...»⁹³.

Деятельность Черного ордена не отвечала никакой политической или военной необходимости, но лишь — необходимости магической. «Концентрационные лагеря осуществляли первоначальную

магию, они представляли собой символический акт, макет. Все народы будут оторваны от своих корней, превращены в огромное кочующее население, которым будет позволено командовать, и поднимется цвет человека — человек, находящийся в контакте с богами»⁹⁴.

В 1943 г. немецкий философ Э.Юнгер писал: «XIX век был веком рационализма. XX век — век культов. Гитлер сам живет в нем, откуда полная неспособность либеральных умов видеть хотя бы точку, где он находится»⁹⁵ и констатировал, что СС превращается в касту новых господ, тевтонских рыцарей или тамплиеров. Нацисты «подвергли сомнению Разум и подчинили его магии. Потому что действительно *картезианский разум не покрывает всего человека*, все его сознание. Они его усыпили, но усыпление разума, как известно, порождает чудовищ»⁹⁶. Когда страна утрачивает органичную для нее духовную традицию, рано или поздно ей навязывают чуждую.

Свою близость и родство Гитлер обнаруживал и со взглядами Троцкого. Не случайно в 30-е годы он заинтересовался троцкистскими сочинениями. Оголтелая воинственность, проповедь террора как одной из главных форм политической борьбы, пренебрежение к простым людям, своекорыстный космополитизм под видом интернационализма получили высокую оценку Гитлера. Он даже заявил, что «многому научился у Троцкого».

Гитлер, будучи очень восприимчивым человеком, понял одно: в XX веке наиболее востребованными окажутся именно иррациональные явления и процессы. Его учение было всецело иррациональным — и по своим истокам, и по своим результатам. «Как правильно заметил Марсель Рой еще в 1939 г., война, которую Гитлер навязал миру, была “манихейской войной”, или, как говорит Писание, “битвой богов”⁹⁷. Эта битва богов, которая разворачивалась позади видимых событий, не закончена на нашей планете, но поразительный прогресс человеческого знания за несколько лет придал ей совершенно другие формы. В то время как двери знания начинают открываться в бесконечное, важно уловить смысл разворачивающейся драмы человечества. П.Элен замечает в этой связи: «XXI столетие дает немало возможностей, чтобы искушение Освенцима вернулось в совершенно новых формах»⁹⁸.

Претендентов на мировое господство в истории было множество. Так еще в недавней истории — в 60-70 гг. во многих странах мира происходила реставрация троцкизма после его длительного полузабвения. Это странным образом совпадало с развитием особого китайского курса. После того, как Мао Цзэдун в 1953 году укрепил свою

власть, у него появились далеко идущие планы. Не случайно пекинские идеологи изучали переведенные на китайский язык «труды» Гейббельса и Розенберга. Широчайшее распространение в Китае нашла троцкистская «теория перманентной революции» в самых буквальных формулировках. Троцкий считал, что «социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей планете»⁹⁹. Мао Цзэдун, хотя считался в 30-х гг. противником троцкизма, фактически был очень близок ему и тогда, и позднее.

Объявив о намерении «прибрать к рукам» все континенты, он в 1958 г. представлял этот план следующим образом: «Через некоторое количество лет мы непременно построим крупную империю и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах, в Сан-Франциско». В 1959 г. Мао выразился еще более ясно: «Мы должны покорить земной шар». Для большей убедительности и выразительности Мао в 1963 г. выразил то же самое в «художественной форме»: «Вскипают четыре океана, бушуют воды и тучи. Пять континентов дрожат под ударами нашей грозы. Сметем с лица земли всю мразь! Нет врагов, которые могли бы нам противостоять».

Фашистская, троцкистская, анархистская, маоистская и пр. идеи вызывали колоссальные революционные потрясения. Анализ их основополагающих установок наталкивает на мысль, что они являлись лишь очередными попытками обоснования различных концепций мирового развития человечества, причем под единым контролем. И как тут не вспомнить видение преподобного Макария Египетского. Однажды ему явился диавол, увешанный множеством сосудов. «Для чего у тебя эти сосуды?» — спросил старец. Диавол отвечал: «Несу пищу для братии. Если кому одно не понравится, дам другое...»¹⁰⁰.

Устремления троцкистов, немецких нацистов, маоистов, современных мондиалистов не столь отличны друг от друга. Параллелей напрашивается очень много. Только последние более лукавы и изощренны. Неофитам низших степеней (тех, кого используют, кто является объектом воздействия и манипулирования — «объективный идиот», по терминологии Московского методологического кружка Г.Щедровицкого) они предлагают «вегетарианский салат, нарубленный из понятий “свобода”, “равенство”, “братство”, “гуманизм”, “общечеловеческие ценности”»¹⁰¹.

В наш рационалистический век мы склонны забывать, что существует такое фундаментальное и трудноопределимое понятие, как Зло, имеющее религиозное, социальное, метафизическое измерение. В эпоху глобализма можно говорить об организованном, многоликом и разумном Зле, которое зафиксировали многие ученые. Так, например, немецкий философ Г.Рормозер большую опасность видит в движении «Нью эйдж» («Новый век»), в котором декларируется новая синкретическая духовность и эзотерическая религиозность, реабилитируется миф и осуществляется иррационализация всех процессов этоса и культуры. На место разума приходит ремифологизация природы¹⁰².

Более развернутую характеристику этого движения дает Л.Ларуш. Он отмечает, что «для изменения менталитета сторонниками мирового правительства была предпринята попытка “сдвига культурной парадигмы”. А для этого запущена в массы антихристианская идеология “Нового века” — Нью Эйдж. Идеология эта возникла в начале XX в. и во многом выросла из теософии. Ключевыми фигурами этой идеологии являются мадам Блаватская и известнейший сатанист Алистер Кроули. Фашизм Гитлера, так называемая “консервативная революция» — тоже порождение Нью Эйдж. Она отрицает христианское учение о том, что человек создан по образу и подобию Божьему, а вместо этого внедряет в массовое сознание представление о человеке как о развращенном животном. Именно поэтому в массы была запущена так называемая культура рока, секса и наркотиков, поддерживается и пропагандируется гомосексуализм и прочие половые извращения¹⁰³.

В соответствии с идеологией «Нового века» происходит превращение согласующегося с нормами христианства божественного порядка в беспорядок и превращение этого беспорядка в другой, но не в божественный порядок. Осмысление данного почти метафизического явления спроецировалось в символически-смысловой корреляции в образе антихриста. Непривычная для последних десятилетий отечественной философии тема антихриста нашла свое заметное выражение на страницах журнала «Вопросы философии» в статье В.К.Кантора «Проблема антихриста как проблема тоталитарного слома европеизма»¹⁰⁴. Обращение к указанной теме автор объясняет тем, что «этот вечный образ обладает большой эвристической и объясняющей силой. Именно его указующий перст может осветить неожиданным светом сумятицу повседневности, политических вождей, программ и сухих резолюций»¹⁰⁵. Этой же теме, но с религиозных позиций посвящены и такие новейшие публикации, как «Об антихристе»

(СПб., 1998); «О злых кознях врага спасения и как противостоять им» (М., 1999) и ряде других. Таким образом, рефлексировав некоторые свойства современного мира как непосредственно недоступные данному культурному и историческому опыту, научная, философская и религиозно-философская мысль начинают проникать в область пограничного миропонимания, испытывать напряжение трансцендентных смыслов. Современный язык, не находя понятия для адекватного описания стремительных процессов, при которых движущие пружины ускользают от наблюдателя, кажется, нашел выход в обращении к этому вечному образу. Образ антихриста как бы помогает войти в мир, где реальность перестала сопрягаться с нашим картезианским взглядом. Антихрист становится воплощением не только грядущего мироустройства, но и радикального изменения господствовавшего на протяжении многих столетий мировоззрения, нового прочтения целей развития человечества.

Цель антихриста, по Кантору, — стремление к мировому господству не только силой оружия, но и силой оболешения.

Препятствием на пути осуществления этой цели всегда было и остается государство, как это уже отмечалось русской религиозно-философской мыслью, на которую ссылается Кантор. «Антихрист, — пишет он, — в любом своем воплощении, разумеется был всегда ориентирован против государства, признававшего христианские ценности, теперь же сложившаяся ситуация стала для антихриста последним шансом, ибо эти ценности начали постепенно определять основание политического устройства Западной Европы. Против этого результата долгой христианской истории и произошло восстание»¹⁰⁶.

Политическая, экономическая, этическая и мировоззренческая база будущего царства антихриста строится уже сейчас, а весь совокупный процесс построения этой базы и обозначен термином «глобализация».

Необъявленная идеологическая борьба против российского государства

Как уже отмечалось, в эпоху глобализма сложилась определенная иерархия государств, от которой зависит судьба того или иного государства: подвергнется ли оно преобразованию, чтобы стать более эффективным, или будет уничтожено в качестве суверенного образования. Но в любом случае государство в своем классическом виде подвергается сегодня радикальной трансформации.

На высших ступенях — в развитых странах — предлагалось сменить традиционную горизонтальную модель на более сложную, многоярусную. Такая модель уже успешно функционирует в Западной Европе, где применяется целенаправленная корректировка действий для более успешного обеспечения экономического, социального и культурного развития. Политической силой, ратующей за подобную корректировку, являются влиятельные социал-демократические партии, которые глобализацию принимают, но считают, что она не должна быть направлена против активной деятельности государства. Ибо только государство способно противостоять силам свободного рынка и осуществлять политику, ориентированную на социальную солидарность и выравнивание. Просто изменился масштаб этой политики, теперь он стал глобальным.

Современные социал-демократы уже не позиционируют себя как приверженцев неolibерального принципа *laissez-faire*. Они считают необходимым соединить гибкие рынки с активной деятельностью социального государства, которое вовсе не представляет собой устаревший институт. Напротив, его роль фундаментальна, так как оно является гарантом сплочения всех социальных групп. Следует лишь заново определить некоторые функции государства, а главным приоритетом должны стать инвестиции в человеческий и социальный капитал. В этой связи социал-демократы критикуют деятельность МВФ, приведшей к полному господству рынка и сокращению государственного сектора, что, по их мнению, усугубило неравенство в сфере распределения доходов и обострило социальные проблемы. Поэтому они призывают вернуться к практике использования селективных государственных мер, которые до сих пор являются экономически эффективными. Кроме того, в государстве социал-демократы видят силу, способную активно выступать в защиту дееспособности граждан, поддерживать их и заботиться о том, чтобы они имели в жизни равные исходные шансы¹⁰⁷.

Тем же государствам, которые находятся внизу иерархии, уготована иная судьба. Речь идет об их фактическом уничтожении — экономическом и духовном. Ярким примером этого является российское государство, которое из исторической и этнокультурной самоценности все больше превращается в некую территорию, управляемую извне.

Важнейшие решения «стратегического характера принимаются ныне за пределами российского государства некими могущественными силами, о которых мы не имеем четкого и ясного представления... Многие из них крайне негативно сказываются на экономическом и

политическом положении нашей страны в глобальном сообществе, а иногда прямо идут вразрез с национальными интересами России»¹⁰⁸. Потеря государственного контроля над жизнеобеспечивающими сферами грозит опасностью общей дестабилизации социально-экономической ситуации, поскольку происходят необратимые качественные изменения. Задействованы все средства проникновения во внутригосударственную сферу — экономические, информационные, международно-правовые и прочие. Совокупность этих средств «превращается в один из важнейших, в большинстве случаев главный, определяющий фактор внутренней жизни, мощь которого все чаще и сильнее превышает возможности данного государства»¹⁰⁹. И только наличие военного и ядерного потенциала у России удерживают внешние силы от более интенсивного проведения этой линии.

Есть несколько причин, приведшие Россию к такому положению, которые Л.Л.Фитуни обозначил в своей статье, опубликованной в книге «Глобальные и стратегические исследования» (М., 2002):

геоэкономическая — миру, контролируемому финансово-идеологическими группами (ФИГ) нужны российские сырьевые отрасли, а не отрасли, конкурирующие с их собственными производствами. Все еще богатая сырьем Россия из-за своей беспомощности или неразумности отдает это сырье за бесценок, а создавать новые конкурентно-способные отрасли ей придется практически заново и в крайне неблагоприятных условиях, так как этому будут активно противодействовать ФИГ, если не в финансовой, то в своей идеологической ипостаси. Сегодня войны ведутся не столько за физическое обладание территориями, сколько за международные финансовые, ресурсные, информационные потоки и интеллектуальный капитал. Возможность воздействовать на фондовые рынки стран и валютные курсы может рассматриваться как завоевание стратегической финансово-экономической территории;

геополитическая — Россия добровольно отказалась от значительной части своих геополитических преимуществ, лишившись половины территории СССР, в том числе выходов к теплым морским портам, утратив контроль за источниками сырья, потеряв рынки сбыта, снизив оборонный потенциал, растеряв военно-политических союзников;

военно-стратегическая — помимо собственно снижения оборонного потенциала страны произошли изменения в самой идеологии использования военно-политических методов в новых реалиях;

демографическая — население страны сокращается темпами, которые характерны либо для периодов войн, либо геноцидов;

ресурсные — в стране сформирована и запущена на полную мощь машина выкачки всех видов ресурсов развития — природных, материальных, финансовых, интеллектуальных, трудовых.

Мощь ФИГ, подчеркивает ученый, покоится на отлаженном механизме перераспределения экономических ресурсов (как финансовых, так и натуральных) в свою пользу. Поэтому глобальные ресурсы перераспределяются таким образом, чтобы в первую очередь удовлетворить потребности и запросы собственно ФИГ, а между остальными подсистемами распределяются по остаточному принципу. Реальный продукт, создаваемый в производственных отраслях всего мира, через финансовые механизмы в денежно-стоимостной форме оказывается разделенным на неравные доли: малая часть остается у производителя, а большая потребляется или сберегается финансово-идеологическими группами¹¹⁰.

Роль экономических факторов разрушения государства чрезвычайно велика, именно поэтому возникает соблазн принимать их за единственную причину всех изменений в общественной жизни. Неслучайно основной массив литературы на тему глобализации посвящен экономическим аспектам глобализации¹¹¹. Однако не меньшую роль, если не большую, чем экономические факторы, играют сложившиеся в эпоху глобализации *идеи, цели, умонастроения*, которые вызвали к жизни не менее разрушительные последствия для государства.

Кристаллизация разрушительных идей на протяжении истории происходила, по мнению К.Н.Соколова, на основе определенных архетипов главных идеологических позиций, возникших около 150 лет до нашей эры в трех древнееврейских сектах — саддукеев, фарисеев и ессеев¹¹². Все возникшие в последующей истории верования, мировоззрения, идеологии были лишь модификацией и развитием ключевых установок основных идеологических позиций, которые корреспондировали с типом и сущностью государственного управления:

1). Саддукейская позиция (прямое формальное правление) — мировоззрение административного всевластия, всевластия официальных государственных органов¹¹³.

2). Фарисейская позиция (прямое неформальное правление) — мировоззрение всевластия неформальных (теневых, клановых) лидеров и самостоятельно возникших органов управления — финансово-политические группировки, партии, союзы, кланы и тайные общества, иные общественные объединения. Главной инициативой в определении целей управления и способов их достижения обладают те, кто сосредоточил в своих руках наиболее эффективные средства воздействия на общество и его официальных руководителей. Это — прямое неформальное управление¹¹⁴.

3). Эссеистская позиция — приоритет всенародного косвенного управления. Выбор целей общественного управления подчинен общенародным, а не отдельным, социально-групповым интересам. Этому подчиняется деятельность всех формальных и неформальных органов управления¹¹⁵.

Данная позиция предполагает приоритет общих интересов (коллективизм) над частными (индивидуализм). Коллективизм и индивидуализм, а также возникающие на их основе системы нравственных норм и взглядов на принципы общественного устройства рассматриваются как взаимоисключающие друг друга противоположности. Их невозможно совместить, они непримиримы. А значит, непримирима духовная борьба соответствующих идейно-религиозных сил. В мировой истории можно найти множество примеров их комбинированного применения в теории и практике государственного строительства. Но во всех случаях это происходило за счет придания приоритета одному из способов его распространения.

Однако после поднятия «железного занавеса» и нахлынувшей волны глобализации Россия оказалось беззащитной перед натиском именно фарисейской идеологии, которая на современном этапе предстала в виде неолиберализма. Под ее знаменами было разрушено великое государство — СССР (историческая Россия). Теперь на очереди задача расчленения российского ядра.

Перспектива окончательной победы архетипической фарисейской позиции вдохновляет ее приверженцев на яростную проповедь мнимой деидеологизации с целью не допустить возрождения эссеистской позиции. Реализация этого означает цивилизационный разгром России со всеми вытекающими отсюда последствиями: уничтожением российской государственности и большинства населения. Эти последствия как неизбежные уже озвучены в официальных выступлениях западных государственных деятелей.

Провозглашение деидеологизации, кроме политической «целесообразности» (в интересах глобализма), не имеет ни малейшего научного обоснования. Идеология является непременным фактом общественного сознания (независимо от того, признается это или нет) и в качестве такового постоянно испытывает влияние своего времени, его императивов в такой степени, что, продолжая существовать и активно функционировать, может даже представляться несуществующей («деидеологизация»). Будучи по своей сути призванной разрабатывать мировоззренческие ориентации, она не может бесследно исчезнуть с политической арены, во всяком случае в обозримом будущем. Скорее наоборот, потребность в идеологиях никогда не была

так велика как сегодня. Сам факт существования идеологии в любом обществе серьезными западными исследователями не оспаривается. Конечно, большие классические идеологии сегодня уже не встречаются. Они изменили свою форму, но их принципиальные установки и функции остались прежними.

Человек и общество, безусловно, испытывают потребность в некоем духовном водителе, только по инерции называемом идеологией. Речь идет о такой идеологии (вернее, мировоззрении), которая является результатом исторической эволюции нравственных и общественных идеалов, которая смотрит на жизнь как на органическую систему. Такая идеология призвана восстанавливать духовную монолитность распадающегося мироустройства, т.е. на основе общего понимания цели и смысла человеческого бытия, на основе духовной общности людей, а не родовой, природной, социальной. Мобилизующая роль подобных идеологий признается авторами самых разных политических ориентаций. Например, английский ученый Г.Чайлд пишет: «Идеология, как бы она ни была далека от очевидных биологических потребностей, практически оказывается биологически полезной, то есть благоприятствует выживанию вида. Без этого духовного вооружения не только общества приобретают тенденцию к распаду, но и составляющие их индивидуумы перестают держаться за жизнь. Разрушение религии у примитивных народов всегда рассматривается специалистами как основная причина их гибели при столкновении с цивилизацией белых»... Очевидно, человеческое общество не хлебом единым живо»¹⁶. Иными словами, без идеологическо-мировоззренческих представлений человек теряется в совершенно незнакомом ему мире. А общество и государство полностью дезорганизируются и утрачивают способность к самосохранению и воспроизводству.

Особенно велика эта потребность сегодня, когда человек полностью дезориентирован в результате массивной и циничной «идеологической обработки», скрывающейся под видом «деидеологизации». Но при всем декларируемом отказе не только от прежней коммунистической идеологии, но и от идеологии вообще, на деле ее нишу совсем недавно заняли «общечеловеческие ценности», выполнявшие ее функцию — служить общей рамкой для определенных политических действий. Связанные с политическим контекстом, они приобретали идеологическое значение, ибо с их помощью давалось идеологическое обоснование новой стратегии во внутренней и внешней политике.

Тот факт, что «общечеловеческие ценности» — не развернутая концепция, а всего лишь — метка, пароль, фраза, до предела маскирующая их содержание (или его отсутствие), не может скрыть того

очевидного факта, что она является скрытой формой идеологии. «Общечеловеческие ценности» — конечно, не идеология, а только идеологема, поскольку в зародыше содержит намек на идеологию. Какой может быть эта идеология? Из основных, опорных моментов этой идеологемы — ее «всечеловечности» — следует, что это должна быть прежде всего глобалистская идеология. В методологическом плане ее прообраз, самая ближайшая историческая модель и — можно смело утверждать — ее судьба — это идеология пролетарского интернационализма, как это не покажется странным. Хотя пролетарский интернационализм — классовая идеология, но она имеет нечто принципиально общее с внеклассовыми «общечеловеческими ценностями», ибо во главу угла ставит этическую категорию — солидарность: в одном случае пролетарскую, в другом — общечеловеческую. Сомнение вызывает отнюдь не сама идея солидарности, а ее оторванность от реальной жизни, ее утопичность в данном контексте.

Если посмотреть на эту проблему с точки зрения антропологии, данные которой до недавних пор игнорировались, то можно прийти к аналогичному выводу. Кто серьезно относится к человеческой природе, тот понимает, что ее обусловленность, то есть зависимость от среды, условий воспитания, психофизических особенностей и т.д., преодолеть невозможно. Мы традиционно склонны разделять лишь ценности той группы, к которой принадлежим сами. Разум как будто подсказывает, что мы должны испытывать приверженность ко всему общечеловеческому, но это противоречит нашему опыту и практике. Антропологи обращают внимание на специализацию разных культур, которая в большей степени отвечает потребностям человека (ибо генетически связана с ними), нежели всечеловеческая идентификация. Что же касается современной общественной организации, то для нее фундаментальным стал поиск собственной парцеллярной корысти. «Общечеловеческие ценности» при всем их формально постулируемом гуманизме слишком далеки от жизни, слишком бескровны. В реальной жизни, реальной политике наблюдается ориентация не на общечеловеческие ценности, а на реальные интересы, имеющие конкретных носителей.

Пропаганда «общечеловеческих ценностей» имела целью также разрушение системы традиционных нравственных и духовных ценностей, что соответствует главному проявлению глобализационного процесса в России. Разрушение системы нравственных и духовных ценностей народа буквально сокрушают наши традиционные представления о добре и зле, о справедливости, чести, патриотизме, вере. Наш народ традиционно был склонен отдавать предпочтение духовным

ценностям, ставил добро, истину и красоту выше материальных благ. А защита Отечества и служение родине были для него высшей духовной ценностью.

Традиционные ценности, сформировавшиеся на протяжении веков, служили своеобразным «генетическим кодом» российской культуры и цивилизации. Исключительная роль традиционных ценностей в жизни общества обусловлена тем, что они отражают способ видения в мире, принятие или отрицание действительности и одновременно общую ориентацию для практического действия. Традиционные ценности — это концентрированные формы, в которые отливаются исторически сложившиеся идеологические и мировоззренческие представления народа. Они являются точками опоры, ориентирами для определения смысла и содержания жизни, выражением непрерывности.

Под давлением стихийных процессов глобализации традиционные нравственные и духовные ценности, которые на протяжении столетий формировались постепенно и в основном соответствовали условиям жизни российского суперэтноса, начинают деградировать. «При этом, — пишет В.И.Пантин, — речь идет не о смене одних доминирующих ценностей другими, облегчающей адаптацию этноса или суперэтноса к изменившимся условиям (что является нормальным процессом), а именно о деградации базовых ценностей, об их утрате. Наиболее ярко эти процессы деградации проявляются в утрате религиозных ценностей, в том числе и «Духа протестантизма»¹¹⁷. Формула же «общечеловеческих ценностей», окруженная таинственным, возвышенно-прекрасным ореолом призвана воздействовать на сознание людей и замаскировать этот процесс деградации.

Следующий важный аспект «общечеловеческих ценностях» — это вопрос о их совместимости с принципом индивидуализма, который, являясь ключевым принципом эпохи глобализма, главной ценностью европейской цивилизации, активно культивируется сегодня и на российской почве. Если общечеловеческие ценности основываются на универсализации многообразных явлений действительности, то индивидуализм предполагает обратное: человеческое «я» если и участвует в процессе, то как фактор разложения целостности социального бытия. В социальном плане индивидуалистическая и связанная с ней утилитаристская традиция в принципе означают утверждение эгоистического интереса индивида, а точнее, максимизацию его процветания или пользы. Благодаря этому мир инструментализируется и становится лишь сферой индивида для реализации его личного, индивидуального интереса. Телеология собственной выгоды глобаль-

на по своему действию. Естественно, что такой индивидуализм неправомерно и ошибочно смешивать «с личностным началом. Последнее присуще христианству как типу мироотношения. ...Исповедь предполагала самоанализ личности: верующий был обязан рассмотреть свои поступки и самые помыслы под углом зрения их соответствия Божьим заповедям»¹¹⁸.

Индивидуализм, рожденный Европой в рамках ее системы общественных отношений, так и остался достоянием Запада, выродившись в беспредельный индивидуализм современной эпохи. России же присущ не столько индивидуализм западного образца, сколько более губительная его разновидность — полный атомизм, который сформировался в результате политических и социокультурных сдвигов общества. Последние привели к «утончению» социальной ткани, фрагментарности и нарастанию хрупкости социальных связей. Сейчас прилагаются невиданные усилия для того, чтобы превратить россиян в совокупность отдельных людей, чтобы каждый потерял ощущение общего дома, стал автономной единицей.

Политические партии, которые уже не охватывают большие интегрированные сегменты общества, утрачивают свое прежнее значение, дробятся, все больше превращаясь в избирательные машины для лидеров. В деятельности депутатов социально-экономическое и идейно-классовое представительство вытесняется, постепенно трансформируясь в персональное, региональное или политическое. Триумф частной сферы, крайний атомизм на фоне разрушения традиционных ценностей, отсутствия объединяющей идеи, последовательного отказа властей сформулировать концепцию общего блага, угрожают самой способности к единству общества и существованию государства вообще.

Одним из выражений наивысшего признания в социальных теориях и политической практике как Запада, так и нынешней России принципа индивидуализма является совершенно новый феномен в истории цивилизации — автономизация сферы экономики. Антропологическим субъектом новой экономики, мерой всей реальности стал «гомо экономикус». Безграничное приобретательство становится высшей целью жизни такого человека (М.Вебер). А экономическая деятельность больше не рассматривается, как это было в более раннюю эпоху в рамках идеологии, сложившейся еще в средние века, в качестве лишь одного из подчиненных элементов в большом и сложном общественном единстве. Тогда экономическая деятельность признавалась нормальной и справедливой лишь в тех пределах, в кото-

рых она была направлена на удовлетворение естественных потребностей, а хозяйственная деятельность подчинялась моральному суду. Этим была озабочена церковь.

С утверждением концепции автономности экономики и приходом «высокоразвитого капитализма», тресты, банки, акционерные общества не имеют уже никаких человеческих целей. Мерой их успешности является не имеющая никакого предела неограниченно растущая прибыль.

В России следование принципу автономной экономики, «уходу» государства из экономики приняло беспрецедентный характер, не наблюдающийся более нигде в мире¹¹⁹. Это привело к потере основных защитных и системообразующих функций государства обществу при одновременном разбухании бюрократического аппарата.

Во главе автономной экономики стоит особое сословие новых ростовщиков, финансовых спекулянтов.

Почти одновременно с понятием «общечеловеческие ценности» в российской общественно-политической риторике появилось «гражданское общество». Но если первое в силу своей универсальности не воспринималось социально поляризованным обществом однозначно позитивно, то «гражданское общество» парадоксальным образом рассматривается как одинаково приемлемое и представителями либеральных кругов, и их противниками. За этим «консенсусом», к сожалению, стоит непонимание сути и содержания столь неоднозначной и исторически изменяющейся идеи, сформировавшейся в пределах европейского контекста.

В XX в. на Западе проблема соединения абстрактных прав индивида с социальными гарантиями и солидарностью во имя благосостояния приобрела особое значение и перемещалась в центр политической мысли вплоть до наших дней. В начале 70-х гг. XX века американский политолог Т.Маршалл ввел различие между политическими, гражданскими и социальными аспектами гражданства, имеющими важное значение в свете нынешнего понимания гражданского общества. *Гражданский* аспект включает в себя права, необходимые для гарантий индивидуальной свободы — личную свободу, свободу слова, мысли и веры, право на владение собственностью, а также право на справедливость. *Политический* — состоит из права на участие в политической жизни. *Социальный* — предусматривает право на определенное экономическое благосостояние и безопасность, а также право на часть всего социального наследия и на цивилизованную жизнь в соответствии со стандартами, преобладающими в данном обществе.

Вопрос о «подлинном», «реальном» гражданском обществе в Западной Европе и США ставится часто в контексте социальной справедливости. Например, дискуссия об общественной системе здравоохранения находится в самом центре идеологических споров, причем во всех сегментах политического спектра. Обсуждение права на медицинскую помощь поднялась до уровня обсуждения самих основ либерально-индивидуалистических ценностей и роли государства как гаранта важнейших аспектов жизни общества. Сегодняшние споры и протесты в западном обществе, например по поводу гарантированного общественного здравоохранения, совершенствования общественной системы образования и т.п., по сути своей есть продолжение исторической борьбы трудящихся при ожесточенном сопротивлении «верхов». Очень часто протест такого рода принимает сегодня форму антиглобалистских выступлений, борьбы за более широкие социальные права, за справедливость. Это отражает стремление довольно большой группы населения западных государств к расширению социальной составляющей понятия «гражданства», что весьма типично для начала XXI столетия.

Важнейшее значение для эффективной деятельности гражданского общества приобретает и проблема доверия как к политическим институтам, так и граждан друг к другу. Западные исследователи определяют функционирование доверия в современном обществе как ограничение, накладываемое на свободный обмен ресурсами, например общественными благами (когда благо, предоставляемое одному члену общества, должно быть предоставлено всем), или общественное распределение частных благ. Тогда такой феномен, как социальные программы или прогрессивная шкала налогов на доходы, есть ни что иное как ограничение свободного обмена, в основе которого лежат *доверие* и *солидарность* в обществе.

В России гражданское общество трактуется, как правило, с точки зрения гражданского и политического аспектов, т.е. как своего рода антитеза государству, коллективизму. Его формирование сводится к созданию всевозможных организаций. На российской общественно-политической арене выявилось около 300 тыс. организаций самого различного направления.

По мнению Е.Басиной¹²⁰, в современном российском обществе можно выделить два типа самоорганизованных групп: первый — «фасадные» или псевдогражданские, квазигражданские (т.е. соответствующие названию «неправительственные организации»); второй — минимальное число групп, объединенных гражданственными, гуманитарными и тому подобными проблемами (права человека, эколо-

гия и пр.) При этом значительная часть групп гражданского характера финансируется (и соответственно контролируются и управляются) *зарубежными* фондами. Для многих же, если не большинства спонтанно образовавшихся низовых групп характерна преимущественно негражданственная ориентация. Эти движения носят по существу аномический характер, превращаясь в совокупность криминальных и полукриминальных структур, патронально-клиентальных сетей, в «теневую экономику» и неразвитые партийные системы.

По сути, «гражданское общество» в России — лишь дымовая завеса, за которой происходит фактическое разрушение государства. В России не может быть создано нормальное гражданское общество на фоне неразвитости и искаженности государственных институтов, в условиях низкого доверия к существующим политическим институтам, отчуждения общества от власти, низкой политической и социальной солидарности, но чрезвычайно большой социальной поляризации и социальной атомизации. Под лозунгом «гражданского общества» на деле развился стратификационный кризис, т.е. распад так называемых «групп солидарности», распад жизненного опыта индивида, его картины мира. Многие исследователи назвали это кризисом идентичности — утратой индивидом системы координат, в соответствии с которой он идентифицирует себя со страной, нацией, социальной группой или стратой. Такое мироощущение широко распространено в современной России. Эти процессы, как и подобные им в других регионах мира, являются предпосылкой формирования общемирового глобального общества.

Стремительными темпами идет построение невиданной в истории человечества цивилизации — сетевого общества, в котором все его члены будут обязаны жить по новым стандартам. Создание сетевого общества — это кристаллизация уже ничем не скрываемого принципа «господство-подчинение», осуществляемого анонимной властью нетрадиционным способом с применением новых социальных технологий.

Основой сетевого общества является огромное разнообразие самоуправляемых частных или так называемых некоммерческих неправительственных организаций (НКО). На мировой арене эти организации раньше правительств и финансово-промышленных групп объединились в международные сети. Многочисленные НКО фактически стали выполнять функцию регулятора социальных процессов в обществе в задаваемом глобализмом направлении. В этих новых условиях старые правовые, бюрократические структуры государства становятся хорошей мишенью для атак сетей и неправительственных организаций.

Самое существенное в этом процессе состоит в том, что уровень горизонтальных связей, «подгосударственных», «внегосударственных», образующих корпоративные сети в обществе, становится важнее, чем уровень вертикальный, связанный с государством. Локальные социальные сообщества хорошо связаны с большими планетными коммуникациями. В таком принципиально изменившемся мире поддерживать позитивный баланс взаимодействия государства и общества очень не просто. Социальный механизм осуществления государственного управления стал сложнее и противоречивее, так как именно к горизонтальному уровню «стянулись» все узловые линии. Сегодня войны нового типа идут уже не между государствами, а между государством и негосударственными, неправительственными организациями. «Страна сталкивается с тем, что ее противник — это какой-то рой вроде бы не связанных друг с другом фондов, комитетов в защиту того-то и того-то, преступных группировок, политических движений, телеканалов, Интернет-сайтов. Только действуют они невероятно согласованно»¹²¹.

Таким образом, глобализм, утверждая тотальность в экономике, осуществляет антитотальность в социальных связях, в духе, культуре, порождая разрозненность, разделенность, разобщенность, которые ведут к новой тотальности — сетевому обществу с цифровой идентификацией.

Главным инструментом построения глобального сетевого общества, где практически будут упразднены такие понятия как «национальный суверенитет» и «государственная граница», является присвоение каждому человеку идентификационного кода¹²² взамен его имени с целью превращения личности в объект управления.

Цифровой идентификатор является кодовым числом или ключом доступа к файлу-досье конкретного человека, где собирается о человеке разнообразная информация, в том числе и сугубо конфиденциального характера. Очень многое уже известно и занесено в постоянно обновляемую базу данных. Неслучайно в целом ряде стран (Германия, Португалия, Япония и других) попытки введения единого цифрового идентификатора личности получили резкий отпор со стороны законодателей и населения. На Западе издаются книги, в которых подробно перечисляются и анализируются современные возможности контроля над личностью, а также даются рекомендации по технической и судебной защите прав личности¹²³.

Что касается России, то в новом законопроекте о паспортах содержится пункт о машинночитываемой записи, особая опасность которой заключается в том, что человек окажется отделен от персональ-

ной информации о себе и, не имея специального оборудования, не сможет знать, какие сведения вписаны в его паспорт¹²⁴. В России процесс тотальной идентификации населения (включая младенцев, пенсионеров, инвалидов и монашествующих) осуществляется органами МЧС, МВД, Пенсионного фонда и Минздрава. Многие ошибочно воспринимают присваиваемые людям цифровые коды как разрозненные средства административного контроля. На самом же деле это результат выполнения требований глобалистских структур — Всемирного банка, Международного валютного фонда и ряда транснациональных корпораций — к государствам. Российская система создается с учетом международных стандартов как составная часть системы учета, контроля и насильственного управления населением планеты. Создатели этой системы не скрывают, что ее главная задача — управление всей жизнедеятельностью человека и каждого человека в отдельности, разрушение национальной государственности, нивелирование культурных и духовных ценностей.

Таким образом, «“мир денег”, — как отмечает А.И.Некlessа, — в своем логическом пределе утверждает новую универсальность — унифицированную, анонимную власть над атомизированной и мифицированной массой, представляющей из себя не живое общество, а *реестр, каталог*, т.е. гротескный постсоциальный мир»¹²⁵. Теперь, продолжает ученый, кажется, можно лучше понять смысл древних запретов не только на ряд финансовых операций, но и на сам принцип фиксации, исчисления, переписи, каталогизацию всего и вся, но прежде всего — живого мира людей и времени (будущего)¹²⁶.

Последовавший в веках постепенный отход от христианства значительно упростил положение стремительно набирающей силу мировой финансовой олигархии, достигшей сегодня необычайного могущества. И уже на глобальном уровне в повестку дня поставлена задача замены секуляризации осознанным антихристианством. В отношении России главные идеологи глобализма (З.Бжезинский, А.Печчеи, Э.Янч, Г.Киссинджер и др.) открыто объявили, что после развала СССР врагом № 1 для них является Русское Православие. По Бжезинскому, «новый мировой порядок» будет строиться против России, за счет России и на обломках России. Без уничтожения Православия задачу, поставленную Бжезинским, трудно решить, ибо защита государства входит в число важнейших задач верующего человека. Для христианина все обязанности разделяются на две части — на обязанности к Богу и обязанности к ближнему. Эта вторая часть включает также обязанности по отношению к семье, к обществу и государству. Государство, отечество — то же, что семья, но только несравненно больших размеров.

Для православного человека любовь к отечеству есть такое же врожденное чувство, как и любовь к семье. Она проявляется: 1) в содействии благосостоянию своего отечества, его возвышению и славе; 2) в том, чтобы всеми мерами охранять и защищать славу, достоинство и неприкосновенность отечества; 3) при необходимости (например, в военное время) отдать безоглядно всю свою жизнь для спасения отечества, — «полагать свою душу». Для охраны чести и неприкосновенности владений своего отечества верноподанные сыны жертвуют всем своим достоянием, отдают за это и свою жизнь¹²⁷. Безрелигиозное, светское сознание впитало эти императивы на глубинном уровне, что находило свое выражение в массовом трудовом и военном героизме народа в советскую эпоху.

С целью дискредитации врожденного чувства любви к отечеству особым нападкам подвергается патриотизм. При этом апеллируют к известной и ставшей расхожей фразе: «патриотизм — это последнее прибежище негодяев». Данные слова принадлежат знаменитому английскому поэту, журналисту, критику и библиографу Сэмюэлю Джонсону (1709—1784), который и поныне остается для англичан нравственным и эстетическим авторитетом. Крылатое выражение Джонсона уже двести лет бытует в английском языке как пословица, однако англичане с их любовью к родной стране и традициям вкладывают в нее совсем другой смысл, чем некоторые недобросовестные российские политики и журналисты. В понимании англичан человек, совершивший неблагоприятный поступок или даже преступление и сам понимающий свою вину, чтобы спасти себя, свою душу и доброе имя, должен покаяться, обратиться к Богу, творить добрые дела своим ближним, своему народу и своей стране. И тогда, может быть, его вина простится. Таким образом, здесь проявляется смысл, диаметрально противоположный тому, который пытаются внушить при помощи демагогической подмены смыслов, цель которой — дискредитация патриотизма, обладающего огромной нравственной силой.

Таинственное и могущественное чувство любви к Отечеству, которое сродни любви к матери, — чувство естественное, врожденное, изначально свойственное каждому человеку. Идея патриотизма оказывает более сильное воздействие на сознание людей, чем традиционные гуманистические идеи свободы, справедливости, парламентской демократии и т.д. Они конденсируют в себе громадный исторический опыт многих поколений и формировались в тех условиях, когда люди не рассуждали рационально в той степени, чтобы осознать собственную историю и социальный смысл национального своеобразия.

разия. Для патриота историческая государственность (государство как «правовая форма Родины» — И.Ильин) — это безусловная ценность, нечто священное.

Культурно-религиозные традиции глубоко впитали в себя этот своеобразный кодекс «государственности», на котором в веках стояло Российское государство. И какая бы идеология ни доминировала в тот или иной исторический период, она вынуждена втягивать в себя естественные ценности и идеалы народа. Даже некоторый поворот к коммунистической идеологии, наблюдавшийся в обществе в 90-е годы XX в., помимо обманутых ожиданий масс и реального ухудшения жизненных условий, имел и более глубокие причины. Резкий отказ от коммунистической идеологии в условиях безрелигиозного общества означал также отказ от идеалов, пусть извращенных и профанированных, но имеющих свои истоки в нравственно-религиозных традициях народа. Он означал и уход от коллективности и государственности как объединяющего начала.

Глобалисты сознают, что только Россия с ее традициями, основанными на православной вере и могучей государственностью, — может помешать им. Поэтому в их план входит и окончательное разрушение, расчленение России, чтобы не допустить ее возможного возрождения. Такую же цель преследует и экуменическое движение. Прекрасная сама по себе идея экуменического движения, т.е. вселенского движения по соединению всех христианских церквей, вдохновляла христиан во всем мире. В эту идею, которая имеет почти столетнюю историю, вложены лучшие чаяния христиан всех церквей. Но современное экуменическое движение подразумевает отнюдь не вселенскую единую Истину, а чисто географический подход. Оно приняло такое направление, что Православная Церковь была вынуждена заявить о своей особой позиции по отношению к данному движению. Это связано с тем, что после Эдинбургской и Оксфордской конференций (1937 г.) наступил решительный поворот экуменического движения в сторону от церкви как таковой. Организованная по экуменическому плану церковь угрожает стать ближе к земле, чем к небу.

Переломной вехой для всего человечества стал II Ватиканский собор (1962–1965 гг.), который заложил основы вселенской универсальной религии и церкви, отвечающей потребностям глобализации. Православных поразило безразличие к вопросу о том, как проецируется Священное Писание на цивилизацию, в которой оно исторически раскрывается. Они почувствовали какую-то лукавую подмену исторических мотивов, а значит, и мотивов духовной жизни.

Православные иерархи считают, что готовится к воскрешению мирской идеал всемирного владычества. Целеустремления экуменического движения не соответствуют идеалу христианства и задачам Церкви Христовой, как их понимает Православная Церковь. Снижение требований к условиям единения умалет христианское вероучение до той лишь веры, которая по слову Апостола доступна и бесам (Иак.2, 19; Мф.8, 29; Мк. 5,7)¹²⁸.

Следствием дехристианизации стал сугубо материалистический подход к жизни. Христианство, как и любая другая религия, исходит из признания некоторого высшего смысла жизни, принадлежащего более высокой сфере, чем сама эта жизнь. Угасание духовной жизни ознаменовалось господством материального. На протяжении истории в глобальной по размаху и вечной борьбе «Духа» с «Материей» перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. В средние века имел место насильственный крен в сторону духа, но тогда человечество разглядело ошибочный нетерпимый уклон позднего средневековья. Поворот от средних веков к Возрождению ознаменовался тем, что господство духовного сменилось неограниченным господством материального, которое сегодня себя уже изжило. Человечество подошло сейчас к такому повороту мировой истории, что если не осознать губительности материалистического уклона позднего Просвещения, чрезмерной материализации жизни, если не научиться соблюдать достойную гармонию между физической природой и природой духовной, то его ожидают большие катаклизмы.

Сугубо материалистический подход к жизни, который культивировался в российском обществе еще во времена социализма, в постсоветское время достиг своего небывалого и полного воплощения. Почти все основные принципы, которыми направляется жизнь как отдельного человека, так и всего общества, не выходит за рамки удовлетворения материальных интересов или простейших инстинктов. Стремление «иметь» вместо «быть», полная без остатка включенность в поток стихийной материальной жизни, с ее заботами о пище, крове, положении и всяческих земных благах означает отказ от высших ценностей и идеалов многовековой культуры, т.е. от того фундамента, на котором стояло российское государство. Рабское служение приятным, удобным материальным вещам, глубоко затянувшее человека в свою паутину, не дает ему осознать и расправить присущий ему от рождения дух, который только и отличает его от животного мира. Но когда материальное целиком вытесняет духовное из жизни народа, это означает его гибель.

Стремление в эпоху глобализма заменить традиционную культуру и традиционные верования России постмодернизмом также укладывается в русло антихристианства. Постмодернизм — это и есть, по мнению В.А.Лекторского, открытое провозглашение нехристианской культуры. «Легко видеть, — пишет он, — что если традиционный европейский гуманизм был историческим продуктом секуляризации христианских ценностей (со всеми сложностями, к которым этом процесс привел...), то постмодернизм означает открытый разрыв с этими ценностями, а тем самым с основными традициями европейской культуры. Ибо христианство не только всегда различало земной и трансцендентные миры, но и находило мосты между ними и предполагало активную деятельность по претворению идеалов в жизнь»¹²⁹.

Постмодернизм — это состояние полной неясности и несогласия относительно природы реальности, которая предстает раздробленной и несвязной. Человек видит в ней много версий, но ни одна из них не является полной, ибо вслед за «смертью Бога» поставлена под сомнение и релятивирована сама Истина. Множественность несоизмеримых между собой истин, столкновение субъективных позиций, культурная раздробленность, историческая относительность любого знания, удручающая бессвязность, чувство неопределенности и всеобщего распада, плюрализм, за которым скрывается почти монопольный контроль над идеями и информацией — все это и определяет состояние «постмодерна». Разрозненность и бессвязность, сознательно поверхностная и эклектическая имитация влекут за собой серьезные последствия.

Во-первых, оборотной стороной открытости и расплывчатости постмодернистского сознания и мышления является отсутствие какого-либо твердого основания для мировоззрения. Во-вторых, «кризис ценностей, банкротство идеологий и идеи о государстве как попечителе своих граждан выдвигает в итоге на первый план все фальшивое, показное, эфемерное: упаковка вместо вещи»¹³⁰. В-третьих, как отмечает немецкий ученый Л.Рормозер, отрицание идеи единства и превознесение плюрализма ведут к анархизации культуры и подрывают сами религиозные основания. То же самое относится и к отказу от понятия субъекта и субъективности, когда человек перестает быть уникальной личностью, образом и подобием Бога.¹³¹ В-четвертых, если нет божественного основания, то судьба человеческого сознания — неизбежное кочевье, постоянное скитание в дебрях заблуждения. Преследуя амбициозную цель стать в высшей степени автономным, самоопределяющимся существом, человек на деле превращается в конце концов в «гомо экономикус».

Культура и психологически, и практически страдает от овладевшей ею деканонизации, деконструкции, искаженности и неопределенности. «Изгнание из культуры Нормы, — пишет Ю.Арабов, — приводит к замене вертикали ценностей (лестница Иакова к Богу) на горизонталь (супермаркет), где вместе с томиком Библии продается презерватив, и оба товара лежат на одной полке. Культура, таким образом, становится спрямленной, плоской, предпочтение не отдается чему-то одному (раз Бог изгнан, значит, изгнана точка отсчета); иерархия ценностей отсутствует, следовательно, всё, все вещи в материальном и духовных мирах одинаково важны и одинаково ничтожны. А раз так, то спрямленная “горизонтальная” культура занимается в основном обслуживанием первичных инстинктов человека, например, инстинкта размножения или насилия, желания релаксации после утомительного рабочего дня»¹³².

Наиболее остро прореагировали на окончательно обрушившуюся духовную вертикаль музыка и поэзия, которые не могут нормально существовать и развиваться в бездуховном линейном мире.

Прекрасно себя чувствуют в этом состоянии лишь суррогаты в форме «попсы», фельетонов, пародий, всевозможных развлекательных шоу. Постмодернистские литературные «тексты» заполнены девиантной составляющей сексуальной революции, где доминируют перверсивные похоти феминизированных мужчин и маскулинизированных женщин (Вик.Ерофеев, В.Нарбикова, Е.Сорокин).

Ярким отражением постмодернизма является *телевидение*, которое *предстает*: 1) как «серийная культура» (выражение Сартра), 2) как постмодернистская технология — расщепленный экран с его бестелесным голосом и мерцающими, пульсирующими образами — есть символический знак культуры; 3) как господствующая идеология телевизионной культуры, суть которой — развлечение¹³³. В постмодернистской культуре телевидение выступает зеркалом общества, а, наоборот, *общество есть зеркало телевидения*.

Телевидение как реальный мир постмодернизма, занимая особое место в системе СМИ, заметнее всего проявляет себя в сфере информационной политики. Факт превращения телевидения в политическую реальность или в особую ее разновидность делает весьма значимой расстановку акцентов в подаче новостей и комментариев к ним, поскольку такой акцент приобретает роль фактора определенного политического ориентирования массового сознания и общественного мнения. Формируя у человека нравственные принципы и цели жизни, эстетические вкусы, политические и национальные симпатии и антипатии, телевидение вместе с другими СМИ может эффективно стандартизировать массовое сознание.

Определенная информационная политика, проводимая в эпоху глобализма с использованием самых современных технических средств, позволяет некоторым фактам отводить очень большое место; другие — вычеркивать из информационной картины, третьи — искажать. Все это квалифицируется как политическое манипулирование, т.е. как процесс ограничения и принижения политического сознания, культивирования политического недомыслия, которое доводится до самых прочных уровней мышления, до самых стойких убеждений и привычек¹³⁴.

Используя технологию манипулирования, телевидение может ориентировать человека на определенный набор политико-идеологических и иных ценностей, в том числе далеких от конкретных национальных интересов и традиций. Поэтому в понятии *суверенитета государства* все более важное место занимает его информационная составляющая. В мире широко распространено убеждение, что форма и содержание радио- и особенно телевизионных программ представляет важный компонент национального суверенитета государства, который государственная власть обязана охранять. Понятно, что Россия в эпоху глобализации не в состоянии обеспечить свой информационный суверенитет¹³⁵. Общая тенденция такова, что в связи с развитием спутникового вещания и становлением системы глобального телевидения, интерпретация понятия «информационный суверенитет» будет становиться все более «мягкой» за счет признания прав граждан на свободу выбора программ.

Президент США Джордж Буш подписал принятый конгрессом закон, предусматривающий выделение России 50 млн. долларов на осуществление в 2003 г. ряда программ в области «демократических реформ» и поддержки «независимых СМИ».

Результатом дехристианизации является и сексуальная революция, полным ходом идущая в России. В стране созданы все возможности для тиражирования и распространения безнравственности. Сексуальная революция, пришедшая с Запада, есть прямое отрицание христианства и его заповедей. Начало этому положил скандально известный маркиз де Сад, который задолго до Ницше и Фрейда выступил с бунтарской критикой против морально-религиозных устоев общества, сделал богоборчество и атеизм основой своей идеологии. Для него борьба с источником мракобесия, которым он считал христианство, и должна заключаться в сознательном гедонизме и аморализме.

Живя в восемнадцатом веке, де Сад не только предсказал основные тенденции бурных сексуальных революций двадцатого века, но и предложил основные принципы, по которым следует жить общест-

ву. Он считал необходимым разрешить свободные браки, адюльтер, проституцию, инцест, гомосексуализм, содомию и другие формы сексуальных отклонений. Не должны, по его мнению, караться клевета, грабеж, насилие. Отсюда логически вытекала необходимость принятия более мягких законов и решительная отмена смертной казни. Радикально атеистический, материалистический и эгоистический переворот де Сада заложил краеугольный камень будущей секс-революции, т.е. подготовил то, что вполне можно истолковать как сжатый, символический проект-предсказание относительно грядущих секс-революций.

Его знамя подхватил З.Фрейд, который, исходя из своего физиологического материализма, свел сущность человека к гипертрофированной сексуальности, т.е. к более низкому, чисто биологическому уровню. Тем самым представил человека как воплощение наиболее примитивных инстинктов.

Г.Маркузе в работе «Эрос и цивилизация» предпринял дальнейшее развитие этих идей, нарисовав картину общества будущего, основанного на освобождении инстинктов от контроля «репрессивного разума». Тело человека как целое, согласно Маркузе, превратится в инструмент удовольствия, будут реактивированы ранние фазы либидо и подвергнутся разложению те институты общества, в которых осуществляется «Я».

Важным следствием последовательного антихристианства и вытекающего из него аморализма как для де Сада, так и для Маркузе стали гневные нападки на моногамный брак, стремление к разрушению семьи. Семья для де Сада — это еще один неисчерпаемый источник человеческих невыносимых страданий. Поэтому необходимо уступить требованиям природы и отменить мораль с ее предрассудками и устаревшими семейными институтами. Для Маркузе изменение ценностей и усиление либидинозных отношений должно привести к разложению институтов, которые регулировали личные межиндивидуальные отношения, в частности моногамный брак и патриархальную семью.

Освобождение сексуальных инстинктов, за которое ратовали эти и другие авторы, нашедшее реальное выражение в современной «сексуальной революции», ведет к разрушению семьи, которая до сих пор оставалась самым устойчивым социальным образованием. Семья — не просто ячейка общества, она является хранителем традиционных ценностей народа, обладает большой воспитательной силой и является главным конституирующим элементом государства как целого. Именно в семье складывается наиболее устойчивый комплекс осно-

вополагающих представлений об обществе и индивиде, о государстве, сакральном и мирском, т.е. складывается некий субстрат мировоззренческих представлений данного исторического периода.

Семья в России в эпоху глобализации оказалась эпицентром всех негативных кризисных процессов, которые буквально сокрушают наши традиционные представления о добре и зле, о справедливости, чести, патриотизме, вере. Большой вклад в это вносит и программа «Планирование семьи», которая внедряется с 1994 г. на территории России в сфере образования. Она ориентирует ум и чувства детей на свободное проявление полового инстинкта, делая сексуальные проявления доминантой психической жизни подростка. Это способствует тому, что ребенок духовно, нравственно, психически и физически становится нездоровым. Из него уже не получится ни личности, ни семьянина, ни гражданина, ни защитника Родины. Его удел — быть бессердечным, жестоким существом, сексуально-биологическим роботом. По данным статистики, сегодня россияне начинают пить с 11 лет, курить с 10, колоться с 12 лет. За 10 лет подростки стали убивать в 3 раза чаще. Каждый четвертый российский призывник — наркоман. В результате Россия вымирает, деградирует и распадается.

Осуществление глобализации в России является ярким свидетельством того, что глобализм — это и есть осуществление тайны беззакония, о котором свидетельствовал Апостол Павел. Всюду происходит тотальная подмена понятий, извращение изначального смысла вечных ценностей. Интуитивно ощущая это, народ России все настойчивее и яснее демонстрирует тягу к обретению своих традиционных ценностных ориентиров, к укреплению государственности. Это в конечном итоге, продемонстрировали и выборы 14 марта 2004 г. На этих выборах победили не отдельные партии, а традиционные ценности России: сильное и независимое государство, свободная и ответственная личность, эффективная и справедливая экономика, защита слабых, крепкая семья, уважение к власти, честный труд.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Кильюнен К.* Управление глобальными процессами // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 18.
- ² Цит. по: *Иноземцев В.Л.* Рецензия на книгу З.Баумана «Индивидуализированное общество» // Вopr. философии. 2001. № 8. С. 120.
- ³ См., например, Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир».
- ⁴ *Косолапов Н.А.* Политическая организация глобализирующегося мира: проблема и модели на среднесрочную перспективу // Политическая организация глобализирующегося мира. М., 2001. С. 6.

- ⁵ *Азроянц Э.А.* Глобализация как процесс // Глобализация как процесс. М., 2001. С. 21.
- ⁶ См.: *Назаратян А.П.* Выступление // Глобализация как процесс. С. 51.
- ⁷ См.: *Чешков М.А.* // Там же. С. 55.
- ⁸ *Коллонтай В.М.* Проблемы, порождаемые глобализацией // Глобалистика как отрасль научного знания. М., 2001.
- ⁹ *Вебер А.Б.* // Там же. С. 55.
- ¹⁰ *Иванов Н.П.* Парадоксы глобализации — вызовы и поиски ответа // Парадоксы глобализации — вызовы и поиски ответа. М., 2001. С. 6.
- ¹¹ *Трубина Е.Г.* Нарратив, повествование. Современный философский словарь. Пан-принт. 1998. С. 523.
- ¹² *Вебер А.Б.* Выступление // Парадоксы глобализации... С. 41.
- ¹³ См.: Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России // Вестн. рос. филос. об-ва. 2002. № 3. С. 81.
- ¹⁴ *Шишков Ю.В.* Выступление // Парадоксы глобализации... С. 29.
- ¹⁵ Именно в рамках этой тенденции и под влиянием развития таких дисциплин, как историческая антропология, социальная психология, история ментальностей, КСИ (конкретные социальные исследования) сложилась новая парадигма социальной истории, которая выявляла человеческое измерение исторического процесса. Больше внимания уделялось содержательной стороне сознания действующих субъектов. См.: *Репина Л.П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методол. пробл. ист. познания. Ч. I. М., 2001. С. 76–77.
- ¹⁶ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 48.
- ¹⁷ *Панарин А.С.* Субъект исторический // Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 477.
- ¹⁸ *Фурсов А.* Лукач возвращается // Независ. газ. 2004. 19 февр.
- ¹⁹ *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 75.
- ²⁰ *Коллонтай В.М.* Проблемы, порождаемые глобализацией // Глобалистика как отрасль научного знания. М., 2001. С. 40.
- ²¹ *Иванов Н.П.* Парадоксы глобализации. С. 6.
- ²² *Фитунги Л.Л.* Бегство капитала в новой архитектуре мировой экономики // Глобальные и стратегические исследования. М., 2002. С. 38–39.
- ²³ См.: *Пронин С.В.* Выступление // К общей теории социального развития человека. М., 2002. С. 82.
- ²⁴ *Неклесса А.И.* Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX в. // Глобальные и стратегические исследования. М., 2002. С. 29. См. об этом также: *Гуревич А.Я.* Средневековый купец // Одиссей. М., 1990.
- ²⁵ *Ларуш Л.* Чтобы на Земле не воцарились «новые темные века». Интервью // *Медведева И., Шишова Т.* Логика глобализма. Статьи и интервью. М., 2002. С. 79–80.
- И далее: «После смерти Сталина, в 1955 г., Хрущев послал своих официальных представителей в Лондон на конференцию «Парламентарии мира за организацию мирового правительства», устроенную тем же Расселом. Сам факт проведения такой конференции имел огромное историческое значение и серьезные последствия по обе стороны Атлантического океана. Представители Хрущева публично выразили солидарность с Расселом, иными словами, Хрущев поддержал идею создания мирового правительства, и с тех пор в СССР и в мире начали

происходить серьезные политические изменения» (Там же. С. 80). В Советском Союзе, — пишет Ларуш, — возникла партия сторонников мирового правительства и в дальнейшем развернулась борьба между глобалистами и приверженцами принципа суверенного государства. Такая интерпретация событий Ларушем, возможно, покажется спорной, но поскольку она не совпадает с официальной линией по обе стороны Атлантического океана, с ней стоит ознакомиться.

26 **Кемеров В.Е.** Введение в социальную философию. М., 1996. С. 72.

27 Там же. С. 73.

28 Национализм получил широкое распространение в странах коммунистического блока, особенно бывшего СССР, в Югославии, а также в других регионах мира.

29 **Франк С.Л.** Непостижимое // **Франк С.Л.** Сочинения. М., 1990. С. 315.

30 См.: **Элиаде М.** Космос и история. М., 1987. С. 249–250.

31 **Франк С.Л.** Указ. соч. С. 544.

32 **Никонов В.А.** Россия в глобальной политике XXI века // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 115.

33 **Naisbitt J.** Global Paradox. N.Y., 1994.

34 **Калашиников М., Крупнов Ю.** Гнев орка. Америка против России. М., 2004. С. 60.

35 **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. М., 1998.

36 Цит. по: **Лаатонов О.** Почему погибнет Америка. М., 1999. С. 23.

37 **Никонов В. А.** Россия в глобальной политике XXI века. С. 115.

38 Там же.

39 Идея мондиализма (от франц. mondial — мир, всемирный) с внешней, формальной стороны своими корнями уходит в глубокое прошлое. Определенное формальное созвучие (в смысле всемирности) имеет с идеями раннего христианства (хилиастическое движение) о тысячелетнем земном царстве Христа перед наступлением конца мира. В более позднее время — с идеями утопического социализма и коммунизма с их надеждами на избавление от социального гнета. Однако в 20 в. эта внешняя форма наполнилась совсем другим содержанием, эта идея воплотилась в двух направлениях — германско-японского, полагавшегося на силовую путь, и англосаксонского, стремящегося добиться всемирного господства экономическим путем. (См.: **Усачев И.Г.** Мондиализм // *Политическая энциклопедия*. Т. 1. М., 1999. С. 732).

40 Цит. по: **Иноземцев В.Л.** Рецензия на книгу З.Баумана «Индивидуализированное общество» // *Вопр. философии*. 2001. № 8. С. 91.

41 Там же. С. 35.

42 **Ларуш Л.** Чтобы на Земле не воцарились «новые темные века». Интервью // **Медведева И., Шишова Т.** Логика глобализма. Статьи и интервью. М., 2002. С. 90.

43 **Вебер В.Л.** Выступление // *Парадоксы глобализма — вызовы и ответы*. С. 43.

44 **Косолапов Н.А.** Политическая организация глобализирующегося мира: проблема и модели на среднесрочную перспективу // *Политическая организация глобализирующегося мира*. С. 20.

45 **Некlessа А.И.** Проект «Глобализация». Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // *Глобальные и стратегические исследования*. С. 39.

46 **Фитуни Л.Л.** Бегство капитала в новой архитектуре мировой экономики. С. 40.

47 **Косолапов Н.А.** Политическая организация глобализирующегося мира. С. 23.

48 **Вебер А.Б.** Выступление // *Парадоксы глобализма*. С. 42.

49 Там же.

- ⁵⁰ **Неклесса А.И.** Проект «Глобализация» Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. С. 30–31.
- ⁵¹ **Глазьев С.** Благополучие и справедливость. М., 2003. С. 76.
- ⁵² **Неклесса А.И.** Проект «Глобализация». С. 18.
- ⁵³ Там же. С. 19–20.
- ⁵⁴ Там же. С. 18.
- ⁵⁵ **Иноземцев В.Л.** Рецензия на книгу З.Баумана «Индивидуализированное общество». С. 173.
- ⁵⁶ **Паршев А.П.** Снова проблема «лишнего человека». Интервью // Логика глобализма. Статьи и интервью. М., 2002. С. 61.
- ⁵⁷ **Кильюнен К.** Управление глобальными процессами // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 23.
- ⁵⁸ **Неклесса А.И.** Проект «Глобализация». С. 32.
- ⁵⁹ См.: **Тарасов А.** Не «антиглобалисты», а ДГД // Континент. 2002. № 1–2. С. 4.
- ⁶⁰ Вызовы глобализации. Парижская декларация — XXI конгресс социалистического Интернационала // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. С. 35.
- ⁶¹ Там же. С. 71.
- ⁶² **Камага Дж.** Место африканских стран в современной системе международных отношений // Глобальные и стратегические исследования. С. 111.
- ⁶³ **Фурсов А.** Лукач возвращается // Независ. газ. «НГ. Exlibris». 2004. 09 февр.
- ⁶⁴ Духовность — концепт, изначально включавший сугубо религиозные смыслы, на котором позднее отразились культурные наслоениями советской эпохи. Суть духовности раскрыта А.И.Бердяевым в работе «Философия свободного духа» (М., 1994).
- ⁶⁵ «Дух здесь не существо, обладающее высшими силами, не самостоятельное и отрешенное бытие, но и не чисто идеальная сущность, равно и не состояние индивида вне его воли и управления, а чуткий орган коллективного единства, откликающийся на всякое событие в бытии этого единства» (Г.Г.Шпет). В исследовательский оборот это понятие введено как «дух эпохи» немецкими историками Х.Мейнерсом и Д.Тидеманом (XIII в.). «Дух эпохи» синонимичен «духу времени», которым активно пользовался Г.В.Ф.Гегель. См.: **Мясникова Л.М.** Дух эпохи // Современный философский словарь. М., 1998. С. 267.
- ⁶⁶ СЭИ (социоестественная история) — научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук, изучающая взаимосвязи, взаимодействие и взаимовлияние процессов, явлений и событий в жизни общества и природы.
- ⁶⁷ Интервью опубликовано в воскресном приложении к газете El País. 23 июня 2002 г.
- ⁶⁸ См.: Известия. 2002. 11 окт.
- ⁶⁹ **Гуревич А.Я.** Подводя итоги: Теория и практика исторического познания сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия // XX век: Метод. пробл. ист. познания. М., 2001. С. 55.
- ⁷⁰ См.: **Крупнов Ю.В., Громыко Ю. В.** Кому будет принадлежать конциентальное оружие в XXI в. // Россия — 2010. М., 1996.
- ⁷¹ **Гайденко П.П.** Наука и христианство: противостояние или союз? (Что лежит в истоках современного естествознания) // Известия. 2002. 22 февр.
- ⁷² См.: **Тарнас Р.** История западного мышления. М., 1995. С. 251–274.
- ⁷³ Там же. С. 276–277.
- ⁷⁴ Там же. С. 265–267

- 75 **Ситарам К., Когдел Р.** Основы межкультурной коммуникации // Глобальное образование: проблемы и решения. СПб., 2002. С. 103.
- 76 См.: **Платонов О.** Почему погибнет Америка? Краснодар, 2001. С. 75.
- 77 Там же. С. 70–73.
- 78 Там же. С. 38.
- 79 Там же. С. 84–89.
- 80 См.: **Лекторский В.А.** Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопр. философии. 2001. № 4.
- 81 Там же. С. 4.
- 82 **Воробьевский Ю.** Путь в Апокалипсис: шаг змеи. М., 1999. С. 27.
- 83 **Повель Л., Бержье Ж.** Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии /Пер. с фр. И.Панаева. М., 1992. С. 5.
- 84 См.: Там же. С. 13.
- 85 Там же. С. 43.
- 86 См.: 500 лет гностицизма в Европе: Материалы конференции, 23–24 марта 1993 г. М., 1994.
- 87 Утро магов. С. 18.
- 88 См.: **Гудрик-Кларк Н.** Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. СПб., 1993; **Раушинг Г.** Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993; **Пруссаков В.** Оккультный мессия и его рейх. М., 1992; **Боголюбов А.Н.** Тайные общества XXI века. СПб., 2003.
- 89 Утро магов. С. 51.
- 90 Там же. С. 52.
- 91 **Элен П.** Освенцим и теология /Пер. с нем. // Вопр. философии. 2001 № 4. С. 15.
- 92 Утро магов. С. 63.
- 93 Там же. С. 66.
- 94 Там же. С. 67.
- 95 Цит. по: **Воробьевский Ю.** Путь в Апокалипсис... С. 89.
- 96 Утро магов. С. 71.
- 97 Там же. С. 8.
- 98 **Элен П.** Освенцим и теология. С. 15.
- 99 **Троцкий Л.Л.** К истории русской революции. М., 1900. С. 286–287.
- 100 Цит. по: **Воробьевский Ю.** Путь в Апокалипсис. С. 126.
- 101 Там же. С. 132.
- 102 См.: **Рормозер Г.** Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопр. философии. 1991. № 5. С. 75–76.
- 103 **Ларуш Л.** Чтобы на земле не воцарились «новые темные века» // **Медведева И., Шишова Т.** Логика глобализма. Статьи и интервью. М., 2002. С. 82.
- 104 **Кантор В.К.** Проблема антихриста как проблема тоталитарного слома европеизма // Вопр. философии. 2001. № 4.
- 105 Там же. С. 16–17.
- 106 Там же. С. 18.
- 107 См.: Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 79–80.
- 108 **Васильев В.С.** // Парадоксы глобализации — вызовы и поиски ответа. М., 2001. С. 53.
- 109 **Косолапов Н.А.** Политическая организация глобализирующегося мира: проблемы и модели на среднесрочную перспективу // Политическая организация глобализирующегося мира. М., 2001. С. 13–14.

- ¹¹⁰ **Фитуня Л.Л.** Бегство капитала в новой архитектуре мировой экономики // Глобальные и стратегические исследования. М., 2002. С. 41-43.
- ¹¹¹ См.: **Паршев А.П.** Почему Россия не Америка. М., 1999; Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России. М., 2001; Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства. М., 2001; Глобализация мировой экономики и проблемы развития России. М., 2001; **Деягин М.** Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2002; **Хелд Д., Гольдблатт Д., Макрью Э., Пейратон Дж.** Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура /Пер. с англ. М., 2004.
- ¹¹² См.: **Соколов К.Н.** Мировая война в условиях глобализации // Община XXI век. 2002. № 4.
- ¹¹³ Это мировоззрение в различной форме и в различной степени отражено в католических, конфуцианских, фашистских, абсолютистских, авторитарных, христианско-социалистических взглядах, идеологии цесаризма, в любых других формах административно-номенклатурной идеологии. Данные взгляды предполагают коллективизм, обеспечение общих интересов, поскольку без существования государства не может существовать и административная система, административная элита. Но административная элита при такой системе взглядов является безусловно господствующей, занимающей особое положение социальной группой. Поэтому у нее существуют и частные элитарные интересы. Приоритеты общих и частных интересов соседствуют здесь в сложном переплетении.
- ¹¹⁴ Фарисейское мировоззрение отражено в иудейских, протестантских, либерально-демократических и христианско-демократических взглядах, в троцкистской идеологии, в клановой, в том числе — криминально-клановой, мафиозной идеологии: приоритет отдается частным интересам над общими, **индивидуализму**. Здесь утвердилась идея незыблемости основного механизма неформальной, «теневой» власти в обществе — власти денег, приоритета экономического способа управления обществом, торжества коррупции. А отсюда — незыблемость права частной собственности на средства производства и финансовые средства, права их передачи по наследству.
- ¹¹⁵ Данное мировоззрение отражено в ортодоксально-христианских и православных взглядах, в мусульманских взглядах, в эссеистско-гностицистских взглядах, ставших предтечей коммунистических взглядов. Здесь утверждается право обретения функций управления для любого представителя народа лишь на основе твердости эссеистских убеждений и нравственных качеств (обобщенно отраженных в Десяти заповедях Закона Божьего и сходных по содержанию с коммунистическим Моральным кодексом), таланта и знаний, жизненного опыта и личных достижений, трудолюбия и мужества в борьбе.
- ¹¹⁶ Цит. по: **Шафаревич И.Р.** Две дороги — к одному обрыву. М., 2003. С. 196.
- ¹¹⁷ **Пантин В.И.** Социоестественная история и глобализация // Социоестественная история и глобализация. М., 2002. С. 7.
- ¹¹⁸ **Гуревич А.Я.** Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 83.
- ¹¹⁹ См.: **Соколова Р.И., Спиридонова В.И.** Государство в современном мире. М., 2003. С. 71.
- ¹²⁰ **Басина Е.** Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. Осень. 1997. С. 96.
- ¹²¹ **Калашников М., Крупнов Ю.** Гнев орка. Америка против России. С. 36.
- ¹²² На Нюрнбергском процессе в 1946 г. военный трибунал признал присвоение номеров людям преступлением против человечности, не имеющим срока давности.

- ¹²³ См.: *Гарфинкель С.* Все под контролем: Кто и как следит за тобой /Пер. с англ. Екатеринбург, 2004.
- ¹²⁴ В связи с тем, что в Госдуму поступали тысячи обращений верующих, было принято решение пересмотреть данный законопроект. В российских паспортах нового образца не будет личного кода. Об этом 14 сентября заявил глава комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Плигин (см.: Русский вестник. 2004. № 19).
- ¹²⁵ *Неклесса А.И.* Проект «Глобализация», глобальное и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. М., 2002. С. 32.
- ¹²⁶ Там же. С. 30.
- ¹²⁷ См.: Устав жизни христианской. СПб., 2003. С. 100.
- ¹²⁸ Русский вестник, № 26, 2003.
- ¹²⁹ *Лекторский В.А.* Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм. С. 8.
- ¹³⁰ На путях постмодернизма. С. 17.
- ¹³¹ См.: *Рормозер Г.* Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопр. философии. 1991. № 5. С. 81.
- ¹³² *Арабов Ю.* Coda // Вопр. лит. М., 1994. № 4. С. 27.
- ¹³³ См.: *Кроукер А., Кук Д.* Постмодернистская сцена: экскрементальная культура и гиперэстетика // На путях модернизма. М., 1995. С. 148.
- ¹³⁴ См.: *Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Методы политического влияния и манипулирования // Технология власти. М., 1995.
- ¹³⁵ См.: Глобальная информатизация и безопасность России. М., 2000; Глобальное и информационное общество и проблемы информационной безопасности. М., 2001.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СУДЬБА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В последние годы в стране происходит лавинообразный рост работ, посвященных самым различным аспектам глобализации, и прежде всего экономическим, политическим, правовым, культурным аспектам. Однако сущностные черты и закономерности процессов глобализации, их последствия в широкой исторической перспективе остаются предметом ожесточенной дискуссии. Все исследователи сходятся на том, что мир в целом становится все более непредсказуемым. Особенно это касается будущего российского государства, которое по-прежнему переживает масштабный кризис, связанный с радикальной сменой социально-экономического и политического строя в стране.

Основная сложность в понимании сущности глобализации связана с тем, что в реальном своем проявлении она представляет собой тесное и многостороннее переплетение двух достаточно различных по своим последствиям процессов.

С одной стороны, под глобализацией понимают качественно новый уровень взаимодействия стран в области экономики, политики, культуры, который начал складываться в последние десятилетия прошлого века вследствие появления глобальных проблем, ставших серьезной угрозой для самого существования человечества. Решение этих проблем объективно потребовало значительных изменений в функциях всех государств, как входивших в те времена в две противоположные мировые социально-экономические системы, так и принадлежавших «третьему» миру.

С другой стороны, в 90-е годы глобализация приобретает свои нынешние социальные контуры, когда западное общество в своей практической политике переходит на позиции рыночного фунда-

ментализма. В условиях, когда природные ресурсы становятся дефицитом, оно потребовало, чтобы критерием для национальных экономик отдельных государств выступил рынок, предъявляющий единые универсальные требования ко всем странам. Законы рынка должны действовать поверх границ национальных государств. В так называемом Вашингтонском консенсусе были сформулированы основные положения, и Запад потребовал их неукоснительного выполнения¹.

Истекшие годы показали, что растущее открытие экономики, общества в целом не породило обнадеживающих перспектив для значительного большинства незападных стран. Результаты в целом неутешительные. Высоко развитые западные страны становятся все более богатыми, а отставшие в своем развитии бедные незападные страны — все более бедными. В этой ситуации проблема государства, осмысление его социальной роли и функций не только прояснилась, но и еще больше стала неясной в смысле того, каким в обозримом будущем будет место отдельного и в этом смысле национального государства в структуре единого глобального мира, будет ли вообще государство считаться в нем исходной клеточкой.

В теоретическом плане в западной мысли доминирует либеральная точка зрения, которую защищают и разрабатывают много лет Ю.Хабермас, У.Бек, А.Гидденс, другие социальные мыслители. Так Ю.Хабермас говорит о том, что проект Модерна еще не завершен². У.Бек подробно развивает идею второго Модерна, реализация которой доведет дело Просвещения до конца. Мир должен стать либеральным³. А.Гидденс утверждает, что «в западных странах не только общественные институты, но и повседневная жизнь освобождается от традиций. В других, более традиционных обществах идет процесс детрадиционализации. На мой взгляд, именно на этой основе формируется космополитическое общество»⁴.

Общность позиций западных авторов при всем несовпадении отдельных суждений и выводов состоит в том, что глобализация в обозримой перспективе ставит крест на национальном государстве, его суверенитете и независимости. Ю.Хабермас предельно четко сформулировал суть перемен в международных отношениях. Запад вынужден идти на гуманитарную интервенцию, когда речь заходит о нарушениях прав человека в незападных странах⁵. Международный валютный фонд разработал проект банкротства национальных государств в случае неэффективности их экономики. Позиция государств, стремящихся опираться на другие ценности, нежели либеральные, подвергается осуждению, поскольку она становится тормозом

приобщения народов таких государств к выгодам глобализации, а сами государства принуждаются к принятию западных принципов и ценностей.

Наступает эпоха транснациональных обществ и государств. Им нет альтернативы, если человеческое сообщество намерено и дальше идти по пути прогресса и роста материального благополучия. Упомянутый выше немецкий ученый У.Бек рассматривает опыт богатых западных стран в построении Европейского Союза и пытается перенести его на остальной мир. Однако вряд ли опыт Европы, как части «золотого миллиарда», который сегодня пытается отгородиться от остального мира, дает для этого достаточно оснований. Тем более, что процесс становления Союза далек от завершения и его преждевременно считать необратимым. При обсуждении проблемы будущего национального государства недостаточно также принимается во внимание специфика многочисленных по населению государств, таких, как Китай, Индия, Иран, Россия. Но это не просто отдельные страны. Это цивилизации, имеющие многовековую историю.

Точки зрения на перспективы реформирования российского государства

Сегодня приходится констатировать, что интеллектуальная мысль России, исследующая современное состояние и перспективы развития российского государства, находится в состоянии глубокого идейного раскола.

Среди отечественных ученых, обсуждающих перспективы российского государства в эпоху глобализации, доминирующей, как и на Западе, выступает либеральная точка зрения. Эта позиция особенно преобладает в политической публицистике и электронных средствах массовой информации. Либерально мыслящие авторы одобряют все попытки практической реализации в российском обществе 90-х г. прошлого века западных принципов либерального устройства государства. Под этими принципами имеются в виду естественные и неотчуждаемые права человека как основа формирования института власти, разделение власти на три ветви, выборность законодательной власти и контроль гражданского общества над деятельностью органов государственной власти, правовое государство и верховенство закона, рыночная экономика, минимальное присутствие государства в экономике, независимые средства массовой информации. Одним словом, свободный индивид в свободной стране. Превраще-

ние России в либерально-демократическое государство представляется неизбежным и важнейшим результатом постсоветского реформирования страны. Большое количество социологов, политологов, экономистов затрачивает огромные усилия с тем, чтобы доказать, что либеральное государство — это судьба и спасение России⁶.

Нередко нетерпеливость либералов превосходит всякие разумные границы. Рождение свободного гражданина мира — дело как бы уже решенное. Глобальное или мировое сообщество хочет видеть в качестве своей основной единицы человека мира, и российское общество должно пойти ему навстречу. Как уверяет Г.Х.Шахназаров, «постепенное ослабление и распад государств на фрагменты, а затем на отдельных лиц, становящихся гражданами мирового общества, составляет единственно возможный способ перехода мира в глобальное состояние»⁷.

Однако в реальной действительности процессы либерализации российского общества с начала нового столетия явно замедлились. Происходит возврат ко многому из того, что, казалось, было обречено на исчезновение из политической жизни. Возвратом к прошлому считается у либералов усиление президентской власти, которая практически, по их мнению, превратилась в единоличную власть, опирающуюся на мощный бюрократический аппарат, восстановление вертикали власти сверху донизу, борьба против сепаратизма регионов, появление у страны своих собственных национальных интересов и соответственно патриотической тематики и многое другое. Отечественные либералы говорят о кризисе демократии, не принимают возврат к старым порядкам, считают, что Россия неуклонно идет к новой диктатуре, вновь возрождает свои прежние имперские, державные амбиции. А некоторые политики всерьез утверждают, что в России уже возникло «полицейское государство».

Левая оппозиция поддерживает отдельные шаги власти, направленные на укрепление государства, но критикует ее за сохранение курса либеральных реформ в экономике и особенно в социальной сфере.

Сторонники традиционалистской точки зрения поставили в научной литературе вопрос о создании целостной философской теории русской государственности. Из современных авторов выделяется петербургский ученый А.М.Величко, создавший ряд работ на эту тему. В предисловии к одной из его работ «Философия русской государственности» говорится, что «автор попытался сконструировать учение о русской государственности как философский идеал, который раскрывается нам в содержании христианского учения»⁸.

Если попытаться выявить нечто общее во всех многообразных размышлениях по поводу состояния нового российского государства, то независимо от идеологических позиций авторов все они сходятся в одном. Ответы нынешней власти в значительной мере неадекватны вызовам современного этапа истории, хотя различные авторы делают нередко прямо противоположные выводы относительно того, в каком направлении следует трансформировать нынешнее устройство российского государства.

Известно, что специфика социально-философского знания, в частности, заключается в том, чтобы обосновать и представить обществу тот идеал или Проект государственного устройства, который открывал бы перед обществом широкие перспективы развития, как с точки зрения роста экономического могущества и благосостояния народа, так и расцвета культуры и личности.

Перед российским государством после трагических событий сентября 2004 г. со всей серьезностью встала дилемма. Стране остро необходима хорошо продуманная и теоретически обоснованная реформа, ведущая к быстрому росту жизнеспособности государства и общества, к эффективным ответам на глобальные вызовы. В противном случае будет происходить дальнейшее ослабление России, грозящее ей бесчисленными этническими и социальными конфликтами, неизбежным распадом вслед за Советским Союзом. В этой в принципе правильной постановке проблемы следует иметь в виду, что Россия — это державное государство, которое на протяжении многих столетий постоянно отстаивало право на свой собственный национальный путь развития, на право страны не подчиняться диктату внешних факторов и сил.

Следовательно, в теоретическом плане проблема может быть сформулирована примерно так: должны ли сохраниться у российского государства те его традиционные черты и принципы организации, которые складывались и развивались на протяжении многих столетий? Есть ли сегодня в условиях глобализации жизненно важная потребность в их сохранении или, напротив, говоря либеральным языком, требуется их демонтаж, полная смена государственной «матрицы», и чем быстрее она произойдет, тем лучше это скажется на положении страны?

Речь в конечном счете идет о смене или сохранении не просто конкретной формы государства, а о смене или сохранении исторически сложившегося типа российской государственности. На протяжении тысячелетней истории складывались определенные принципы государственного устройства или, как пишут некоторые авторы, институциональные матрицы. «Институциональная матрица — это ус-

тойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер. Важным свойством институциональных матриц является их историческая устойчивость, инвариантность по отношению как к внешним воздействиям, так и действиям социальных сил внутри страны»⁹. Поэтому нельзя рассматривать смену устройства государственной политической машины вне ее связи с обществом и его историей. Государство, будучи живой, развивающейся целостностью, обладает устойчивой способностью к своему воспроизводству на протяжении весьма длительного исторического времени. Государство может менять исторически устаревающие формы государственного устройства, использовать отдельные элементы чужих систем для адаптации к изменившимся внешним и внутренним условиям, но оно стремится, осознанно или нет, сохранять в неизменности связанные между собой институциональные матрицы своей общественной жизни, которые задают исторический коридор, русло, общее направление траектории конкретных изменений в обществе.

В любом случае государство должно иметь такую организацию всех основных сфер общественной жизни, которые могли бы воспроизводить себя и вместе с тем, взаимодействуя между собой, способны были воспроизводить государство как целостность. Анализ этой проблемы как раз и может дать теоретически обоснованные выводы по поводу наиболее оптимальных путей трансформации современного российского государства.

Известно, что в социальной философии обычно выделяют пять основных (всеобщих) сфер общественной жизни. Кстати, эти сферы вместе с тем являются и всеобщими осями, вдоль которых развивается любое отдельное общество¹⁰. Конкретно это следующие сферы или оси развития:

1-я сфера — сфера материального производства, в которой создаются потребительские блага. Ключевая проблема в ней — отношения собственности;

2-я сфера — сфера социального производства, предполагающая определенный уровень социальной защищенности людей, определенный способ производства и воспроизводства социальных слоев, а следовательно, самого человека, населения в целом. Ключевая проблема здесь — определение порядка доступа членов общества к совокупному общественному богатству, т.е. проблема социальной справедливости;

3-я сфера — сфера культуры, связанная с критическим обобщением жизненного опыта. Другими словами, это есть деятельность по отбору и распространению с точки зрения жизнеспособности обще-

ства тех, складывающихся в его истории институциональных матриц (социокультурного кода), которые способствуют в данный период истории производству и воспроизводству непосредственной жизни общества как целостной системы;

4-я сфера — сфера производства теоретического знания. Ключевая проблема и цель — открытие истины как условие достижения поставленной цели; и,

5-я сфера — сфера политического управления, которая представляет собой механизм принятия и реализации властных решений, обязательных к их безусловному исполнению обществом. От состояния этой сферы в решающей степени зависит общественный порядок, способность всего общества к устойчивому, исторически длительному воспроизводству. Ключевая проблема — устройство государственной власти, определение стратегических целей развития, эффективность управления обществом в целом.

Следовательно, если ставить вопрос о смене не просто конкретной формы российского государства, а исторического типа российской государственности, то необходимо решить несколько взаимосвязанных между собой задач. Во-первых, создать философскую, теоретическую модель традиционного типа российской государственности. Это означает следующее — показать, какие конкретно институциональные матрицы формируют все сферы общественной жизни, т.е. как устроена власть, собственность, как работает принцип социальной справедливости, какие цели преследуют индивиды людей в духовной и теоретической сферах. И, наконец, как в ходе взаимодействия всех этих сфер (соразмерное развитие по осям развития или несоразмерное, однобокое) происходит производство и воспроизводство общественной жизни в стране, при каких условиях может наступить коллапс, т.е. распад государства и общества, как, например, случилось с Советским Союзом.

Во-вторых, раскрыть с аналогичных позиций содержание либерального типа государственности, который предполагается, с точки зрения либерально мыслящих ученых, для замены устаревшего традиционного типа государственности.

В-третьих, на основе результатов такого рода анализа показать, как эмпирически, в сегодняшней жизни российского общества взаимодействуют между собой эти типы государственности, какие тенденции здесь обнаружались. В частности, можно ли в сегодняшней ситуации утверждать о реализующейся уже на практике радикальной смене одного типа государственности другим или только, условно говоря, можно говорить о некоем их «синтезе». Наконец, не

является ли выходом для страны возвращение к доминированию в этом синтезе принципов традиционного типа государственности, отказ от которых и ведет к потере российским обществом своих жизнеспособных начал?

И, наконец, в-четвертых, каким представляется тот коридор возможностей, который открывается перед Россией в зависимости от выбранного ею направления дальнейшего реформирования российской государственности в условиях глобализации. Подчеркну еще раз, именно сначала выбор направления, а затем определение коридора возможностей, но не наоборот. Это принципиально, потому что пока еще возможности страны определяются ее выбором. После решения этих задач станут понятными и доказательными контуры той эффективной модели, того философского Проекта государственного устройства России, к которому следует стремиться обществу и власти.

Традиционный и либеральный типы государственности и соответственно конкретные формы устройства государства — это принципиально различные типы производства и воспроизводства общественной жизни. Глубина их различия в философском плане остается до сих пор плохо осмысленной применительно к современной ситуации. И особенно с точки зрения, возможностей смены одного типа государственности другим типом.

С существованием традиционного государства связан огромный период в развитии мировой истории. В западной либеральной методологии истории применительно к анализу процессов трансформации государства под традиционными государствами обычно имеются в виду государства «домодерна» (феодалные, докапиталистические государства), которые впоследствии в ходе реализации Проекта модерна становятся или должны стать индустриально развитыми (капиталистическими) странами.

Традиционный тип государственности продолжал существовать в России и после утверждения индустриального капитализма в Западной Европе, что наложило огромный отпечаток на специфику российского варианта государства традиционного типа. Вопрос состоит в том, как сказалось длительное сосуществование либерально-буржуазных государств Запада с российским типом традиционной государственности. Способствовало ли это соседство перерождению (трансформации) российского государства в либеральное? Или, напротив, оно искало в себе внутренние резервы для эффективных ответов на вызовы Запада последних столетий, государство перестраивалось, меняло исторические формы, но не изменяло важнейшим принципам традиционного типа государственности.

Многие авторы — не только публицисты (что понятно), но и люди науки — дают априорно положительную оценку традиционному типу государственности в целом, всем его основополагающим принципам. Авторы других идейных ориентаций немало высказали в его адрес обличительных слов. Но во всей полемике вокруг традиционных устоев российского государства не хватает главного. Необходимо, прежде всего, показать, как вообще устроено жизнеспособное общество в рамках российского типа традиционной государственности, от каких внешних и внутренних факторов зависит уровень жизнеспособности общества, и какой должна быть государственность с точки зрения типологии в сегодняшних условиях, чтобы общество было жизнеспособным и динамично развивающимся. Конечно, если до сих пор так остро стоит вопрос о судьбе России и российского государства, то волей-неволей возникает вопрос о том, насколько эффективными были прошлые ответы.

Традиционный тип российской государственности

Первая важная проблема, которая возникает при создании философской концепции традиционного типа российской государственности, связана с выделением основных исторических форм, посредством которых проявила себя в истории российская государственность. С моей точки зрения, Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз — все это исторические этапы развития одного, традиционного типа российской государственности. Что касается связи Киевской Руси с Русским централизованным государством, то историческая преемственность между ними несомненна, спорной представляется интерпретация дальнейших отношений между Россией и Украиной.

Многие авторы, как либералы, так и сторонники самодержавия, считают советский период в истории России «черной дырой», хотя и с различными оговорками, впрочем, несущественными. Советский период необходимо вычеркнуть из истории и забыть. С моей точки зрения, советский период как «черная дыра» — это типичное проявление политической конъюнктуры, не имеющее ничего общего с научным, философским взглядом на историю, но ставший отправным пунктом для многих работ, претендующих на научную объективность и беспристрастность. Конечно, нужно еще показать, что Советский Союз был специфической формой традиционной российской государственности, хотя здесь есть целый ряд, на наш взгляд, совершен-

но бесспорных доводов. Поэтому так важен анализ основных сфер производства и воспроизводства традиционного типа российской государственности, который даст возможность положительно решить и этот вопрос в ту или иную сторону.

Что касается нынешней Российской Федерации, то ее можно отнести условно к некоторому переходному состоянию российского государства, смысл которого еще предстоит выяснить грядущей истории. Эта неопределенность состояния и положения на исторической арене нынешней Российской Федерации чрезвычайно усложняет правильную, подлинно научную постановку задачи, а тем более решение конкретных проблем реформирования российской государственности, но исходить, конечно, нужно из реалий сегодняшнего дня.

Традиционный тип российской государственности существовал, как мы уже говорили выше, в трех различных исторических формах — сначала в виде царского единовластия, затем в виде российской империи (абсолютной монархии) и, наконец, в виде Советского Союза («советской империи»). Православная царская власть имеет немало исторически конкретных отличий от имперской модели власти (абсолютной монархии) и от партийно-советского государства. Но сущности общего в них гораздо больше, что и позволяет говорить о едином российском типе традиционной государственности.

Прежде всего, во всех трех исторических формах имеет место чрезвычайно высокий уровень централизации власти, абсолютное доминирование прямых вертикальных властных структур над горизонтальными общественными связями. Для возникновения и устойчивого существования горизонтальных общественных связей и отношений в таком типе государства нет серьезных объективных оснований. Стягивание огромных по протяженности и малолюдных зачастую территорий может осуществить только централизованная власть. Доминирование «вертикали власти» есть неременное условие эффективного государственного управления традиционным обществом. Опорой этой высоко централизованной (единовластной, имперской, партийно-советской) власти внутри государства выступает государственная бюрократия.

Традиционное государство имеет во всех исторических формах иерархическую социальную структуру, состоящую из сословий. Государство опекает все слои общества, все сословия, иначе говоря, оно как бы по определению носит патерналистский характер. Патернализм обращен ко всем сословиям, а не только к крестьянству. Каждому сословию предписывается своя социальная роль, за этим государство строго следит. Бюрократия выступает правящим сословием

(классом) в государстве. И потому у нее больше льгот и привилегий, оформленных, как правило, законодательным путем, чем у других сословий. Крестьянство вообще во всех исторических формах государства фактически являлось неполноправным сословием. Иерархическую сословную структуру всегда следует иметь в виду, когда рассматривается сущность российской государственности, в котором бюрократия была, есть, во многом остается сегодня правящим сословием и в этом смысле правящим классом. Об этом нельзя забывать, когда речь идет об инвариантных устоях традиционного российского государства.

Категория «народ» весьма характерна именно для традиционного государства, которая «работает» только в паре с категорией «бюрократия». Народ — это крестьяне, а также горожане, ремесленники, в общем, все те, кто не работает во властных структурах, а также в суде, в офицерском корпусе армии и полиции (милиции), короче говоря, не являются так или иначе государственными служащими.

Традиционным для России было «единение» первого лица государства с народом. Первое лицо выступало в глазах народа, в общественном мнении гарантом справедливости перед произволом бюрократии (бояр, чиновников, партийной номенклатуры). Бюрократия всегда видела в этом «единении» главную для себя опасность. В свою очередь, бюрократический аппарат свято верил и верит в свою мудрость и непогрешимость, всегда претендовал, и не без оснований, на роль единственного выразителя интересов российского государства. Бюрократия обычно была и главным, а возможно и единственным, субъектом реформ, и главным препятствием на пути реформ. Что касается интеллигенции, то она выступала и выступает «публичной совестью», обличающей произвол бюрократической власти и защищающей народ. Но все серьезные социальные конфликты начинались в обществе после того, как первое лицо предавало народ или теряло доверие со стороны народа.

Русский тип традиционного государства, будучи целостным образованием, обладал значительной самодостаточностью, по крайней мере, он был устремлен к ней. Отличительная черта державы заключается в ее самодостаточности, в ее праве идти своим собственным путем. Это означает, что государство обладает всем необходимым для автономного существования. Вообще говоря, хозяйство любой средневековой империи носило в основном автаркический характер. Это означает, что все совокупное общественное богатство или его подавляющая часть создается внутри границ традиционного государства.

Источником этого богатства выступает природа, в которую погружено традиционное государство в том смысле, что оно адаптируется к природно-климатическим условиям. А они таковы, что основная часть природных богатств может быть использована для создания общественных благ только совместным образом. Основная часть богатства — это потребительские блага — продукты, которые производят крестьянские общины, а также ремесленные изделия, предметы роскоши. Интеллектуальная составляющая в общественном богатстве составляет незначительную его долю.

Государственная власть — первое лицо и бюрократия — распоряжаются прямо или косвенно подавляющей частью всего совокупного общественного богатства. Это означает, что они создают сложный механизм распределения собственности, имеющегося в наличии количества продуктов, разных предметов для удовлетворения материальных и иных потребностей различных слоев общества. Если территория есть та природная среда, в которой живет и развивается локальное традиционное государство, то его вполне можно представить в виде особого рода живого организма, а именно, социального организма. Жизнеспособность и жизнестойкость этого организма зависит напрямую от того, чем он обладает в пределах своего территориального ареала обитания, какими он располагает способами для выживания, устойчивого производства и воспроизводства. Войны, которые ведут или вынуждены вести большие традиционные государства — державы, имеют главной целью защиту или расширение своего природного ареала с тем, чтобы обеспечить себя природными ресурсами и территориальными границами, которые с геополитической точки зрения могут дать им оптимальную независимость и безопасность, столь необходимые для устойчивого воспроизводства всего социального организма. Так поступали в истории все державы, и Россия не была в этом отношении исключением.

Российская империя к началу XX века обрела те территориальные границы, которые явились оптимальными для нее с точки зрения обеспечения своей государственной безопасности и хозяйственной самодостаточности. Можно сказать, что традиционное государство — это, прежде всего, геополитическое образование, геополитическое государство.

Стратегической целью власти выступает во все времена защита страны от внешнего нападения, так как для России было и остается весьма значительным влияние внешнего фактора на условия жизни народа, направление развития общества. Надежная обороноспособность страны была и есть важнейшее условие ее жизнеспособности,

производства и воспроизводства всей общественной жизни. Уровень государственной безопасности, который является основополагающей ценностью в обществе по сравнению со всеми другими ценностями, есть самое наглядное свидетельство эффективности государственного управления.

Не разделяя прямых аналогий государства с живым биологическим организмом, мы лишь обращаем внимание на то, что любое крупное традиционное государство как социальный организм в значительной мере обладает самодостаточностью, обладает в целом всеми необходимыми природными ресурсами для производства общественного богатства. И потому, находясь в своем природном ареале, способно длительное время воспроизводить само себя. Из этой особенности традиционного государства многое следует, и прежде всего секрет его многовековой устойчивости.

Разнообразие природных условий жизни порождает определенный тип экономики, который имеет место в российском типе традиционного государства, удачно названный О.Э.Бессоновой, одним из современных теоретиков-экономистов, раздаточной экономикой. В России с IX по XX вв. экономическая система представляла собой раздаточную систему с внутренней неценовой регуляцией. Эта раздаточная система организовывала сдаточно-раздаточные материальные потоки производимой в обществе продукции. Она обладала «собственным институциональным ядром, состоящим из институтов раздачи, сдач, общественно-служебной собственности и административных жалоб. Важную роль играют также финансовые институты и институт рыночной торговли и предпринимательства»¹¹. Модель раздаточного общества, экономика которого базируется на служебном труде, хорошо раскрывает важнейшую особенность российского типа традиционной государственности — неотделимость существования экономики от государственной власти. Власть вырабатывала правила и нормы обращения с розданной ею собственностью (поместные, вотчинные владения земель, например), распределяла объем прав по ее использованию крестьянами и собственниками, занималась своеобразным планированием сдаточно-раздаточных отношений.

Такого рода экономическая система России складывалась в стране на протяжении веков, прошла три исторических стадии в своем развитии. Как справедливо отмечает О.Э.Бессонова, «в ходе экономической эволюции человечество выработало два типа жизнеспособных экономических механизма, в рамках которых возможна координация усилий больших сообществ: рыночный и раздаточный. Под влиянием определенных условий в каждой стране создается тот или

иной тип отношений, формируется либо рынок, либо раздаток. Каждая из этих систем развивается по собственным законам, проходя стадии подъемов и кризисов»¹².

Взаимодействие этих типов может приводить к появлению разных смешанных видов экономики при сохранении доминирования того или иного типа. В российской истории возник и сложился раздаточный тип экономики. Поэтому — большой вопрос, как может российское государство полностью отказаться от такого типа экономики. Ведь большинство факторов, которые определяли ее жизнеспособность, продолжают действовать. Неразвитость внутренней торговли в России обусловлена отсутствием дорог, низкой плотностью населения, огромными расстояниями и суровым климатом, вследствие чего, по выражению И. Валлерстайна, потеря на обмене превышает прибыль¹³. Помимо этих факторов действует еще один, сегодня чрезвычайно важный — огромное неравенство по своим природным и сырьевым ресурсам богатых и бедных регионов России. Выровнять в какой-то мере уровни жизни и благосостояния различных регионов страны может только центральная власть.

Традиционному типу государственности объективно присуща нераздельность власти и собственности. Это, как показано выше, обусловлено необходимостью выживания общества. Собственность имеет или вынуждена иметь в конечном счете общественно-служебный характер, она призвана служить целям общества, работать на общее благо.

Традиционное государство время от времени сотрясают социальные конфликты, поэтому центральной власти приходится заботиться о сохранении социальной стабильности в обществе. Проблема социальной справедливости выступает социально-нравственным нервом всего российского общества на протяжении веков. Главным носителем идеи справедливости выступает общинное крестьянство, которое в целом принимает социальную иерархию сословий, господствующую в обществе. Но вместе с тем крестьяне полагают, что и для них установлены определенные права и обязанности если не законодательно оформленные, то зафиксированные в нормах естественного права. В силу ограниченности размеров материального общественного богатства, особенностей крестьянского труда их представления о социальной справедливости носят по преимуществу уравнилельный характер. От верховной власти в значительной мере зависит налоговое бремя, защита от произвола бюрократии, а следовательно, и положение самого крестьянства — основного создателя общественного богатства.

Только в этом контексте можно понять, почему борьба подданных за социальную защиту, социальные права всегда имели большую значимость в сознании традиционного общества, нежели борьба подданных за гражданские, а тем более за политические права.

Таким образом, в традиционном государстве именно власть должна постоянно решать в первую очередь социальные задачи, от решения которых в значительной степени зависит сохранение жизнеспособности страны. Может показаться странным, но экономика выступает средством решения социальных задач, а не наоборот. Не государство находится на службе экономически господствующего класса, средством защиты его экономических интересов, как это имеет место в западном обществе, а, наоборот, собственность, производственная деятельность различных слоев общества служит целям и задачам государства, обеспечению его безопасности, решению социальных задач по воспроизводству населения страны, а следовательно, и всех общественных отношений.

Стабильность и уверенное функционирование государства обеспечивает политическая воля первого лица — царя, самодержца, генерального секретаря, президента, государя одним словом. Это означает, что государственная власть ставит своей первоочередной целью порядок и безопасность своих подданных, контролирует все вопросы общественной активности людей, не только самые важные, но и малозначительные, если они, по мнению власти, могут привести к ослаблению общественного порядка. В традиционном государстве объективно не остается никакого политического пространства для того, что либералы называют гражданским обществом. Тем не менее и в традиционном государстве имеются институты гражданского общества, но они носят неполитический характер. В этом залог их успешного функционирования. Поэтому история традиционного государства вмещает в себя в значительной мере и историю общества.

Но все это не означает, что усилий первого лица в государстве вместе с бюрократией достаточно, чтобы государство исправно функционировало, обладало высокой жизнеспособностью. Если империя держится только на политической воле первого лица, то долго она не сможет просуществовать.

Любое общество устойчиво существует в том случае, если оно представляет собой социально организованное, причем эффективно организованное общество. Это означает, что общество может воспроизводить себя, если оно в состоянии поддерживать определенный уровень социальной организации жизни, всех общественных отношений. Чем выше уровень сложности общественных отношений, тем

труднее поддерживать общество в организованном состоянии, тем больше энергии необходимо тратить на ее поддержание. Особенность общественной жизни состоит в том, что люди поддерживают сложившийся уровень организации в обществе посредством своей повседневной деятельности. Что же движет народом в традиционном обществе, что детерминирует уровень социальной энергии индивидов, постоянно идущий от них и воспроизводящий изо дня в день существующий порядок, какова их мотивация?

Сложившееся традиционное государство располагает огромной культурой, в которой представлен большой и разнообразный исторический опыт по сохранению и воспроизводству общества. Как правило, культурный опыт помогает выбрать более или менее разумное решение постоянно возникающих конкретных проблем. Все это верно, но помимо принятия решения необходимы огромные созидательные усилия каждого человека по воплощению их в жизнь. В характере самой культуры содержится ответ на этот вопрос.

Традиционное государство может существовать лишь при условии, что люди, живущие в нем, открыто признают сакральный характер государства. Не просто признают, но верят в сакральность государства. Под сакральностью следует понимать, прежде всего, восприятие сущности государства и власти, как имеющей сверхчеловеческое, божественное происхождение. Ю.Пивоваров и А.Фурсов в своей работе «Русская система» видят решающую особенность русской власти в том, что она изначально дистанцирована, более того — вознесена над обществом¹⁴. Государственное начало имеет полный и неоспоримый приоритет над жизнью и деятельностью людей, а государь — божье благословение на занятие трона. Признание человеком сакральности государства и его первого лица означает, что он признает, считает законной его практически неограниченную над ним власть.

Теоретик современного евразийства А.Дугин в своей работе «Философия политики» рассматривает традиционное общество как общество, основанное на принципе сакральности. Политическое в сакральном обществе, подчеркивает он, означает, что «власть в сакральном обществе концентрически сводится к центральной точке — к полюсу, суверену. Этот царствующий субъект есть сумма сакрального, и соответственно, сумма Политического»¹⁵.

А.Н.Бердяев в свое время видел в бытии российского государства «факт мистического порядка». «Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества»¹⁶. А.С.Панарин в последних работах много внимания уделял рассмотрению русского народа как одного

из самых государственных, или «этатистских», в мире. «Данная черта является не просто одной из его эмпирических характеристик, отражающих ситуацию де-факто, но принадлежит к его сакральной антропологии как народа-богоносца, затрагивает ядро его ценностной системы»¹⁷.

Разнообразие оценок в отношении природы российского типа традиционной государственности имеет чрезвычайно широкий спектр. Если попытаться найти нечто общее в этом многообразии позиций, то оно может быть высказано примерно так: роль государства не сводится к факту его эмпирического существования, оно имеет сверхэмпирический смысл, который допускает разные интерпретации. Думающая часть общества, все сословия, общество в целом, так или иначе, верят в определенное историческое предназначение государства, его миссию. Оно призвано сыграть выдающуюся роль, возможно, только ему доступную, в разрешении таких проблем, от которых зависит судьба не только собственной страны, но и всего человечества. Такое призвание не может каждодневно эмпирически подтверждаться, но представители различных конфессий и светских идеологий стремятся дать такую интерпретацию происходящих в мире событий, которые поддерживают и утверждают в людях веру — божественную, интеллектуальную или какую-то иную — в скрытый смысл и особую миссию государства.

Сакральное отношение к государству, как имеющему некий вышний, трансцендентный смысл порождает соответствующие жизненные смыслы в головах людей, задает им определенные нормы нравственного поведения, отношения к государству, к власти и ее политике, заряжает народ и все общество огромной духовной и, следовательно, социальной энергией. В таком понимании сакральное не может быть присвоено той или иной конфессией. Она представляет собой основу общероссийской идентичности, скрепу всего многообразия этнических и религиозных общностей. Духовно-сакральное единство народа обеспечивает преемственность поколений, вызывает у различных этносов и народностей, населяющих державу, империю чувство единой исторической судьбы и исторической ответственности, рождает в душе каждого человека патриотизм, любовь к Родине как естественное и неотъемлемое чувство.

Традиционная власть при решении общегосударственных задач исходит, прежде всего, из ценностных убеждений, а не из экономических, прагматических целей и интересов. Отказ от сакральной природы государства делает его дальнейшее существование проблематичным. Дело в том, что традиционное государство по своему происхож-

дению носит внеэкономический, внерациональный и дорациональный характер. Если основу государства мыслить рационалистически, то неизбежны десакрализация государства, переход к иному типу государственности, к выдвиганию на первый план экономических целей и интересов, а следовательно, к господству в обществе рыночных, товарно-денежных отношений.

В этой ситуации власть и общественная мысль либо находят новое историческое предназначение государства, открывают у него новые возвышенные цели, либо государство, в конце концов, рушится. Одно дело, когда рушится конкретно-историческая форма традиционного государства, например российская империя; другое, если происходит необратимый распад государства-страны, как, например, Советского Союза. Вот здесь и возникает большая проблема относительно будущего российской государственности.

Если нет трансцендентных (сакральных) сверхэмпирических целей, тогда свои земные проблемы люди станут решать другим путем, в рамках других государственных образований, если, конечно, они возникнут после распада нынешнего российского государства.

Любое традиционное государство, будь то китайская империя, исламская теократия, российское государство, всегда обосновывало с помощью идеологии — религиозной или светской — свою миссию, историческую роль, свое особое предназначение. И это обоснование не выросло на пустом месте, своими корнями оно уходило глубоко в историю, без духовной основы такое государство нежизнеспособно.

Традиционное государство воспринимается всеми людьми в обществе как некая сверхчувственная, трансцендентная реальность, принципиально не сводимая к конкретным формам власти и ее функциям. Государство воспринимается как огромный живой организм. Местом его обитания является окружающая его природа, которая также приобретает сакральные черты. Государство есть целое. Люди, власть, работа, дети — все это части одного большого организма, живущего и действующего во имя некоторой высшей цели. Сакральное делает государство легитимным, и как реальность государство обретает в таком случае незыблемость, вечность, безусловную необходимость своего присутствия в истории. Оно выше разных исторических случайностей. Все невзгоды есть лишь очередное испытание на пути к заветной цели.

Интересно, как евразийцы описывали Россию. Они представляли ее в виде огромного тела, лежащего от северных морей до юга, но не наделенного еще духовностью. Беда, считали они, пришла в Россию в 1917 г. по той причине, что она не осознала к тому времени своего исторического предназначения.

Теперь, если принять во внимание основные особенности воспроизводства традиционного государства как целостного социального организма, можно понять происхождение и реальную значимость многих социальных и нравственных качеств людей, живущих в таком государстве.

Такие черты, как первенство духовного над материальным, высокий уровень доверия, жертвенность и бескорыстие, коллективизм (в определенном смысле вынужденный) относятся к наиболее сильным чертам характера русских (российских) людей. В традиционном государстве нет публичной политики в привычном для западных обществ смысле. Но отсюда вовсе не следует, что русские люди были политическими невеждами или рабами, как это нередко утверждают отечественные и зарубежные исследователи. Это просто другой уклад жизни, уклад жизни традиционного общества.

Советский Союз с предельной отчетливостью выразил основные черты российского типа традиционной государственности, несмотря на всю специфичность конкретной формы государства — партийно-советского государства. Сакральный смысл существования Советского Союза как государства, призванного утвердить на земле коммунизм — самое прогрессивное и справедливое общество, был своеобразным и вполне закономерным продолжением сакрального характера всех прежних российских государств. Это идея была не просто утопией. В ней нашли свое конкретно историческое выражение вековые мечты русского народа. И некоторые из них получили вполне земное, а потому и несовершенное воплощение.

В итоге можно сказать, что такой социальный организм, как традиционное государство, обладает огромной устойчивостью и жизнеспособностью. Вместе с тем оно имеет ограниченные возможности, прежде всего слабые внутренние импульсы для динамичного развития. Поэтому чертам его жизнеспособности нельзя придавать вневременной характер, тем более говорить о совершенстве традиционного государства, особенно, если сравнивать его с исторически более прогрессивным по меркам проекта Модерн либеральным типом государства. Здесь и возникает вопрос о том, как возможна трансформация социального организма, основанного на одном, традиционном типе государственности, в социальный организм, основанный на другом, либеральном типе государственности в условиях растущих процессов глобализации. Сохранение и повышение жизнеспособности общества с тысячелетней историей, способности его к воспроизводству должно быть важнейшим критерием при оценке любых проектов его трансформации. Если познание того, что называется истиной, при-

водит к самоубийству, то это не есть истина. Сегодня Российскому государству брошены самые мощные вызовы за все время его существования. Действительно ли только отказ от традиционной модели государственности позволит России найти достойные ответы на вызовы глобализации?

Либеральный тип государственности

Классическое либеральное государство представляет собой полную противоположность традиционному государству. Переход на Западе к принципиально новому типу государственности сопровождался кровопролитными религиозными войнами, социальными революциями, огромным переворотом в духовно-нравственных ценностях людей, в обществе в целом, наконец, промышленным переворотом и полной победой города над деревней. Все это вместе есть необходимые условия становления развитых либерально-демократических институтов государственной власти. Либеральные круги общества с особой страстью выступили в эпоху буржуазных революций против средневековых традиций, нравов, обычаев и особенно религии, одним словом, против духовно-нравственных, сакральных основ жизни традиционного государства.

Либеральный тип государства уже трудно представить в виде социального организма, адаптированного к окружающей его природной среде. По своему политическому устройству оно имеет принципиально другой, механический характер. Это не просто метафора, здесь заключено большое содержание. Либеральная модель национального государства предполагает рационально сконструированный политический механизм, разумно устроенную организацию всей общественной жизни.

Либеральное государство — это наличие рынка, либеральной демократии с ее разделением ветвей власти, демократической процедурой выборов вместе с ее избирательными ограничениями в виде цензов, автономного индивида с его естественными и неотчуждаемыми правами. Эти автономные индивиды и заключают общественный договор по созданию государственных органов власти, которым индивиды добровольно передоверяют часть своих естественных прав в обмен на гарантии защиты от посягательств на их свободу, собственность и жизнь.

В действительности оказалось, что власть в обществе классического индустриального капитализма принадлежит классу собственников, и потому государственная власть выступает в точном смысле сло-

ва политической надстройкой над экономической сферой жизни. Основное назначение либерально-демократического устройства государства в классическом смысле — содействие членам общества в получении максимально возможной индивидуальной свободы, в первую очередь создание максимально благоприятных условий для экономической деятельности частных собственников — мелких и средних предпринимателей, для функционирования рыночных, товарно-денежных отношений, постепенно охватывающих все сферы общества, в том числе и политическую сферу.

Либеральный тип государства с точки зрения своего производства и воспроизводства также является социально эффективным государством. На протяжении нескольких столетий оно показывает высокую социальную энергетику. Общество постоянно вырабатывает огромное количество социальной энергии, позволяющей удерживать высокий уровень социальной организации. Мотивация людей к производительному труду носит, прежде всего, материальный характер. Она основывается на уверенности каждого члена общества в достижении материальной выгоды, материального благополучия. Потерпевший неудачу может винить только самого себя. Девиз классического либерального общества: свобода выше справедливости. Отсюда то поразительное забвение общего блага, которое наблюдается в истории и теории либерального общества последних столетий¹⁸.

Принцип социальной справедливости воспроизводился в различных концепциях социализма, который выступал оппозицией либерализму. Либерализм, напротив, всегда с большим подозрением относился к социальной справедливости, считая ее проявлением патернализма и иждивенчества. Российские либералы, например Б. Чичерин, также весьма негативно его оценивали. Справедливость — это дело благотворительных организаций. Только в самое последнее время либеральная мысль стала проявлять интерес к социальной справедливости.

Смысл всех перемен, происходивших в идейно-духовной жизни классического буржуазного общества, заключался в преодолении мистических, религиозно-духовных представлений, утверждающих сверхчеловеческое бытие государства, одним словом, десакрализация государства, всех сторон жизни западного общества. Позитивизм есть идейное обоснование либерализма в целом и либерального устройства государства в частности. Сверхэмпирическое, трансцендентное начало у буржуазного государства отсутствует.

При анализе процессов воспроизводства либерального типа государства как целостной системы важно подчеркнуть, что западная цивилизация в отличие от традиционных, локальных цивилизаций основана не на приспособлении к своему природному ареалу, а на использовании любых природных ресурсов, рассматриваемых в качестве неограниченного источника сырья, для промышленной переработки и создания товарной массы для потребления. Постоянное наращивание товарной массы, общественного богатства, динамичное развитие экономики в целом предполагает наличие идущего извне огромного потока природного сырья, продуктов, источников энергии. Рыночная экономика не может существовать без наличия нерыночной периферии. Для устойчивого существования Центра, метрополии необходима колониальная периферия и неэквивалентный обмен. В случае возникновения здесь трудностей на помощь частному собственнику приходит государство, использующее все возможные способы вплоть до открытой интервенции и войны для обеспечения непрерывности получения дешевого сырья и рабочей силы, в общем, непрерывности процесса материального производства, обмена и потребления.

Сегодня в условиях нарастающей глобализации все страны в мире ранжированы в соответствии с принадлежностью к тому или иному уровню технологической пирамиды, сложившейся в мире. Наверху пирамиды находятся США, которые достигли по многим параметрам стадии информационного общества, несколько отстают от них ведущие страны Западной Европы. На втором – развитом индустриальном – уровне технологической пирамиды находится целый ряд стран Европы, Юго-восточной Азии. Третий уровень пирамиды занимают страны, экономика которых основана на экспорте природного сырья и энергоносителей. России сегодня принадлежит место в конце второго уровня технологической пирамиды и ей реально угрожает переход на третий уровень, если она и дальше будет делать основной упор на «сырьевой» характер своей экономики.

В новых исторических условиях — растущей глобализации мира — продолжается масштабная подпитка западного «золотого миллиарда» из окружающей его социальной среды, представляющей остальную часть мирового сообщества. Синергетический подход показал специфику этого механизма. Условием повышения уровня организации западного мира, перехода на более высокий уровень развития (понижения энтропии) выступает поток социально обработанного первичного сырья, энергоносителей, интеллектуальных ресурсов из незападного мира¹⁹.

Перспективы трансформации российского государства

Что касается российского государства, то оно находится сегодня в переходном состоянии. Вопрос как раз состоит в том, как придать ему новые импульсы, повысить его жизнеспособность в связи с радикально меняющимися условиями его существования в современной цивилизации?

Менее всего этому условию удовлетворяет радикал-либеральная концепция смены типа российской государственности. В начале 90-х г. казалось, что полное разрушение советской системы, создание ситуации хаоса в стране облегчит путь от старого строя к новому либеральному порядку. Но нарастание хаоса к концу 90-х г. грозило полным распадом РФ. В теоретическом плане можно было заранее предвидеть результат такого жестокого социального эксперимента. Можно взять каждую основную сферу общественной жизни традиционного общества, о чем ранее уже говорилось, и теоретически показать невозможность радикальной трансформации каждой из них и общества в целом.

Итог такого рассмотрения для нас вполне очевиден. Для державного государства с тысячелетней традицией нет никакой необходимости отказываться от идеи самостоятельного, национального пути развития даже в эпоху глобализации. Наглядным примером выступает современный Китай, который успешно осуществляет грандиозную реформу общества, не отказываясь от Традиции с большой буквы. Но нужна современная форма традиционного типа российского государства, которая не может быть простым возвращением к уже пройденным конкретно-историческим формам, будь это самодержавно-православная империя или государственный социализм. А следовательно, остается важнейшей проблемой поиск и формулировка возвышенных, трансцендентных целей для современного российского государства.

В последнее время ряд отечественных исследователей выступили за позитивный синтез традиционных и либеральных элементов в государственном устройстве России. Прежде всего здесь вопрос в том, можно ли процесс соединения традиционного и либерального называть синтезом. В точном смысле слова синтез — это соединение различных, самостоятельно существующих элементов в одно целое, в систему. Но где и когда традиционные и либеральные элементы в истории отдельного общества, в том числе в России, существовали порознь? Синтез как понятие в таком случае выступает либо неудачным заимствованием, не схватывающим суть проблемы, либо идео-

логемой, сознательно используемой для сокрытия намерения добиться радикальной трансформации российской государственности, смены ее «матрицы».

С нашей точки зрения, можно говорить о синтезе, но только как об обновлении традиционного государства, даже точнее, о встраивании прежде всего элементов либеральной модели в механизмы воспроизводства всех основных сфер общественной жизни. Но не только. Для устойчивого полета государственного самолета нужны два крыла — либеральное и социалистическое. От советского социализма сегодня необходимо взять, в первую очередь, принцип социальной справедливости. Это основа основ всех традиционных обществ, в том числе и российского общества. Китайский опыт реформ Дэн-Сяопина еще раз подчеркнул исключительную важность принципа социальной справедливости для сохранения контроля над ходом проведения радикальных преобразований.

В последнее время в стране предпринимаются меры для того, чтобы выстроить работающую государственную конструкцию — укрепить властную вертикаль, выстроить хорошо управляемый сверху донизу бюрократический аппарат и сделать элементы либеральной модели жизнеспособными, а следовательно, по-настоящему работающими. Это прежде всего касается законодательной ветви власти. Одним словом, приспосობить либеральные и демократические принципы к реалиям российской жизни.

Но что интересно. Сегодня наблюдается огромное количество превращенных форм во всех сферах жизни российского общества, которые являются результатами процессов мутации, т.е. спонтанного, самопроизвольного, в известном смысле, скрещивания явлений, принадлежащих по своей сути к различным типам государственности, в основном к традиционному и либеральному типам.

Когда утверждают, что в ходе проведения реформ в России возникли псевдорынок, псевдемократия, псевдопарламент, псевдовыборы, псевдокапитализм и т.д., то невольно возникает вопрос о том, в силу каких причин псевдоформы подобного рода получили столь широкое распространение. Видимо, современная российская история порождает много ложных «синтезных» форм и производит естественный отбор из них более или менее жизнеспособных мутантов. Но естественный отбор есть слишком долгий и безжалостный процесс. В российском государстве просыпается мощный инстинкт самосохранения, государство начинает понимать всю опасность кризиса, который она до сих пор переживает, и важность скорейшего повышения уровня жизнеспособности общества.

Следовательно, суть проблемы состоит в том, чтобы найти способ, с помощью которого можно было бы встроить, инкорпорировать в традиционную модель российской государственности элементы либеральной модели государственности, а также принципы социальной справедливости. При всей возможной правильности тех или иных практических действий сегодняшней власти только философская теория может определить основные параметры жизнеспособной модели современного российского общества, способной в сегодняшней весьма сложной ситуации адекватно ответить на внешние вызовы и угрозы, порождаемые современным этапом глобализации.

Среди важнейших принципов, способных обеспечить жизнеспособность новой или обновленной формы традиционного государства, несомненно, самую значимую роль играет принцип сакральности государства. Не следует думать, что сакральность как понятие имеет только религиозную трактовку. Подобно тому, как дух и духовность, сакральность также может иметь светскую интерпретацию. Сакральность российского государства в современных условиях предполагает, что общество и прежде всего правящая элита признает наличие у него особой миссии, особой роли в истории.

Решение этой задачи не может быть сведено только к восстановлению в обществе православной духовности. Сакральность, о чем уже выше говорилось, можно трактовать как безусловный приоритет возвышенных, трансцендентных целей, к которым устремлено государство, над сиюминутными, материально-прагматичными целями. Переживание сакрального порождает определенное духовное, психологическое, нравственное состояние в обществе, — мощную социальную энергетику, способность людей переносить лишения и недостатки, самоотверженность, твердую волю и решимость, чувство сопричастности к великим свершениям.

В методологическом плане важно иметь в виду неизбежность и необходимость сосуществования в сакральной области нескольких пластов одновременно. Один из них — православный, связанный с выполнением Россией в земной жизни особой миссии по сохранению первоначальной чистоты христианства. Другой пласт сакральности связан по происхождению с советским периодом истории. Сегодняшняя ностальгия по советской жизни — это, прежде всего, ностальгия по великой цели, стремление к реализации которой придавала конкретный жизненный смысл миллионам советских людей.

На пересечении этих двух пластов сакральности государства рождаются сегодня многочисленные дискуссии о национальной идее. Они, конечно, не бессмысленны. Но совмещения двух пластов сак-

ральности вряд ли возможно достичь в обозримом будущем. Такое своеобразие ситуации показывает, что ни одна из трактовок сакральности не может сегодня рассчитывать на овладение умами большинства россиян. Православная и социалистическая идея являются сегодня ценностью лишь для определенных слоев населения. Православная церковь пытается возложить на себя непосильное бремя хранителя общенациональной идеи. Об идее социализма широкие массы народа судят ныне по малопривлекательному ее облику, созданному усилиями либеральных СМИ, у которого нет ничего положительного. Сам либерализм антисакрален по существу, он последовательно ведет к ликвидации духовности, мира трансцендентного, к отмене власти духа над человеком. При насаждении его в обществах традиционного типа становится неизбежным опасное по своим последствиям возрождение языческих и оккультных верований, как результат утраты традиционным государством своей сакральности. Русский национализм, как этнический национализм, провоцирует и обостряет этнические конфликты в российском многоэтническом обществе. Евразийский национализм есть теоретическое понятие, концепт, вмещающий в себя большой положительный смысл, но который мало что говорит массовому сознанию и который сегодня не вызывает заметного духовного подъема и энтузиазма. Наряду с этими главными участниками игры на сакральном поле в литературе можно столкнуться сегодня с невероятно большим обилием того, что можно назвать самодеятельностью, которая не имеет границ. Как горько шутят острословы, сегодня все ринулись спасать Россию.

Можно ли говорить о том, что перед государством должны стоять цели, не сводимые к показателям экономического роста и уровню материального благополучия? Безусловно, да. Известно, что страна в обозримом будущем не сможет догнать Запад по уровню материального потребления²⁰. Если к тому же страна навсегда покончит с всякими высокими целями, которые объявляются либералами химерами и вредными утопиями, то это будет означать лишь одно. Это будет означать полный разрыв с тысячелетней традицией государства. Что тогда придаст смысл жизни многим миллионам российских людей?

Сказанное означает, что потребность в общенациональной идее, которая проистекала бы из сакральной миссии государства, действительно существует, и она, эта потребность, огромна. Российская власть стала осознавать эту потребность и время от времени обращает внимание общества на необходимость заняться поисками новой интерпретации национальной идеи.

Поскольку национальная идея это социальный миф, который органически присущ развитому традиционному обществу, вполне сложившейся цивилизации, то вряд ли возможно выявить раз и навсегда его подлинный смысл.

Миф нельзя по желанию так просто создать или уничтожить. Можно, конечно, приказать, чтобы был найден новый вариант русской или применительно к современной ситуации общенациональной идеи. Но из этой недавней затеи, как известно, ничего не получилось и впредь не получится. Идея живет в культуре, — в народной традиции, в государственнической, в различных религиозных традициях многоэтнического общества, каким является Россия. Главное состоит в том, что идея лишена четких предметных и содержательных границ.

Зачем большим цивилизациям, большим державам нужен миф? Миф говорит о некоем историческом предназначении государства, о той роли, которую оно играет и далее должно играть на мировой арене. Вера в это предназначение создает в обществе мощную социальную энергетику, придает обществу высокую жизнеспособность и целеустремленность. Без такой веры держава, империя рушится.

Сегодня стране нужно четко определиться в отношении содержания своих общенациональных интересов. Ведь на их основе формируются затем национальные цели, т.е. стратегия национального развития, конкретные программы по каждой из таких целей. Так строится американская идеология, если говорить о существе дела, поскольку сегодня в высокоразвитых странах Запада предпочитают обходиться без жестких идеологических доктрин. Если национальные интересы и цели, стратегии и конкретные программы соответствуют содержанию мифа, он живет в массовом сознании, обогащается новыми подробностями и деталями. Пишущая часть общества в этой ситуации постоянно убеждает своих читателей, что она нашла новые подтверждения верности мифа. Если кругом в жизни все враждебно мифу, то он постепенно гаснет и умирает, вместе с ним умирает цивилизация.

Сегодня русская идея находится в очень тяжелом положении. То, что происходит в стране, убивает русскую, общенациональную идею. В первую очередь это результат действий радикальных кругов правящей элиты, стремящейся насадить либеральные ценности, дискредитировать раз и навсегда русскую идею как заведомо устаревшую идеологему и расчистить таким образом площадку для другого, как ей кажется очень нужного для страны мифа в виде нечто подобного американской мечте.

Русская идея имеет внутреннюю и внешнюю составляющие. Сначала о внутренней составляющей. Известно, что американская мечта носит приземленный, прагматичный характер. В ее основе лежит индивидуализм, твердое убеждение в том, что каждый индивид — кузнец своего счастья. Реальность американской мечты — это дом, машина, семья, это солидное денежное богатство, одним словом, успех. Русская идея более абстрактна с точки зрения внутреннего измерения, она связана с поисками абсолюта, совершенства, общественно-нравственного идеала. Она представляет собой скорее абстрактный, чем чувственно наглядный образ. И, конечно, русская идея предполагает наличие соборности, коллективную устремленность людей к справедливости, к абсолюту, земле обетованной, царству Божьему, разумеется, и к материальному достатку для всех, а не к индивидуальному успеху на фоне неудач других людей. Русская идея имеет много граней. Здесь всемерная забота о сохранении в чистоте православных ценностей, и «всемирная отзывчивость» русских (российских) людей, готовность их к самоограничению, к служению всему человечеству, вселенским идеалам добра, красоты и справедливости и т.д.

Что касается внешнего измерения русской идеи, то оно содержит в себе указание на высокую миссию государства на исторической арене, от которой оно не вправе отказываться. Например, американская исключительность выражена в афоризме «Град на холме», а американский народ представлен как «богоизбранный народ». Американцы всерьез убеждены в том, что они живут в стране, которая призвана указать путь развития для всей остальной части мира. Отсюда своеобразие американской внешней политики особенно в прошлом, XX столетии, тем более в начале этого столетия.

Русская идея также во многих интерпретациях отмечает особую роль государства в многовековом стремлении русского (российского) народа служить всему человечеству. Миссия, возложенная на русский народ, российскую цивилизацию включает в себя, как бы это сказать помягче, и имперские обертоны. Без внешней, т.е. имперской, составляющей в государственной политике не смогли бы существовать в массовом сознании народов ни американская мечта, ни русская идея. Поэтому когда российское государство осуждают сегодня за отстаивание своих скромных по нынешним временам национальных интересов, когда говорят при этом о появившихся вновь «имперских замашках», то мы должны правильно понять смысл действий нашего государства. Оно просто обязано отстаивать и в современных условиях свой национальный путь развития, даже если кто-то

усматривает в этом имперские амбиции России. Ведь самое общее понимание русской идеи и связано с державностью Российского государства, с его правом искать свой путь реализации вселенских идеалов добра, красоты и справедливости так, как оно это понимает на каждом историческом отрезке времени. Наверное, оно не всегда правильно их понимало, но эти претензии в равной мере могут быть предъявлены и другой стороне. Имперский принцип применительно к внешней политике России всегда предполагал действия, скорее продиктованные убеждениями и верой в достижение высших целей, нежели прагматичными, сиюминутными интересами.

Необходимо выяснить, какие были более ранние интерпретации исторической роли России, которые по тем или иным причинам оказались отодвинутыми на задний план, и могут ли сегодня они сыграть вновь позитивную роль. К примеру, Россия, ее культура всегда выступали связующим звеном между Западом и Востоком. Здесь, в России, совершался большой и длительный процесс взаимного узнавания и взаимного проникновения двух различных миров. Конечно, не только в России совершался этот процесс, но Россия в прошлом внесла в этот процесс огромный вклад. В ходе своего исторического развития Россия постоянно осуществляла, хотя и с разным успехом, синтез культур и общественных систем Запада и Востока, создавая свой мир, свою цивилизацию, не похожую ни на тех, ни на других. Цивилизацию, которую сегодня многие называют евразийской цивилизацией.

С падением советского строя Россия оказалась на обочине истории. В мире идет нарастание взаимного отчуждения и конфронтации двух миров — западного и незападного, двух типов культур. Сегодня Россия вновь смогла бы сыграть свою уникальную роль в новом витке взаимного узнавания и синтеза Запада и Востока. Можно, конечно, сделать все, чтобы страна и ее культура забыли об этом. А можно, напротив, вновь обратиться к выполнению этой высокой миссии.

Интересную мысль высказал известный исследователь проблем глобализации М.Г.Делягин. Он обратил внимание на другую историческую функцию, которую выполняла Россия в отношении Востока и Запада, более того, в истории человечества в целом, а именно на функцию «встроенного гармонизатора». «В отличие от наиболее распространенных представлений о ее роли она была не столько «мостиком между двумя мирами» или «плавающим котлом культур» (хотя и то, другое также является верным), сколько громоотводом, который не просто канализировал накопленную энергию в безопасном направлении, но и качественно преобразовывал»²¹.

Вместе с тем нельзя не продолжать поиск такой стратегической цели, которая сегодня смогла бы стать фактором огромного воодушевления и энтузиазма для всей страны. Результаты глобализации привели к актуализации одной весьма давней идеи. Сегодня мир оказался поделенным на богатый Запад и бедный не-Запад, т.е. Восток.

Сегодня в условиях увеличения разрыва между бедными и богатыми вновь приобретает огромную актуальность проблема социальной справедливости. С появлением первых государств на Востоке рождаются разного рода идеи крестьянского утопического социализма, в котором на первом месте была идея социальной справедливости. В Советском Союзе социализм на практике был сведен к бесконечной гонке за Западом по уровню потребления населением материальных благ, и потому строительство такого рода социализма было обречено на поражение. В современном Китае, руководители которого понимают эту опасность, провозглашена великая цель — строительство в Китае «духовной цивилизации». В ней духовные ценности должны стоять на первом месте по сравнению с материальными ценностями.

А.С.Панарин абсолютно прав, говоря, что «требуется мощная социальная инициатива, новая социальная идея». «Для нового спасения «человеческого фактора» от рынка, неуклонно играющего на понижение, необходимо беспрецедентное «великодушие» нового социального государства, способного заново реабилитировать человека вне зависимости от его непосредственной «рыночной стоимости»²². Но реальность сегодня такова, что современное российское государство не желает больше нести ответственность за социальную защиту и благополучие своих граждан. Навязанный стране в его самой примитивной и дикой форме либеральный принцип свободы и индивидуальной ответственности за свои жизненные успехи или поражения противоречит всей многовековой традиции российской государственности. Общество в целом оказалось и практически, и морально не готовым к такому повороту в развитии. Вымирание россиян есть следствие не столько резкого ухудшения условий жизни, сколько распада прежней системы ценностных установок и смысла жизни, в которой государство выступало гарантом приемлемого минимума социальной защиты и социальных услуг.

Исторически державность государства имперского типа связана с самодостаточностью, автаркией, способностью к устойчивому существованию, при необходимости к реформам и развитию при опоре в главном на свои внутренние силы, на богатство своего природного ареала обитания. Сегодня самодостаточность при всем богатст-

ве природной среды не решит проблем постиндустриального развития, когда на первое место в становлении единого глобального мира вышло производство информационных технологий. Россия в результате реформ 90-х г. оказалась в группе государств, выступающих для Запада в роли главным образом поставщика сырьевых, других «колониальных продуктов», теперь в виде энергоносителей, минеральных ресурсов и первично обработанного сырья — леса или проката металла. Индустриальный потенциал разрушен наполовину, а оставшийся стремительно устаревает.

Либеральная рыночная экономика для своего устойчивого развития требует наличия вокруг себя такой социальной среды в виде отсталых неразвитых государств, которая открывала бы возможности для создания механизма неэквивалентного обмена. У России такой среды сегодня нет. Бывшие союзные республики эксплуатируются сегодня многими странами Запада. Из России миллиарды долларов продолжают утекать за границу, приток инвестиций по сравнению с оттоком долларов незначительный, а количество вывезенного богатства из страны с начала 90-х г. достигает фантастических размеров. Претензии России на высокий индустриальный уровень в мировой технологической пирамиде развития еще должны быть предьявлены и обоснованы. В России перестали работать свойственные традиционному государству принципы раздаточной экономики. Сырьевые регионы хотят жить как на Западе и им решительно все равно, как живут соседние бедные регионы. Практически разрушено единое экономическое пространство. Регионы предоставлены сами себе, и они втянуты в региональные торгово-промышленные объединения с пограничными странами. Процессы деиндустриализации, архаизации общественных отношений, падения культуры и нравов, разрушения самых сложных рисунков социальной ткани общества, создававшихся десятилетиями и столетиями, доминируют над процессами созидания в очень ограниченных размерах новых форм социального взаимодействия и общественных связей, главным образом в виде отдельных мегаполисов.

Одна из причин — установление рыночных цен на транспорт в стране, занимающей ныне одну седьмую часть мировой суши. Цены на транспорт это не экономическая, а чрезвычайно важная политическая проблема. Если государство всерьез озабочено сохранением единого экономического и социального пространства, цивилизованным становлением эффективных механизмов рынка, то все виды транспорта, включая воздушный транспорт, должны быть доступны людям всех социальных слоев общества. Что касается встраивания в

новую форму традиционного государства либеральных элементов экономики, то речь должна идти, прежде всего, о выполнении частной собственностью, особенно крупной частной собственностью, ответственных социальных функций. Все формы собственности в России, тем более олигархической собственности, должны продолжать носить и в новых условиях общественно-служебный характер, способствовать реализации стратегических целей государства. Но олигархия и служение государству — вещи несовместимые.

В связи с таким пониманием социальной роли собственности важно дать оценку тому направлению, по которому идет трансформация созданной в стране в прошлом десятилетии либеральной политической системы. Вообще говоря, традиционный тип государственности, иначе говоря, высокоцентрализованная власть предполагает в любом случае, что любая политическая борьба партий за пост первого лица в государстве является излишней, более того, просто недопустимой, ведущей к расколу общества. Принцип выборности президента в лучшем случае может предполагать всенародное одобрение. Сегодня, напротив, либерализм требует борьбы за высший пост в государстве с непредсказуемым результатом. Последние президентские выборы показали несовместимость двух принципиально различных по устройству политических систем. Понятно теперь, почему в современной жизни возникают превращенные формы политических институтов, те политические мутанты, которых невозможно анализировать как в рамках господствующей ныне либеральной теории, так и в теории государства традиционного типа.

В настоящее время принципы традиционного устройства российской государственности становятся все более доминирующими в реальной политической практике. Это вынуждает трансформироваться, «мутировать» все без исключения появившиеся ранее в стране либеральные по замыслу институты. Непредсказуемость результатов политической борьбы за власть в общем-то несовместима с традиционным механизмом государственного управления. С этих позиций и следует подходить к оценке процесса неуклонного и, как мне кажется, целенаправленного сокращения публичной политики в обществе. Под эгидой высшей власти формируются и находятся под контролем все важнейшие институты гражданского общества и, прежде всего, парламент, несмотря на весьма небольшой объем его полномочий. Жесткая вертикаль исполнительной власти в полноценной федерации по западному образцу (например, Германии), — это «жареный лед», по меткому выражению одного автора. Но центральная

власть должна была добиться за короткий срок контроля над деятельностью субъектов федерации по ключевым вопросам с тем, чтобы пресечь наиболее опасные проявления сепаратизма в ряде регионов. Этой цели как раз и служит идея назначения глав субъектов Федерации с последующим утверждением их местными законодательными собраниями.

Многопартийность в стране так и не обрела и не могла обрести должной значимости. Количество членов всех партий по отношению к общей численности трудоспособного населения весьма невелико. Пиаровские компании надувают партии как воздушные шарик, которые исчезают из политической жизни общества на другой день после окончания выборов. В традиционном обществе нет экономически господствующего класса, а следовательно, не возникает партий для защиты экономических интересов. На самом деле партии, конечно, нужны, но для современного традиционного общества, видимо, в другом качестве.

В современном российском обществе партии становятся выразителями интересов профессиональных слоев общества. В свое время Гегель говорил о трудностях становления правового государства. Он выдвинул идею корпорации как объединения, находящегося между индивидом и государством. В корпорации индивид учится отстаивать свои права, соединять личные интересы с интересами общества. Последующая история, особенно в XX в., придала идее корпоративного государства негативный оттенок, но это не отменяет практической ее значимости, по крайней мере для политической жизни современной России.

Что касается использования наследия советского периода, то возвращение к обновленному традиционному типу российской государственности невозможно без возвращения ему сильной социальной составляющей. В Советском Союзе была достаточно сильно представлена социальная функция, свойственная традиционному государству. Социальные права граждан на труд, образование, медицинское обслуживание, коммунальные услуги и т.д. были под защитой государства, и для подавляющего большинства граждан они были важнее, чем политические права. Нынешний отход от классической схемы — первое лицо опирается на народ в своей борьбе против своекорыстия и произвола бояр, номенклатуры и т.д. — ставит верховную власть в очень сложное положение. К сожалению, проблема социальной справедливости преднамеренно интерпретируется исключительно как иждивенчество, что неверно. Потеря первым лицом поддержки со стороны тех, кто лишен сегодня социальной защиты в услови-

ях, когда в повседневной жизни все больше побеждает дикий рынок, может привести к потере им значительной части поддержки, и более того, легитимности.

И, наконец, проблема патриотизма. Ситуация взаимодействия превращенных форм здесь проявляет себя во всей полноте. Радикальные либералы представляют собой настоящих рыночных космополитов. С либеральных позиций, как пишет П.Щедровицкий, «патриот сегодня — это тот, кто сам себя содержит и не берет деньги из бюджета»²³. При всей парадоксальности высказывание содержит недвусмысленный намек на то, что все остальные в обществе, не способные себя содержать, есть просто иждивенцы. Сегодня идеи патриотизма и державности находятся под защитой государства. Однако остаются по-прежнему неясными те высшие цели и ценности, на реализацию которых направляют свои силы государство и общество. Солдат за деньги готов воевать, но не готов умирать на войне. Умирать солдат готов за святое дело.

Теперь о коридоре возможностей, который создается для России на современном этапе глобализации. В статье был сначала рассмотрен вопрос о трансформации российского государства, теперь на очереди вопрос о том, что следует ожидать государству от глобализации. Суть дела в тех следствиях, которые вытекают из сохранения сакральной природы российского государства. Высокое историческое предназначение государства, принятие его властью и обществом порождает в нем огромный духовный подъем, что в свою очередь создает мощную социальную энергетику, желание работать больше, лучше, самоотверженнее. Тем самым значительно расширяются границы возможностей по сравнению с теми, которые дает эмпирический, сугубо материально-прагматический, одним словом, либеральный взгляд на историю и на будущее.

Разоренная провальными реформами страна не имеет необходимых финансовых средств для быстрого подъема экономики. Но если народ страны будет воодушевлен высокими идеалами и целями, тогда он может решить такие задачи, которые с либеральных позиций считаются неразрешимыми. Если убить духовность в народе, тогда и границы возможностей резко сужаются. Вот почему сегодня так серьезно стоит вопрос о духовности русского, российского народа.

Таким образом, глобализация приводит к прямо противоположным результатам в отношении высоко развитых (западных) и незападных государств. Глобализация создает благоприятные условия для последовательного разукрупнения больших западных государств.

Рыночный фундаментализм как идеология и практическая стратегия поведения Запада принуждает национальные государства не-Запада к отказу от самостоятельного пути развития. Но в то же время он активно побуждает всеми доступными средствами отдельные этносы в государствах, особенно имеющие какой-либо богатый природный ресурс (нефть, алмазы, объекты массового туризма), к выходу из государства и образованию маленького, но самостоятельного государства. При этом Запад прельщает их надеждой на то, что они для себя получают на мировом рынке взамен большую материальную выгоду.

Как о непреложном факте говорят многие ученые о появлении в обозримом будущем на мировой арене около 500 государств. Но при такой ситуации вряд кто усомнится сегодня, что власть США и Западной Европы — «золотого миллиарда» — над остальным миром приобретет абсолютно доминирующий характер. Маленькие бессильные государства с колониальной демократией, полностью управляемые и послушные, — это вполне возможная перспектива развития глобального мира под жестким руководством одной сверхдержавы, решающей все вопросы мирового порядка исходя из своих национальных интересов. Все нерыночные сферы жизни в таком случае будут переведены на рыночные рельсы, что уже сегодня приносит колоссальный ущерб прежде всего науке, образованию, культуре, всей духовной сфере жизни многих небольших государств.

Большие государства державного типа — современная Россия, Китай, Иран, поставлены перед дилеммой — либо подчинить свою жизнь законам рыночного фундаментализма, либо в новых изменившихся условиях продолжать отстаивать свое право идти самостоятельным курсом.

Если Западу в ходе глобализации удастся поставить под контроль остальной мир, то участь России предрешена, и ее распад на ряд небольших государств может стать исторически обусловленным и неизбежным явлением. Только в небольших государствах могут сложиться в сегодняшней ситуации необходимые условия для существования либерально-демократического государства, в котором окончательно преодолены все следы сакральности прежнего традиционного типа государственности, преследующего какие-то возвышенные цели. При таком повороте сознание людей будет полностью повернуто на поиски путей и способов достижения материального успеха, обретения ими все больших и больших материальных благ. Полный демонтаж исторического наследия российской государственности станет тогда свершившимся фактом. Но есть и другой путь.

Реформирование экономики, ее постепенное открытие внешнему миру не должно вести к изменению основного принципа традиционного государства, для которого экономика есть средство для достижения других более возвышенных целей.

В отношении России этот подход в полной мере сохраняет свою значимость. Главное, конечно, состоит в том, чтобы эти возвышенные, сверхэмпирические цели, которыми должно руководствоваться государство, не были придуманы идеологами, а явились выражением исторических потребностей существования и развития российского государства. Чем выше духовный настрой государства и народа, тем устойчивее становится сам процесс существования государства, воспроизводства всего общества как целостной развивающейся системы.

Современное российское государство существует лишь второе десятилетие. В российской истории не было такого государства. Оно продукт распада Советского Союза, на месте которого образовалось пятнадцать независимых государств. Двенадцать из них входят в состав СНГ, которое представляет по большей части эфемерное образование. Молодое российское государство по отношению к ряду стран СНГ имеет лишь четкие административные границы, но не государственные границы в полном смысле слова. Сможет ли в условиях глобализации успешно развиваться государство с таким сроком существования, вопрос открытый. Двести с лишним лет строительства капитализма в России привели к мощному отторжению его всем социальным организмом. Хаос и распад страны был преодолен в результате образования Советского Союза, который явился новой исторической формой традиционной российской государственности, которая рухнула вместе с развалом страны.

Российская Федерация — весьма неустойчивое государственное образование. Если оно и далее будет стремиться к перестройке страны на последовательно либеральных принципах, то под воздействием законов мирового рынка над страной будет постоянно витать угроза распада. И вряд ли она в конечном счете его избежит.

Вполне вероятен другой путь трансформации российской государственности традиционного типа, связанный с резким возрастанием интеграционных процессов в СНГ. Вопрос, прежде всего, в том, какие общие духовные ценности и цели будут двигать народы и государства, что будет их воодушевлять на этом пути. По крайней мере, к большинству стран СНГ пришло или приходит осознание того, что в одиночку им не выжить, не выбраться из бедности и нищеты в условиях растущей агрессивности всемирного рынка. Но какое новое межгосударственное объединение может возникнуть сегодня на основе-

СНГ можно высказать лишь самые общие предположения. Не исключено, что это объединение повторит путь Евросоюза, но по необходимости в более сжатые сроки. Может быть, именно на этом пути возникнет принципиально новая историческая форма государственности на евразийском пространстве, но в какой связи она будет находиться с формирующимся сегодня обновленным типом традиционной российской государственности в границах Российской Федерации — это открытый вопрос.

Теперь подведем некоторые итоги сказанному. Причины кризиса российской государственности в целом ясны. Не очень ясно, что делать. Сегодня — это прежде всего решение вопроса о том политическом субъекте, который сможет выйти за рамки выбора между радикал-либералами и либерал-консерваторами. Важнейшей опорой традиционного общества, как отмечалось выше, всегда являлась поддержка народом первого лица государства при условии, если он следует во внутренней политике принципам социальной справедливости. Способен ли Путин сделать этот шаг — прочно опереться на народ, а не на политтехнологов? Но это единственный выбор для государства, если оно хочет иметь будущее. Вопрос в том, сделает ли его Путин или другой политический деятель.

У традиционного государства на первом месте всегда стоит и должен стоять вопрос социальной эффективности, а экономическая эффективность в этом смысле обусловлена правильным решением задач социальной эффективности. Поэтому радикальное отличие пути развития западного общества от незападного общества, тем более, осуществляющего модернизацию, заключается в том, что западный путь развития начинался с формального равенства и двигался по направлению к социальному государству. А для России должно быть наоборот. Сначала социальная защита и социальные права населения, что абсолютно необходимо для воспроизводства человека, общества, для устойчивости и безопасности государства, ее державной независимости, а лишь потом инкорпорирование, приспособление абсолютно необходимых для дальнейшего развития страны либеральных принципов экономической и иной свободы, формального равенства и т.д. к реалиям страны. Это не идеальная модель, в ней много несовершенного, но таким не был и не является западный путь. Социальная справедливость — это признание и законодательное закрепление иерархического характера льгот и привилегий ко всем социальным слоям и группам. Этот патернализм со стороны государства абсолютно необходим в условиях, когда нет единого экономического пространства на огромной евразийской территории, нет националь-

ного рынка, нет господства в обществе товарно-денежных отношений, и потому отношения между людьми в определяющей степени выступают в форме прямого господства и подчинения. Поставив телегу впереди лошади, радикальные либералы разрушают государство и государственность, уничтожают народ во имя процветания 20% процентов населения, которое будут обслуживать трубопроводы и сырьевые потоки, идущие на запад. Остальные проблемы для них сугубо второстепенные.

И последнее. Для России влияние внешнего фактора сегодня является определяющим. Чем дальше Россия движется по пути либерализма, тем больше она напоминает страну с внешним управлением. Мечта бывшего диссидента Александра Янова, который лет десять назад обивал пороги в Москве, в том числе и в Институте философии, как яркий адепт идеи внешнего управления для России, кажется, как никогда, близка к осуществлению. Поэтому у нас нет и, по-видимому, скоро не появится стратегически мыслящий политический субъект. Если такого субъекта-политика или партии не найдется, то это приведет Россию при нынешнем курсе реформ к новым катастрофическим потрясениям.

В самом общем виде суть теоретического решения проблемы состоит в том, что власть должна строить авторитарное социальное государство, опирающееся на принцип социальной защиты граждан и, более широко, на принцип социальной справедливости. Именно на этой основе должны осуществляться либеральные реформы, в не наоборот, если мы желаем получить такое жизнеспособное российское общество, которое будет способно адекватно ответить на все угрозы и вызовы мировой глобализации.

Примечания

- ¹ Набор положений неолиберальной экономической политики, предложенный в 1989 г. американским ученым Дж. Вильямсоном, ставший известным как «Вашингтонский консенсус». О содержании и критике «Вашингтонского консенсуса» см.: *Колодко Г.* Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации // *Вопр. экономики.* 1999. № 9; *Анисимов А.Н.* Почему неолиберальная экономика не имеет перспективы в XXI веке // *Россия XXI век.* 2000. № 3–5.
- ² *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии.* 1992. № 4.
- ³ *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
- ⁴ *Гидденс Э.* Ускользающий мир (как глобализация меняет нашу жизнь). М., 2004. С. 59.
- ⁵ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 302.
- ⁶ См. подробнее, например: *Шевцова Л.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // *Pro et contra.* 2004. Т. 8, № 3; *Крыштановская О.* Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et contra.* 2003. Т. 7, № 4.

- ⁷ **Шахназаров Г.Х.** Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et contra. 2000. Т. 5, № 4. С. 187.
- ⁸ **Величко А.М.** Философия русской государственности. СПб., 2001. С. 9.
- ⁹ **Кирдина С.Г.** Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 24, 33.
- ¹⁰ См. подробнее: **Шевченко В.Н.** Социальная философия: в продолжение дискуссии о предмете и проблемном поле. // Личность. Культура. Общество. Т. VI, Вып. 1(21). 2004.
- ¹¹ **Бессонова О.Э.** Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. С. 144.
- ¹² **Бессонова О.Э.** Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 47.
- ¹³ **Валлерстайн И.** Россия и капиталистическая мир-экономика. 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5.
- ¹⁴ **Пивоваров Ю., Фурсов А.** Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 82.
- ¹⁵ **Дугин А.** Философия политики. М., 2004. С. 111.
- ¹⁶ **Бердяев Н.А.** Философия неравенства. М., 1990. С. 70.
- ¹⁷ **Панарин А.С.** Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 207. См. также его работу «Православная цивилизация». М., 2002.
- ¹⁸ См. подробнее: **Спирidonova В.И.** Концепция «общего блага» в современной западной науке // Духовное измерение современной политики. М., 2003.
- ¹⁹ См. подробнее: **Некlessа А.И.** Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000. С. 215–216.
- ²⁰ **Львов Д.С.** Экономика и нравственное здоровье народа // Роль России в условиях глобализации. М., 2000. С. 26.
- ²¹ **Десягин М.Г.** Мировой кризис: общая теория глобализации. М., 2003. С. 639.
- ²² **Панарин А.С.** Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 481, 489.
- ²³ **Щедровицкий П.** Думать — это профессия. М., 2000. С. 25.

Содержание

Предисловие.....	3
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Глобализация и национальное государство	5
<i>В.Г.Буров</i>	
Китайский взгляд на государство в условиях глобализации	48
<i>И.И.Кравченко</i>	
Будущее мира и российской государственности	70
<i>Р.И.Соколова</i>	
Российское государство в эпоху глобализации (психодуховные аспекты)	102
<i>В.Н.Шевченко</i>	
Глобализация и судьба российской государственности	161

Научное издание

Судьба государства в эпоху глобализации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник ***В.К.Кузнецов***

Технический редактор ***А.В.Сафонова***

Корректор ***Т.М. Романова***

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 05.05.05.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 11,77. Тираж 500 экз. Заказ № 030.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор ***Т.В. Прохорова***

Компьютерная верстка ***Ю.А.Аношина***

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14